

Бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Чувашской Республики «Чувашский государственный институт
культуры и искусств» Министерства культуры,
по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Монография

Научное электронное издание

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2025

УДК 330
ББК 65.04
Р17

*Рекомендовано к публикации на основании приказа Чувашского
государственного института культуры и искусств»
Минкультуры Чувашии №01-01-05/232-1 от 05.12.2025*

Коллектив авторов:

С. Л. Данильченко, А. В. Медведев, Г. С. Бондарева, О. Н. Афанасьева,
Н. Р. Ортикова, А. А. Желудкова, А. В. Минаков, К. Э. Игнатова, Б. З. Кармова,
Т. С. Михайлова, Р. М. Лигидов, З. Х. Шадова, И. А. Федорова, А. Г. Краевская,
В. Н. Круглов, М. С. Казимиров

Рецензенты:

Федор Петрович Васильев, д-р юрид. наук, доцент ФГКОУ ВО «Академия
управления МВД России», член Российской академии юридических наук;

Оксана Ивановна Радица, д-р экон. наук, профессор Филиала
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» в г. Новошахтинске

Редакционная коллегия:

Эдуард Валентинович Фомин, главный редактор, канд. филол. наук, доцент,
заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Чувашский государственный институт культуры и искусств Минкультуры Чувашии

Развитие российской социально-экономической системы:

Р17 **вызовы и перспективы** : монография / С. Л. Данильченко,
А. В. Медведев, Г. С. Бондарева [и др.]; гл. ред. Э. В. Фомин;
Чувашский государственный институт культуры и искусств. –
Чебоксары: Среда, 2025. – 198 с. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул.
экрана. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-908083-44-7

В монографии представлены научно-исследовательские материалы известных и начинающих ученых, объединенные основной темой современного видения путей развития экономического развития. Монография может быть полезна для руководителей, экономистов, менеджеров и других работников предприятий и организаций, представителей органов государственной власти и местного самоуправления, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов высших учебных заведений.

Материалы представлены в авторской редакции. Ответственность за приведенные в исследовании экономические данные несут авторы.

Минимальные системные требования:

PC с процессором Intel 1,3 ГГц и выше ; 256 Мб (RAM) ; Microsoft Windows, MacOS ; дисковод CD-ROM ; Adobe Reader

УДК 330
ББК 65.04

© Коллектив авторов, 2025

© БОУ ВО «Чувашский государственный
институт культуры и искусств»
Минкультуры Чувашии», 2025

© Издательский дом «Среда», 2025

ISBN 978-5-908083-44-7

DOI 10.31483/a-10824

Авторский коллектив

Данильченко Сергей Леонидович – почетный работник воспитания и просвещения Российской Федерации, академик РАЕ, академик РАЕН, академик РАМТН, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой Институт общественных наук и международных отношений ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь, Россия – *глава 1*.

Медведев Алексей Викторович – д-р физ.-мат. наук, профессор ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», Кемерово Россия – *глава 2 (в соавторстве)*.

Бондарева Галина Сергеевна – д-р экон. наук, профессор ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный аграрный университет им. В.Н. Полецова», Кемерово, Россия – *глава 2 (в соавторстве)*.

Афанасьева Оксана Николаевна – д-р экон. наук, профессор, преподаватель ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития РФ», Москва, Россия – *глава 3 (в соавторстве)*.

Ортикова Нистана Рустамовна – студентка ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития РФ», Москва, Россия – *глава 3 (в соавторстве)*.

Желудкова Анастасия Алексеевна – студентка ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития РФ», Москва, Россия – *глава 3 (в соавторстве)*.

Минаков Андрей Владимирович – д-р экон. наук, профессор, профессор ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя», Москва, Россия – *глава 4*.

Игнатова Каринэ Эдуардовна – канд. юрид. наук, доцент Волжского филиал ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Волжского филиала ОЧУ ВО «Московский юридический институт», Волжский, Россия – *глава 5*.

Кармова Бэлла Заурбековна – старший преподаватель ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия – *глава 6*.

Михайлова Татьяна Сергеевна – магистр ФГБОУ ВО «Херсонский технический университет», Геничевск, Россия – *глава 7*.

Лигидов Рамазан Музаедович – канд. экон. наук, доцент, доцент ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия *глава 8 (в соавторстве)*.

Шадова Залина Хусеновна – канд. экон. наук, доцент ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия – *глава 8 (в соавторстве)*.

Федорова Ирина Анатольевна – канд. юрид. наук, доцент ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Москва, Россия *глава 9 (в соавторстве)*.

Краевская Анна Геннадьевна – студентка ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Москва, Россия *глава 9 (в соавторстве)*.

Круглов Владимир Николаевич – почётный работник сферы образования Российской Федерации, д-р экон. наук, доцент, профессор ЧОУ ВО «Институт управления, бизнеса и технологий», Калуга, Россия – *глава 10*.

Казимиров Максим Сергеевич – аспирант ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», Чебоксары, Россия – *глава 11*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	7
FOREWORD	12
Глава 1. СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА КАК СИНТЕЗ ФОРМАЦИОННОГО, ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО, ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО, ИСТОРИОСОФСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДОВ.....	17
<i>Библиографический список к главе 1</i>	<i>42</i>
Глава 2. ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ЭНЕРГОЕМКОСТИ ВАЛОВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОДУКТА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРОГРАММНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ	43
<i>Библиографический список к главе 2</i>	<i>56</i>
Глава 3. ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ НА РОССИЙСКО- КИТАЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО	58
<i>Библиографический список к главе 3</i>	<i>72</i>
Глава 4. РАЗВИТИЕ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ....	73
<i>Библиографический список к главе 4</i>	<i>85</i>
Глава 5. ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МИГРАЦИОННЫЙ УЧЕТ И КОНТРОЛЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РОССИИ	86
<i>Библиографический список к главе 5</i>	<i>94</i>
Глава 6. РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ	95
<i>Библиографический список к главе 6</i>	<i>110</i>
Глава 7. ОРГАНИЗАЦИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ПОВЫШЕНИЮ КАЧЕСТВА И УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ	113
<i>Библиографический список к главе 7</i>	<i>128</i>

Глава 8. БРЕНДИНГ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ: ПРИНЦИПЫ, ТЕХНОЛОГИИ	131
<i>Библиографический список к главе 8</i>	149
Глава 9. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОНТРАКТА НА ОКАЗАНИЕ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ И ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ.....	152
<i>Библиографический список к главе 9</i>	165
Глава 10. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ИТ-СФЕРЫ	166
<i>Библиографический список к главе 10</i>	180
Глава 11. К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ, ФАКТОРАХ И ДИНАМИКЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПРАВОСЛАВИЯ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.	181
<i>Библиографический список к главе 11</i>	196

ПРЕДИСЛОВИЕ

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии представляет монографию **«Развитие российской социально-экономической системы: вызовы и перспективы»**.

В монографии представлены научно-исследовательские материалы известных и начинающих ученых, объединенные основной темой современного видения путей экономического развития. Монография может быть полезна для руководителей, экономистов, менеджеров и других работников предприятий и организаций, представителей органов государственной власти и местного самоуправления, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов высших учебных заведений.

В первой главе рассматривается концепция системного анализа общественного развития, которая выступает как объединительная платформа для различных методологических подходов. Цивилизационно-формационное развитие происходит в рамках исторически сложившегося геополитического пространства. Культура – это духовный базис, а геополитика – это территориально-пространственный фундамент, формирующий этносы и питающий их своей ландшафтной энергией. Культурно-исторические традиции любого народа дополняются этнической историей, традициями, и соответствующими цивилизационными стереотипами поведения. В результате формируется реальная динамика цивилизационного процесса, опирающаяся на этническую, формационно-цивилизационную и геополитическую динамику общественного развития..

Во второй главе целью исследования является описание концепции автоматизированной оценки оптимальной энергоемкости сырьевого региона с применением автоматизированного программно-аналитического инструментария. Рассматриваются содержательная постановка задачи определения энергоемкости валового регионального продукта и применение комплекса программ численного анализа оптимизационной математической модели. Описываются особенности и производится трактовка объекта исследования – энергоемкости валового регионального продукта для региона сырьевого типа, а также используемые при моделировании и поддержке принятия управленческих решений принципы – динамичности, оптимизационности и многокритериальности. Предлагается

алгоритм оценки влияния энергоемких видов экономической деятельности в регионе на рост показателя энергоёмкости через влияние их характеристик на валовый региональный продукт. Рассмотрено влияние на энергоёмкость валового регионального продукта некоторых сценариев развития региона, рассматривающих различные конфигурации (наборы) энергоемких видов экономической деятельности региона, а также получены пропорции влияния указанных конфигураций.

Авторы следующей работы проводят всесторонний анализ изменений в российско-китайском экономическом сотрудничестве, вызванных санкционным давлением западных стран после 2022 года. Рассмотрено воздействие санкций и адаптация экономики, раскрыты энергетический блок сотрудничества России и КНР, логистика и новые транспортные маршруты, финансовая инфраструктура и расчеты в национальных валютах. Авторы исследуют изменения в структуре торговли и инвестиционные потоки, новые форматы технологического сотрудничества, выявили структурные риски и ограничения партнерства, определили перспективы развития российско-китайского сотрудничества.

На современных этапах развития российской промышленности и оборонного комплекса их полноценное функционирование невозможно без черной металлургии. Эта отрасль играет ключевую роль в обеспечении необходимыми материалами для производства и высоких технологий, способствуя устойчивости и конкурентоспособности экономической системы. В современных условиях отрасль сталкивается с беспрецедентными вызовами, требующими пересмотра стратегии развития. Исследование четвертой главы посвящено изучению развития черной металлургии в России в период с 2021 г. по 2024 г. Результаты показали снижение за 3 года выплавки чугуна, производства ферросилиция, стали, стальной проволоки, выпуска готового проката, экспорта стали и доли России в мировом экспорте черных металлов. Значительно улучшить ситуацию может стимулирование внутреннего спроса, разработка и внедрение собственных решений по высокотехнологичным сплавам, внедрение ИИ-решений для управления производством и логистикой.

Целью исследования следующей главы являются актуальные вопросы обеспечения цифрового суверенитета и информационной безопасности Российской Федерации. Рассматриваются положения

миграционной политики, утвержденной на 2026–2030 годы, проводится анализ последствий принятых мер в данной сфере в текущем году. Автор отмечает значимость создания цифрового профиля мигранта, устанавливает его роль в обеспечении доступа к необходимым услугам и информации, а также возможностью выработки и реализации эффективного механизма контроля и надзора за миграционными потоками на территории российского государства.

Нестабильность современной макроэкономической среды обуславливает формирование особых подходов к управлению региональной социально-экономической системой, что актуализирует вопросы, связанные с выявлением ее особенностей, условий формирования и развития. В исследовании шестой главы используется методологический подход, основанный на системном анализе к раскрытию сущности региональной социально-экономической системы. Применены методы анализа, синтеза и научной абстракции при определении качественных характеристик и формировании авторских формулировок исследуемых понятий. Сделан вывод, что важнейшим системным качеством региональной социально-экономической системы является устойчивость, которая позволяет адаптироваться к изменениям, закладывая основу не только для дальнейшего своего развития, но и развития макросистемы в целом. Для достижения устойчивого развития РСЭС, в соответствии с трендами развития мировой экономики, необходимо эффективное использование внутренних ресурсов и вовлечение инновационных технологий в воспроизводственный процесс.

Автор седьмой главы выбрал в качестве объекта исследования ключевые аспекты формирования и выполнения государственной политики в сфере социального и экономического развития региона. Рассматриваются основные механизмы и инструменты, используемые для повышения качества жизни населения, включая социальные программы, инвестиционные проекты и инициативы по развитию инфраструктуры. На основе статических данных, стратегических документов, национальных проектов и государственных программ проведен анализ уровня и качества жизни населения Мурманской области как субъекта Арктической зоны Российской Федерации. Факторный анализ позволил выявить проблемы, негативно влияющие на качество и уровень жизни населения региона, и наметить пути их решения.

В процессе исследования в восьмой главе монографии подчеркивается значимость брендинга для высших учебных заведений (вузов). Авторы тщательно анализируют факторы, способствующие становлению образовательных учреждений в качестве брендов, а также излагают ключевые принципы разработки бренда и последовательные шаги, ведущие к эффективному брендингу. Кроме того, предлагается модель брендинга, специально адаптированная для высших учебных заведений, которая может служить основой для их дальнейшего развития и укрепления позиций на образовательном рынке.

В девятой главе исследуется проблема правовой природы государственного контракта на оказание медицинских услуг в системе государственных закупок, представляющего собой уникальный правовой феномен с двойственной природой. В работе обосновывается, что государственный контракт на оказание медицинских услуг занимает пограничное положение на стыке нескольких отраслей права: административного, регулирующего процедуру заключения контракта, гражданского, определяющего содержание договорных обязательств, медицинского, устанавливающего специальные требования к субъектам и стандарты качества медицинской помощи, и бюджетного, регламентирующего финансовую основу исполнения контракта. Детально рассматриваются публично-правовые элементы контракта, проявляющиеся на стадии его заключения через императивные нормы Федерального закона №44-ФЗ. Анализируется особая роль медицинского права через установление императивных требований к лицензированию, материально-технической базе, квалификации персонала, соблюдению порядков и стандартов оказания медицинской помощи, а также влияние бюджетного законодательства на правовую природу контракта через принципы расходования бюджетных средств и процедуры санкционирования расходов. Обосновываются перспективы развития правового регулирования, включающие необходимость дифференцированного подхода к регулированию различных видов медицинских услуг.

В контексте текущих достижений национального проекта «Цифровая экономика» можно заключить, что, несмотря на возникновение ряда сложностей, связанных с внедрением нового программного обеспечения, таких как адаптация персонала, нехватка квалифицированных кадров на начальных стадиях, а также другие

проблемы, процесс глобального импортозамещения в Российской Федерации стал необратимым. Исследование данного процесса и лежит в основе главы. На базе отбора критериальных значений управленческих алгоритмов группы компаний «Калуга Астрал», работающих в сфере информационных технологий, ведётся поиск новых инновационных путей развития, предлагаются нестандартные решения по совершенствованию имеющейся системы менеджмента.

Одиннадцатая глава монографии представляет комплексный анализ процесса возрождения православия в России на рубеже XX–XXI веков. В работе освещены ключевые предпосылки, обусловившие возможность начала этого процесса после десятилетий проведения государством непримиримой антирелигиозной политики, включая глубокую историческую укорененность православия и системный кризис советской идеологии. Выявлены и охарактеризованы ключевые факторы, сыгравшие решающую роль в запуске и поддержании динамики религиозного ренессанса, в том числе политические изменения, провозглашение свободы совести, социальные запросы общества и активная внутренняя деятельность Русской Православной Церкви. Особое внимание уделено динамике процесса возрождения православия и роста религиозности жителей России в целом – от периода бурного количественного роста до этапов качественного развития, институционализации и появления новых вызовов. В заключительной части изыскания автор формулирует вывод об актуальном на момент проведения исследования состоянии развития институтов Русской Православной Церкви в Российской Федерации.

Таким образом, в монографии рассматривается достаточно широкий перечень вопросов, объединенных основной темой современного видения путей развития экономики.

Редакционная коллегия выражает глубокую признательность нашим уважаемым авторам за активную жизненную позицию, желание поделиться уникальными разработками и проектами, публикацию в монографии **«Развитие российской социально-экономической системы: вызовы и перспективы»**, содержание которой не может быть исчерпано. Ждем Ваши публикации и надеемся на дальнейшее сотрудничество.

FOREWORD

The Chuvash State Institute of Culture and Art of the Ministry of Culture of Chuvashia presents the monograph **"Development of the Russian socio-economic system: challenges and prospects"**.

The monograph presents research materials by well-known and emerging scientists, united by the main theme of the modern vision of the ways of economic development. The monograph can be useful for managers, economists, managers and other employees of enterprises and organizations, representatives of state and local government bodies, teachers, aspirants, undergraduates and students of higher educational institutions.

The first chapter examines the concept of a systemic analysis of social development, which acts as a unifying platform for various methodological approaches. Civilizational and formational development takes place within the historically established geopolitical space. Culture is the spiritual basis, and geopolitics is the territorial and spatial foundation that forms ethnic groups and feeds them with its landscape energy. Cultural and historical traditions of any nation are complemented by ethnic history, traditions, and corresponding civilizational patterns of behavior. As a result, the real dynamics of the civilizational process is formed, based on the ethnic, formational, civilizational and geopolitical dynamics of social development.

In the second chapter, the purpose of the study is to describe the concept of an automated assessment of the optimal energy capacity of a raw material region using automated software and analytical tools. The substantial formulation of the problem of determining the energy intensity of the gross regional product and the application of a set of programs for numerical analysis of an optimization mathematical model are considered. The article describes the features and interpretation of the research object - the energy intensity of a major regional product for a region of a raw material type, as well as the principles of dynamism, optimizability and multicriteriality used in modeling and supporting managerial decision-making. An algorithm is proposed to assess the impact of energy-intensive economic activities in the region on the growth of energy intensity through the influence of their characteristics on the gross regional product. The influence on the energy intensity of the gross

regional product of some scenarios of regional development, considering various configurations (sets) of energy-intensive types of economic activity in the region, is considered, and the proportions of the influence of these configurations are obtained.

The authors of the following work conduct a comprehensive analysis of the changes in Russian-Chinese economic cooperation caused by the sanctions pressure of Western countries after 2022. The impact of sanctions and the adaptation of the economy are considered, the energy block of cooperation between Russia and China, logistics and new transport routes, financial infrastructure and calculations in national currencies are revealed. The authors explore changes in the structure of trade and investment flows, new formats of technological cooperation, identified structural risks and limitations of partnership, and identified prospects for the development of Russian-Chinese cooperation.

At the current stages of the development of Russian industry and the defense complex, their full-fledged functioning is impossible without ferrous metallurgy. This industry plays a key role in providing the necessary materials for production and high technology, contributing to the stability and competitiveness of the economic system. In modern conditions, the industry is facing unprecedented challenges that require a review of the development strategy. The study of the fourth chapter is devoted to the study of the development of ferrous metallurgy in Russia in the period from 2021 to 2024. The results showed a decrease in cast iron smelting, ferrosilicon production, steel, steel wire, finished rolled products, steel exports and Russia's share in global exports of ferrous metals over 3 years. Stimulating domestic demand, developing and implementing our own solutions for high-tech alloys, and implementing AI solutions for production and logistics management can significantly improve the situation.

The purpose of the research in the next chapter is the current issues of ensuring digital sovereignty and information security of the Russian Federation. The provisions of the migration policy approved for 2026-2030 are reviewed, and the consequences of the measures taken in this area this year are analyzed. The author notes the importance of creating a digital profile of a migrant, establishes his role in providing access to necessary services and information, as well as the possibility of

developing and implementing an effective mechanism for monitoring and supervising migration flows in the territory of the Russian state.

The instability of the modern macroeconomic environment leads to the formation of special approaches to the management of the regional socio-economic system, which actualizes issues related to the identification of its features, conditions of formation and development. The study of the sixth chapter uses a methodological approach based on a systematic analysis to reveal the essence of the regional socio-economic system. The methods of analysis, synthesis and scientific abstraction are applied in determining the qualitative characteristics and forming the author's formulations of the studied concepts. It is concluded that the most important systemic quality of the regional socio-economic system is sustainability, which allows it to adapt to changes, laying the foundation not only for its further development, but also for the development of the macro-system as a whole. In order to achieve the sustainable development of the RSEC, in accordance with the trends in the development of the global economy, it is necessary to effectively use internal resources and involve innovative technologies in the reproductive process.

The author of the seventh chapter chose as the object of research the key aspects of the formation and implementation of state policy in the field of social and economic development of the region. The main mechanisms and tools used to improve the quality of life of the population, including social programs, investment projects and infrastructure development initiatives, are considered. Based on static data, strategic documents, national projects and government programs, an analysis of the level and quality of life of the population of the Murmansk region as a subject of the Arctic zone of the Russian Federation was carried out. The factual analysis made it possible to identify problems that negatively affect the quality and standard of living of the region's population and identify ways to solve them.

In the course of the research, the eighth chapter of the monograph highlights the importance of branding for higher education institutions (universities). The authors carefully analyze the factors contributing to the establishment of educational institutions as brands, as well as outline the key principles of brand development and the sequential steps leading to effective branding. In addition, a branding model is proposed that is

specially adapted for higher education institutions, which can serve as a basis for their further development and strengthening their positions in the educational market.

The ninth chapter examines the problem of the legal nature of the state contract for the provision of medical services in the public procurement system, which is a unique legal phenomenon with a dual nature. The paper substantiates that the state contract for the provision of medical services occupies a borderline position at the junction of several branches of law: administrative, which regulates the procedure for concluding a contract, civil, which determines the content of contractual obligations, medical, which establishes special requirements for subjects and quality standards of medical care, and budgetary, regulating the financial basis of the contract execution. The public law elements of the contract, which manifest themselves at the stage of its conclusion through the mandatory provisions of Federal Law No. 44-FZ, are considered in detail. The special role of medical law is analyzed through the establishment of mandatory requirements for licensing, material and technical base, staff qualifications, compliance with procedures and standards of medical care, as well as the impact of budget legislation on the legal nature of the contract through the principles of budget spending and procedures for approving expenses. The prospects for the development of legal regulation are substantiated, including the need for a differentiated approach to the regulation of various types of medical services.

In the context of the current achievements of the national Digital Economy project, it can be concluded that, despite the emergence of a number of difficulties associated with the introduction of new software, such as personnel adaptation, a shortage of qualified personnel at the initial stages, as well as other problems, the process of global import substitution in the Russian Federation has become irreversible. The study of this process is the basis of the chapter. Based on the selection of criteria values for management algorithms of the Kaluga Astral Group of companies operating in the field of information technology, a search is underway for new innovative ways of development, and non-standard solutions are proposed to improve the existing management system.

The eleventh chapter of the monograph presents a comprehensive analysis of the process of Orthodox revival in Russia at the turn of the 20th century.

XX–XXI centuries. The paper highlights the key prerequisites that made it possible for this process to begin after decades of the state's uncompromising anti-religious policy, including the deep historical roots of Orthodoxy and the systemic crisis of Soviet ideology. The key factors that played a decisive role in launching and maintaining the dynamics of the religious renaissance, including political changes, the proclamation of freedom of conscience, social demands of society and the active internal activities of the Russian Orthodox Church, are identified and characterized. Special attention is paid to the dynamics of the process of the revival of Orthodoxy and the growth of religiosity among the inhabitants of Russia as a whole - from the period of rapid quantitative growth to the stages of qualitative development, institutionalization and the emergence of new challenges. In the final part of the research, the author formulates a conclusion about the current state of development of the institutions of the Russian Orthodox Church in the Russian Federation at the time of the study.

Thus, the monograph considers a fairly wide list of issues united by the main theme of the modern view of the ways of economic development.

The Editorial Board expresses its deep gratitude to our esteemed authors for their active life position, desire to share unique developments and projects, and publication in the monograph, the content of which cannot be drawn. We look forward to your publications and hope for further cooperation.

The editorial board expresses their sincere gratitude to our credible authors for their proactive attitude, desire to share unique developments and projects, appearance in the monograph **“Development of the Russian socio-economic system: challenges and prospects”** the contents of which cannot be depleted. We are looking forward for your publications and hoping for further cooperation.

ГЛАВА 1

DOI 10.31483/r-153189

Данильченко Сергей Леонидович

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА КАК СИНТЕЗ ФОРМАЦИОННОГО, ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО, ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО, ИСТОРИОСОФСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДОВ

Аннотация: в главе рассматривается концепция системного анализа общественного развития, которая выступает как объединительная платформа для различных методологических подходов. Цивилизационно-формационное развитие происходит в рамках исторически сложившегося геополитического пространства. Культура – это духовный базис, а геополитика – это территориально-пространственный фундамент, формирующий этносы и питающий их своей ландшафтной энергией. Культурно-исторические традиции любого народа дополняются этнической историей, традициями, и соответствующими цивилизационными стереотипами поведения. В результате формируется реальная динамика цивилизационного процесса, опирающаяся на этническую, формационно-цивилизационную и геополитическую динамику общественного развития.

Ключевые слова: теория суверенного национального развития, анализ общественного развития, методология как система научных принципов, военно-политическая доктрина, мировое господство, унификация мира, система цивилизационных ценностей.

Abstract: the chapter discusses the concept of a systematic analysis of social development, which acts as a unifying platform for various methodological approaches. The civilizational and formational development takes place within the framework of the historically formed geopolitical space. Culture is the spiritual basis, and geopolitics is the territorial and spatial foundation that forms ethnic groups and feeds them with its landscape energy. The cultural and historical traditions of any nation are complemented by ethnic history, traditions, and corresponding civilizational patterns of behavior. As a result, a real dynamics of the

civilizational process is being formed, based on the ethnic, formational, civilizational and geopolitical dynamics of social development.

Keywords: *theory of sovereign national development, analysis of social development, methodology as a system of scientific principles, military and political doctrine, world domination, unification of the world, system of civilizational values.*

Системный анализ динамики развития любого общества сквозь призму его формационной деформированной двухмерной структуры дает заведомо упрощенную и даже искаженную социальную картину. Он создает ложное представление о суверенности национального движения от морально-этических ценностей, хотя в действительности западное общество не только не свободно от этих ценностей, но и полностью зависит в своем цивилизационном движении от своих «этических и моральных» ценностей, имеющих чисто денежный характер.

Любая категория – это смысловой символ, это носитель смысла, т.е. сущностного содержания, наполненного смыслом. Однако далеко не секрет, что представители либерализма и традиционализма, западной и восточной культуры часто вкладывают разный смысл, т.е. разное сущностное содержание, в одни и те же научные категории. И это определяется господствующими в данной цивилизации фундаментальными ценностями духовного порядка.

В рыночной глобальной экономике все эти категории имеют чисто денежный смысл, отражая буржуазную точку зрения, частный буржуазный взгляд и подход к экономике и всей человеческой деятельности исключительно только с позиции владельцев частного капитала, а именно:

– эффективность – денежная эффективность, т.е. прибыльность, рентабельность или доходность капитала, но не для общества в целом, а только для владельцев частной собственности, для частного капитала;

– прогресс – это линейное движение вперед по пути преодоления культурно-исторических традиций, это процесс либеральной модернизации как процесс роста буржуазного денежного богатства;

– рынок – это сфера частного хозяйственного выбора, но в условиях современного западного общества рынок уже перестает быть чисто экономической категорией.

В основе западного общества лежит философия контракта, а «общей, всеобъемлющей метафорой общественной жизни становится рынок», – очень точно заметил недавно покинувший нас видный представитель отечественного гуманитарного знания С.Г. Кара-Мурза [1, с. 338].

Рыночная экономика – это тип частного хозяйства, в основе которого лежит жесткий индивидуализм и производная от него конкурентная борьба на ресурсы, блага и территории. Человеческая деятельность в рамках рыночной экономики нацелена на производство денег и прибыли ради самой прибыли, ради накопления буржуазного богатства, основанного на превращении денег, рабочей силы человека, земли и природных ресурсов – в товар.

Экономика традиционного общества в принципе имеет нерыночный характер, так как общественное производство как основа суверенного национального развития полностью подчинено потребностям людей и общества в целом, а не пресловутой наживе. Арабские шейхи доходы от экспорта нефти не расписывают по своим «оффшорным» карманам, как это делали в постсоветской России почти все сырьевые олигархи. Они вкладывают эти деньги в развитие всего национального хозяйства, в фонды будущих поколений, в рост благосостояния народа.

На Востоке в целом до сих пор еще сохраняются основы традиционной структуры общества, в рамках которой сфера экономики считается служебной, а культура как совокупность морально-этических норм и традиций – господствует над обществом, образуя его фундамент. Главным субъектом восточной цивилизации является государство, а не частное лицо. Именно поэтому в результате экспансии западного капитализма на Восток практически во всех его странах на свет родился восточный капитализм, например, в Японии в конце XIX века, принципиально отличный от западного капитализма по всем сущностным цивилизационным параметрам.

Понятие эффективности здесь сохраняется, но меняется его содержание. Эффективность понимается, прежде всего, как социальная эффективность. Показатель денежной эффективности уже не

является главным, используется в основном как оценочный. Другое содержание вкладывается и в понятия «рынок», «рыночная экономика». Так, в одном из докладов о южнокорейской экономике, подготовленном по заказу Всемирного банка, говорилось о том, что озадачивающим парадоксом является то, что корейская экономика в очень большой степени зависит от многочисленных предприятий, формально частных, но работающих под прямым и высокоцентрализованным правительственным руководством. Другой американский исследователь, на которого ссылается русский востоковед А.Н. Ланьков, пишет: «Корея представляет из себя командную экономику, в которой многие из действий отдельного бизнесмена предпринимаются под влиянием государства, если не по его прямому указанию» [2].

Страны мира делятся не только и не столько на формации – капитализм – социализм, сколько на цивилизации. Цивилизационный подход переводит анализ общественного развития из горизонтальной, линейной плоскости формационного развития в вертикальную плоскость. Он рассматривает три основные сферы общества как единый цивилизационный социальный организм, у которого есть свой «стиль души», «лицо» и «стиль культуры», имеющий религиозно-духовное, политическое и социально-экономическое содержание. Базисом общественного развития в данном случае выступает уже не экономика, а культура данной страны. Основоположники данного подхода Н.Я. Данилевский, П.А. Сорокин, О. Шпенглер, А. Тойнби под цивилизацией понимали следующее: цивилизация – это культурно-исторический тип и соответствующий способ жизнедеятельности людей или, по выражению О. Шпенглера, «habitus сознательного бытия», который опирается на локальную культуру как совокупность морально-этических ценностей, нравственных законов и вековых традиций, имеющих религиозное основание [3].

Сегодня в мире насчитывается около 180 государств, объединенных в основные культурно-исторические группы локальных цивилизаций (геоцивилизаций) – западная, православно-славянская, русская, исламская, конфуцианско-буддистская, японская, китайская (конфуцианская), индуистская, латиноамериканская, африканская. В свою очередь, эти цивилизации по типу культуры делятся

на две группы – западные либеральные цивилизации и восточные духовные цивилизации.

Западная модель открытого общества даже после мирового кризиса 2008–2011 годов продолжает агрессивно навязываться США всему миру как глобальный тип цивилизационного развития, универсальная общественная система. Современный кризис глобализма имеет системный характер, свидетельствуя о несостоятельности и полном крахе западного капитализма и западного типа цивилизационного общества в целом. К сожалению, и в нашей стране до сих пор существует немало ученых и политиков, часто выступающих с позиций рыночного фундаментализма, продолжающих настаивать на превращении нашей страны в часть Запада.

Либерализм рассматривает общество как открытую цивилизационную систему корпускулярного типа, где отношения людей в общественном производстве имеют чисто атомистический характер. В западном обществе, функционирующем как открытая система, нет жесткости, нет необходимого «социального деспотизма» (К.Н. Леонтьев), связывающего все его части воедино, а это неизбежно ведет к социальной анархии, упадку и деградации. Каждый человек здесь функционирует автономно, сам по себе, выбирая те ценности, которые ему нравятся.

В этом и заключается суть неолиберализма – максимально освободить индивида от якобы ненужных ему и стесняющих его различных социальных ограничений. Моральные устои общества, образующие основу социального порядка любого общества, превращаются при этом в тряпку, в предмет субъективного выбора, в то, что сегодня нужно, а завтра уже можно сменить или выбросить.

Известный американский ученый-политолог Френсис Фукуяма, исследуя эти проблемы, справедливо указывал на то, что «моральные ценности и общественные правила – не просто деспотические ограничения выбора, налагаемые на индивида, а скорее необходимые условия совместной деятельности любого типа». Только они способны удержать общество от развала и деградации [5, с. 24, 29, 213].

Либерализм является антитрадиционализмом. «Великий разрыв», о котором писал Фукуяма, является разрывом с великими традициями предков. Либеральный Запад возник на основе именно этого разрыва, начав строить свое «современное общество»

практически с нуля, ниспровергая все предшествовавшие формы человеческой жизнедеятельности. Традиции и традиционализм, как приверженность национальным святыням и цивилизационным стереотипам бытия, либерализм подверг жесточайшей критике, указав на них как на «социальное зло», объявив их «вне закона», предав их анафеме.

Логика неолиберализма требует все большего ограничения социальной сферы, «отказа от старых социальных отношений, общественных образований и технологий в пользу новых, более эффективных», т.е. в пользу еще большей денежной эффективности. А это приводит к тому, что «ломка правил становится в некотором смысле единственным правилом» [5, с. 25–28]. Другими словами, единственным «социальным» правилом в декадентском и деградирующем либеральном обществе становится правило социальной анархии, направленное на уничтожение всех и всяческих правил вообще. Фукуяма не одинок в своей критике либерализма. Книга известного американского социолога Иммануэля Валлерстайна «После либерализма» является итогом многолетней работы автора над историей капиталистической миросистемы и одновременно политическим прогнозом, основанным на анализе глобальных экономических и политических процессов 1990-х годов. Вопреки идеологам либеральной глобализации, Валлерстайн убежден, что буржуазная миросистема находится в глубочайшем кризисе, на пороге перемен, которые могут привести к возникновению совершенно нового миропорядка [6].

В постсоветской России также активно насаждалась «культура крайнего индивидуализма», лишенного всяких этических ограничений. Общественной нормой становится т.н. «культурный релятивизм». Это чревато утратой всех норм, на которых строится социальный порядок, а значит движением либерального общества к моральной деградации, разложению и всеобщему упадку, о чем и писал Ф. Фукуяма, исследуя проблемы воспроизводства утраченного социального порядка [5, с. 24, 29, 213]. Автор констатировал: «В США в конце XX века слово культура стало ассоциироваться с идеей выбора... Культурный релятивизм – это мнение, что нормы культуры являются произвольными... Убежденность в

относительности ценностей, которую сегодня усвоил каждый школьник, глубоко укоренена в американском обществе».

Культура в данном случае имеет прикладной, утилитарный характер, не связанный с историей страны. Современные теории постмодернизма активно оперируют социокультурными понятиями, отражая движение не реальной истории, а нагромождения разных фактов, реликвий и образов, которые можно трактовать произвольно, сочиняя из них «свою» историософию.

Восточная модель закрытого общества представляет собой восточный тип цивилизации, который может функционировать только как закрытая общественная система, являясь закрытым типом общественного развития. Общество приводится в движение традиционными принципами, основанными на иерархии власти, на её авторитете.

Традиционная методология рассматривает общество, укорененное в традициях, как единый социальный цивилизационный организм. Люди в этом организме – не «факторы производства», не бездушные «производственные ресурсы». Динамика общества здесь определяется, в первую очередь, социоэтнической и социокультурной динамикой. Суть ее в том, что не только сам человек приспосабливается в среде, вырабатывая адаптивные цивилизационные стереотипы поведения, но и среда служит человеку. Главное – люди всегда действуют на основе своего исторического опыта, опираясь на силу этнических стереотипов, которые «выше» экономики, «сильнее» природы, климата и географии страны в целом.

«Можно ли, сделав усилие, сменить свою этническую принадлежность? Видимо, нет!», – замечал резонно и с юмором Л.Н. Гумилев [7, с. 77]. Традиционное общество – это закрытая система, основанная на культуре. И если эта закрытая система вдруг начинает «открываться» для внешнего мира, превращаясь в открытую, то она также погибает от проникновения в свой цивилизационный организм этноса чуждой ему культуры. Чужое мировоззрение, чужие идеи и стереотипы начинают разрушать этническую культуру изнутри, действуя как антисистема, как антитело, как социальная химера.

Следовательно, присоединение России к Западу возможно лишь в случае, если российское государство-цивилизация будет

поглощено англосаксонским миром, а русская Православная Церковь будет, как это произошло в Византийской империи перед ее развалом, подчинена Католицизму, а затем и протестантству, подвергаясь преследованиям и постепенному разгрому. Очевидно, что, говоря об этом, мы всего лишь излагаем планы Запада, которым не суждено в России сбыться, так как этого не допустит сам Бог.

Базисной категорией цивилизационного анализа является культура, а само это понятие допускает трактовку в широком и в узком смысле. В широком смысле к культуре относятся все общепринятые и утвердившиеся в данном обществе проявления духовной жизни, а также созданная людьми система материальной жизни: традиции, обычаи, религия, мораль, искусство, право, наука, общественные нормы и институты, включая экономику и государство [8, с. 26]. В узком смысле границы культуры сводятся к духовному творчеству, т.е. к интеллектуальной деятельности, творениям искусства, нравственным нормам и ценностям. Познанная и осознанная реальность вначале фиксируется как новые знания, а знания, уже утвердившиеся в общественном сознании, воплощаются в формах жизнедеятельности людей.

Различаются культура сотворенная и культура, уже воплощенная в новой организации внешней среды, в формах политической и хозяйственной жизнедеятельности, образующих в совокупности понятие «цивилизация». «Цивилизация есть культура, реализованная в формах жизнедеятельности людей» [9, с. 15]. При этом сотворенная культура предстает как явление первичное, а цивилизация, т.е. культура, реализованная в формах социальной и экономической жизни, как явление вторичное, опосредованное, подчеркивал И.Д. Афанасенко.

Культура в методологии традиционализма рассматривается как базис, на котором выстраиваются все цивилизационные структуры. Известно, что в системе общественного труда «культура определяет ценностные ориентиры, нормы и правила поведения всех субъектов и тем самым выполняет скрытую функцию стабилизации и мотивации. В таком качестве она рассматривается как нематериальный ресурс экономического развития» [9, с. 14].

В рамках традиционного общества суверенное национальное развитие опирается не столько на силу юридического закона,

сколько на силу морали и общественного мнения. Неформальное принуждение посредством морально-этических норм и традиций стоит на Востоке выше правовых норм, а традиционные законы нравственности выше юридических законов. Именно поэтому категории «мораль», «этика» и «нравственность» не стоят в данном случае вне сферы цивилизационной практики, а являются факторами общественного развития.

Традиции в структуре традиционного общества играют роль управляющей системы, функционирующей через передачу от поколения к поколению исторически сложившихся цивилизационных стереотипов поведения, включая и общественные нормы. Таким образом, управление обществом и его жизнедеятельностью осуществляется неформально через мотивацию людей, основанную на культурно-исторических нормах и традициях, т. е. посредством воздействия на сложившиеся традиционные цивилизационные стереотипы поведения.

Государственная идеология в системе традиционного общества является частью структуры производительных сил страны, а государственная идеология рассматривается здесь как важнейший фактор общественного развития, являясь системой работающих принципов, на основе которых развивается все общество в целом. Именно принципы государственной идеологии превращаются в мощные факторы суверенного национального движения, а современные мировые войны основаны на использовании именно этих факторов, превращая принципы либерализма в мощное информационное оружие.

Политика, как и государственная идеология, сама по себе также не производит непосредственно товары и меновые стоимости. Однако она, как подчеркивал немецкий экономист Фридрих Лист, отвечая своим критикам в работе «Национальная система политической экономии» (1841 г.), политика производит нечто большее – производительные силы страны или же разрушает их, тормозя национально-экономическое развитие.

Таким образом, производительные силы страны формируются политическими законами, а социально-экономическая политика, является механизмом реализации принципов государственной идеологии, которые, в свою очередь, опираются на фундаментальные

социокультурные ценности, лежащие в основе развития данного общества и всей данной цивилизации. Гуманитарные науки и общественные теории являются частью духовного производства, на теоретической основе которого формируются соответствующие социально-политические доктрины и принципы государственной идеологии.

Способ производства – это формационная категория, отражающая динамику чисто экономического развития, а способ жизнедеятельности – это уже цивилизационная категория. Способ жизнедеятельности данного народа является способом его бытия в самых разных сферах общества, включая и способ хозяйствования.

Хозяйство является способом социально-экономической жизнедеятельности, выходящей за узкие рамки чисто рыночной экономики, основанной на логике прибыли и самокупаемости. Хозяйство – это способ самой жизни человека, способ его цивилизационного бытия.

Рассматривая научное содержание типов общества, необходимо всегда помнить о существовании двух противоположных мировоззренческих систем. Теоретически они отражаются в двух противоположных философиях жизнедеятельности человека, имеющих принципиально разные подходы к организации его бытия.

В основе западной философии жизнедеятельности человека лежит философия контракта, переводящая все социальные отношения между людьми в сферу товарно-денежных отношений. Институт рынка на Западе функционирует на основе договорно-правовых отношений.

Восточная философия основана на философии общей судьбы, которая является производной от религиозно-философских взглядов, являющихся частью единого социального цивилизационного организма, называемого «обществом». Все члены и субъекты этого организма связаны между собой узами взаимозависимости, солидарности, общественного долга и служения.

Понятие «Запад» не является географическим, а родиной западной культуры и западного капитализма является Англия. Поэтому типично западной цивилизацией является англосаксонская цивилизация в лице Англии и США, агрессивно стремящаяся к унификации современного мира.

Суть исторического метода, впервые примененного немецкой исторической школой, в том, чтобы открыть конкретно-исторические законы суверенного национального развития данной страны. Только национальная история, как подчеркивал известный американский экономист Й. Шумпетер, «может сообщить нам, каково было то общество, к которому мы хотим примерить теоретические схемы...» [10, с. 240].

Фридрих Лист, как основоположник исторического метода, а вслед за ним и вся немецкая историческая школа выступали за необходимость развития национальной политической экономии, предметом которой должно быть суверенное национальное развитие определенного народа, обусловленное своеобразием его исторической судьбы. Они особо подчеркивали, что у каждого народа существуют собственные пути цивилизационного развития, определяемые специфическими условиями развития данной нации. Исходя из такого понимания цивилизационного развития, историческая школа трактует политическую экономию как национальную науку, изучающую национальное хозяйство определенной страны или группы стран, представляющих один цивилизационный тип.

В основе исторического метода лежит принцип традиционализма, который известный русский философ С.Л. Франк охарактеризовал как «основной закон исторической жизни общества». Согласно этому закону, «общество не делается и не учреждается людьми, а творится на подобие органических существ, произрастая из прошлого».

И в силу этого закона:

- а) «человек никогда не есть самочинный и самодержавный хозяин своей жизни, а есть служитель правды Божьей»;
- б) «человек не «создает», не «делает» своей общественной жизни, а творит предначертания высшей воли, как они непосредственно вытекают из всего его исторического прошлого» [11, с. 21].

Исторический опыт как социальная память и все знания о мире передаются от поколения к поколению посредством образовательного процесса, а нравственный опыт передается через традиции и обычаи. Другими словами, «культура не наследуется генетически, она заново воспроизводится в каждом человеке. Прерывается такое воспроизводство, и культура погибает», – подчеркивал русский

ученый И.Д. Афанасенко [5, с. 97]. Из этого следует, что, общество сохраняет себя как культурно-исторический тип, если каждое новое поколение усваивает (наследует) весь накопленный предшествующими поколениями опыт социальной жизнедеятельности.

Экономист Л.Е. Ефанов отмечал, что «в экономике, как и в языкознании и этнографии, действует железный принцип диахронии, который гласит: чем полнее та или иная хозяйственная система вбирает в себя все ценное из собственного исторического прошлого, чем сильнее она коренится в своей национальной культурной традиции, тем выше ее эффективность и разительнее социально-экономические достижения [12, с. 672]. И наоборот: «отрицание национальных традиций и сложившихся хозяйственных структур и общественных отношений, беспощадный разрыв с историческим прошлым неизбежно ослабляют устойчивость экономической системы, лишают ее динамизма, гибкости, стимулов саморазвития, отбрасывают на обочину истории».

Данный принцип объясняет, почему постсоветская Россия, разорвавшая связь со своим историческим прошлым, став на путь заимствования западных принципов и ценностей бытия, потеряла устойчивость, гибкость и динамизм национально-экономического развития. Западные общественные теории являются неадекватными для восточного общества в целом. Попытки выстраивать модель суверенного национального развития России, беря за основу западный методологический принцип индивидуализма, способны произвести только одно – прозападную модель общественного развития.

Геополитика принципиально важна своим методом для политико-экономического исследования. Она ставит развитие формации как способов производства и цивилизации как способов жизнедеятельности в зависимость от национальных факторов:

- этнических;
- природно-климатических;
- территориальных, пространственных.

По геополитическим признакам цивилизации также делятся на две группы:

- морские или островные;
- сухопутные или континентальные.

Логика противостояния между Западом и Востоком имеет не только философско-религиозное, т.е. мировоззренческое, но и геополитическое основание. Более того, геополитическая противоположность Моря и Суши в значительной степени обусловила и их мировоззренческую противоположность.

А. Дугин пишет: «Геополитики заметили, что морские цивилизации, культуры, основанные на мореплавании, чаще всего имеют рыночную экономическую систему и тяготеют к либерал-демократическому укладу в политике. Сухопутные державы, напротив, отдают предпочтение нерыночной (плановой или частично плановой) экономике и ограниченной демократии, или вообще иерархическому устройству общества. Это – первый закон геополитики – закон «двойственности цивилизаций», объективного противостояния Суши и Моря, евразийства и атлантизма, торгового строя и неторгового строя, Востока и Запада» [13, с. 729, 734].

Геополитический подход к общественному развитию неразрывно связывает анализ экономики любой данной страны прежде всего с анализом всей совокупности внутренних факторов – исторических, культурных, религиозных, социальных, этнических и др. Однако главное отличие геополитического подхода от цивилизационного в том, что геополитика, подчеркивает А. Дугин, «связывает экономику с пространством, с географией», исследуя влияние пространства на развитие цивилизаций. В рамках этого подхода экономическая модель данной страны изначально является национальной моделью, основанной на специфике исторического пространства данного государства. А экономика при этом выступает уже как «геоэкономика».

В основе геоэкономики лежит следующий принцип: «конкретное историческое место применения экономических моделей на практике влияет на всю экономическую систему, подстраивая ее под уникальную цивилизационную среду. Таким образом, в любые экономические модели вносятся существенные поправки, делающие каждый конкретный случай существования экономической системы уникальным и особым» [13, с.784].

Геополитический подход позволяет выделить в современной экономической теории два направления, основанных на противостоящих друг другу ценностях и целях развития:

– либерально-космополитическую экономию, основателем которой является А. Смит и его школа;

– национальную экономию, которая берет свое начало с работы Ф. Листа «Национальная система политической экономии» (1841 г.).

Эти два направления заметны и в научном поле современной России. Космополитическая экономия представлена либеральными экономическими курсами – экономиксом. Однако развивается и своя национальная экономия. Её представители убеждены в том, что современная российская экономическая теория должна быть теорией суверенного национального развития, модель которой должна отражать опыт цивилизационного бытия России, ее исторические традиции и общенациональные ценности.

Планетарная геополитическая напряженность между Сушей и Морем, между Западом и Востоком превратила либерализм в мощную по своей агрессивности политико-экономическую доктрину. Англия впервые в мире применила тактику тайной, необъявленной войны, основным оружием которого стал международный терроризм, а его ударной силой – пираты и корсары. Но не будем забывать, что идеологической основой этой войны стал либерализм, с его крайне враждебным отношением к любому государству. Либеральная доктрина исторически превратилась в подрывную доктрину, принципы которой направлены на экспансию, на захват собственности, чужих ресурсов и территорий, на разрушение государственных устоев.

Все дело в принципиальной несовместимости двух противоположных типов мировоззрения и способов бытия:

– морского способа бытия, основанного на либеральных ценностях, имеющих антиобщественный и антигосударственный характер. Англия устояла и уцелела лишь благодаря тому, что направила эту антиобщественную подрывную энергию на экспансию, на захват чужих территорий и колониальную политику, на ограбление народов континентальных стран;

– сухопутного способа бытия, основанного на консервативных ценностях, на защите национальных устоев и традиций. Энергия людей в данном случае направлена прежде всего на внутреннее

обустройство своего континентального пространства, на «домо-строительство».

Речь идет о противостоянии либерализма и традиционализма. Континентальное общество не может развиваться на принципах, противоположных его сути, перенимая принципы морского способа бытия, основанного на либеральных ценностях, традиционное общество начинает разрушаться. Германия, например, чтобы устоять перед экспансией островной Англии, уже в начале XIX века стала защищать свои рынки и свою отечественную промышленность с помощью политики протекционизма. Спор между Англией и Германией по вопросам экономической политики выходил далеко за рамки спора сторонников свободной торговли и протекционизма. По сути, это было столкновение двух противоположных типов цивилизаций – морской и сухопутной. Германия тогда противопоставила Англии свою идеологическую систему, свою модель общественного развития.

В основе этой модели лежала идеология консерватизма, выступавшая в защиту национальных ценностей. Отвергая модель капитализма, Германия противопоставив ей модель «государственного социализма», основы которой сформировали Ф. Лист и другие представители немецкой исторической школы, восставшей против классической политэкономии А. Смита. В 1872 году в Германии правительством был инициирован конгресс, собравший экономистов, юристов и служащих государственного аппарата. На конгрессе также был учрежден «Союз социальной политики», задачей которого стала пропаганда идей государственного социализма и борьба против либерализма. Его участники приняли манифест, объявлявший идейную войну «манчестерской школе» Смита. Манифест объявлял государство «важнейшим моральным институтом воспитания человека». Экономическая политика О. Бисмарка (1815–1898) была основана на идеях государственного социализма [14, с. 145, 165–167].

Геополитический подход к анализу общественного развития важен не только и не столько тем, что разделяет современные цивилизации на морские и сухопутные. Он позволяет увидеть два противоположных мироустройства, две противоположные формы

цивилизационной организации общества, две противоположные системы жизненных ценностей.

О. Шпенглер очень верно подметил главное, принципиальное различие между Англией и Германией, между английским и прусским типами, как «различие между народом, который развивался, чувствуя себя островитянином и другим народом, который вынужден был беспрестанно охранять свою территорию, лишенную естественных границ и со всех сторон открытую для врагов. В Англии остров заменил собой государственную организацию. Страна без государственной организации была возможна лишь при этом условии». Подчеркивая далее, что именно «Англия на место государства поставила понятие свободного частного лица», настроенного крайне враждебно по отношению к государству и порядку, он характеризует Германию с противоположной стороны: «Не «Я», но «Мы», коллективное чувство, в котором каждое отдельное лицо совершенно растворяется. Дело не в человеческой единице, она должна жертвовать собой целому, не каждый стоит за себя, а все за всех, с той внутренней свободой в высшем смысле – ...свободой повиновения, которая всегда отличала лучших представителей прусского воспитания». Шпенглер продолжает: «Глубокое значение может иметь в Германии только социализм в том или ином понимании. Либерализм – удел простаков. Он болтает о том, чего не может дать... Каждый за себя – это по-английски; все за всех – это по-пруски. Либерализм же означает: государство само по себе и каждый сам по себе. Это формула, по которой жить невозможно» [15, с. 52–56].

Почему Манифест О. Бисмарка объявлял государство «важнейшим моральным институтом воспитания человека»?

Почему участники знаменитого в Германии конгресса (1872 г.), собравшего экономистов, юристов и служащих государственного аппарата страны, единодушно приняли манифест, объявлявший идейную войну «манчестерской школе»?

Ответ на эти и другие подобные вопросы связан с проблемой обеспечения национальной безопасности и защиты континентального пространства, унаследованного от своих предков в форме государства-нации. А защитить это национальное пространство может

только армия и народ, имеющие высокий моральный дух, связанные единой патриотической нитью.

Каким же образом геополитика влияет на формационное и цивилизационное развитие?

Модель суверенного национального развития определяется не только цивилизационными факторами. Так, например, цивилизационный подход к анализу формационной категории «западный капитализм» не позволяет увидеть принципиальных различий между англо-американским вариантом западного капитализма, с одной стороны, и его национальными моделями, существующими в континентальной части Западной Европы, с другой. Западная цивилизация, западный капитализм и само понятие «Запад» сущностно воспринимаются как единые, противостоящие Востоку и его культуре. Принципиальное различие проводится лишь между западным и восточным капитализмом.

Принципиальные различия имеются и внутри самого западного капитализма, за внешним единством которого скрываются две разные и противоположные модели, обнаружить которые можно только с помощью геополитического метода:

- островная модель – модель англо-американского капитализма, основанная на принципах либеральной доктрины;

- континентальная модель – социал-демократическая модель капитализма, тяготеющая к различным вариантам «буржуазного социализма».

Геополитический метод принципиально важен тем, что помогает проанализировать как внутриформационные, так и внутрицивилизационные особенности и различия. И в этом смысле его можно характеризовать, как интегрирующий метод анализа, дающий реальную историческую картину цивилизационного движения данного общества.

Отечественные либералы-западники предлагают России равняться во всем на Запад, используя в качестве национальной модели американскую модель «открытой экономики» и «свободного рынка». Но кроме американской модели, существует ещё и континентальная модель капитализма, а также модель восточного капитализма. К этому следует добавить, что модель «открытой экономики» является идеологическим мифом – Англия и США

длительное время развивались, окружив себя протекционистскими барьерами. Известные американские ученые-экономисты Джексон Грейсон младший и Карла О’Делл пишут: «США окружили себя мощными протекционистскими барьерами. США на протяжении почти трех четвертей периода своего существования были протекционистской страной с высокими таможенными тарифами. Единственными периодами относительно низких протекционистских барьеров было время накануне Гражданской войны и после каждой из мировых войн» [16, с. 115].

В этом контексте нас интересует вопрос: можно ли ставить на одну плоскость экономику США и Россию, требуя от российской экономической системы хозяйства такой же степени открытости, которая существует в США и других западных стран?

Другими словами, какой тип хозяйства соответствует цивилизационным и геополитическим особенностям России?

Давайте для начала зададимся следующим вопросом: почему крестьяне оказали столь яростное сопротивление попыткам П.А. Столыпина распустить общину?

Община для России была закономерностью, которая сформировалась под воздействием социокультурных и геополитических факторов, обуславливающих очень высокий уровень энергетических и транспортных затрат в цене готовой продукции и являющихся неустраняемыми в рамках сегодняшних технологий:

- суровый климат;
- большая протяженность территории;
- геополитические угрозы и вызовы.

В среднем по России выход растительной биомассы с 1 гектара в 2 с лишним раза ниже, чем в Западной Европе и почти в 5 раз ниже, чем в США. Сегодня лишь 5% сельскохозяйственных угодий в России имеют биологическую продуктивность на уровне средней по США. Если в Ирландии и Англии скот пасется практически круглый год, то в России период стойлового содержания 180–212 дней [17, с. 239]. Тяжелые климатические условия часто негативно сказывались на урожайности и на продуктивности сельского хозяйства, что обуславливало взаимозависимость и взаимовыручку крестьян, которая всегда существовала в общине.

Чтобы протопить всю зиму крестьянскую избу, надо затратить средства, эквивалентные двум месяцам труда – это, как минимум. Ведь надо заготовить деревья в лесу, привести, напилить, нарубить, сложить, и не сколько-нибудь, а кубов десять-двадцать – это уже в дровах, значить, переработать леса надо еще больше [17, с. 239].

А если сгорят дрова у крестьянина?

А если не только дрова, но и дом?

В общине он выживет, и через несколько дней вся его семья переселится в новый дом, построенный «всем миром».

А как быть в условиях индивидуального хозяйства?

Да такой крестьянин и вся его семья неминуемо погибнут – просто замерзнут.

Таким образом, геополитические факторы диктуют России закрытую модель национального хозяйства – суровый климат, огромная территория, большая протяженность границ, особенности северного ландшафта – все это неустранимые факторы. Их подробно рассмотрел А.П. Паршев в своей известной книге, ставшей уже бестселлером «Почему Россия не Америка» [18]. Этой же проблеме посвящена книга С. Валянского и Д. Калюжного «Понять Россию умом» [17].

Отечественные либералы, как и все другие люди с искаженным сознанием, обычно строят свои умозаключения на основе формальной логики: если севернее, то значит холоднее. А.П. Паршев подчеркивает: «Климатические пояса в Европе расположены парадоксально. Климат становится более холодным не с юга на север, а с запада на восток, а иногда даже наоборот – с севера на юг, а точнее, с побережий вглубь континента. Обратите внимание: в Ленинграде теплее, чем в Москве, а ведь он километров на 400 севернее. А в Хельсинки зимой теплее, чем в Орле, хотя Хельсинки на 1000 км севернее. Под Вильнюсом в июне поспевают черешня, а в Московской области – нет, потому что вымерзает зимой. Широта почти та же, но Вильнюс на 1000 км западнее. В Латвии бедняки отказываются от отопления и горячей воды (из-за дороговизны). Холодно, конечно, но пока выживают. Попробуй хотя бы в Курске на зиму отопление отключить! А ведь Латвия существенно севернее». «Западная Европа, по нашим понятиям, – субтропики. Причина известна... – Гольфстрим. Благодаря ему, зима в Европе выше нуля, а

весна начинается в январе-феврале, и почти всегда в одно и то же время. А у нас весна может наступить и в конце марта, и на месяц позже. Почему? Если нет с запада вторжений теплого воздуха, то прогрев идет только за счет излучения солнца. Оказывается, в этом случае в Подмоскowie снег сходит в конце апреля, а если ветер с запада – то в начале» [18, с. 40].

Российские либералы любят ссылаться на Канаду, приводя ее в качестве примера для России. И действительно, Канада, вроде бы, тоже северная страна, однако почти 90% ее населения проживают в районе Великих озер, расположенных на границе США и Канады. «Климат обитаемой, индустриально развитой части Канады примерно соответствует климату Ростовской области и Краснодарского края, но он более влажный. Этой обитаемой части вполне достаточно для населения Канады – 24 млн человек. Остальная территория – только добыча сырья и туризм. Собственно, именно такой страной и хотело бы видеть Россию «мировое сообщество», – пишет А.П. Паршев, подчеркивая, что на «широте Москвы в Канаде расположены только поселки с «говорящими» названиями, вроде Ураниум-Сити или Радий-Порт» [18, с. 44–45].

Какой же вывод следует из всего вышеприведенного?

«Из двухсот стран мира по суровости климата с нами может сравниться только Монголия. В Улан-Баторе в среднем холоднее, чем на прибрежных научных станциях Антарктиды. В Западной Европе кратковременное похолодание до каких-нибудь минус 10 градусов по Цельсию (раз в 20 лет) вызывает полную дезорганизацию хозяйственной жизни. А в центре России минус 10 градусов по Цельсию – это средняя температура января, то есть совершенно обычное дело... Климат России суровей, чем в любой индустриальной стране мира, и это влияет на эффективность любого производства, если определять эффективность по критерию издержки/выгоды» [18, с. 48, 51].

Не будем забывать, что северная граница США проходит по 30 параллели. Это южнее Киева, а южная граница США располагается уже в тропиках на широте таких городов как Тегеран и Александрия. Две трети нашей территории находятся за 60 параллелью, почти половина страны в районе вечной мерзлоты. Из 12 миллионов людей, проживающих в Приполярье и Заполярье, более 11

миллионов живут в России [17, с. 191]. В Америке предприятия ставятся на асфальт, а у нас на прочный и дорогой фундамент, который только в средней полосе роется на глубину 170 см.

А.П. Паршев подчеркивает: «В зависимости от вида строительства его стоимость выше, чем в Западной Европе, в 2–3 раза. По сравнению с субтропиками – в несколько раз. Соответственно выше и амортизационные выплаты, а здания менее долговечны. Построить здание или арендовать уже построенное в России существенно дороже, чем в других странах мира» [18, с. 56–57].

А.П. Паршев констатирует: «У нас на юго-западной границе России глубина промерзания 110 см, а ближе к Поволжью – уже 170. Стоимость даже простого фундамента под легкий садовый домик составляет у нас 30% от общей стоимости строительства... В Баварии двухэтажные здания строятся на твердом грунте – вообще без фундамента, а «в английском руководстве по индивидуальному строительству приведены разрезы типичных особняков – там без фундаментов строятся и трехэтажные здания». «А сколько стоят инженерные коммуникации? В Англии водопровод и канализация идут практически по поверхности земли, а у нас?.. Согласно СНиПам («Строительные нормы и правила»), «трубы должны идти не мельче глубины промерзания, даже газовые, чтобы не выперло на поверхность. Естественно, зимой любые строительные работы трудны и дороги. Те же канавы обходятся минимум в три раза дороже... Для западноевропейцев эти проблемы непонятны» [18, с. 54].

В Англии достаточна толщина стены в 1 кирпич (английский кирпич – 20 см). Там стены выполняют только несущую функцию. А вот в средней полосе России нужно минимум 3,5 кирпича (90 см). Под массивную стену нужен и более прочный, а значит, и дорогой фундамент. Наш одноэтажный кирпичный дом весит как английский трехэтажный [18, с. 55].

«Для средней полосы России доля отопления в объеме общих энергозатрат промышленности составляет три четверти» [18, с. 70].

Удельный расход энергии на отопление 1 кв. м площади жилых зданий в США – 55 кВтч, в Швеции и Финляндии 135 кВтч, в Германии 260 кВтч, в России – 418 кВтч. Это в 7,6 раза больше чем в Америке и в 3 раза чем в Финляндии, с которой наши либералы

очень любят сравнивать Россию, когда заходит разговор о нашем суровом климате [17, с. 8].

В Москве на отопление одного жителя расходуется в год 4 тонны условного топлива, что в мировых ценах мазута равнозначно расходам не менее 2000 долларов на семью из 4 человек – годовая зарплата всей семьи из «третьего мира». Стоимость жилья и коммунальных услуг в нашей стране чрезвычайно высока по мировым меркам. Простое выживание в наших условиях стоит дорого, поэтому, хотим мы или не хотим, но мы вынуждены расходовать довольно много энергии [18, с. 92; 17, с. 8].

Международное энергетическое агентство рассчитало энергоемкость ВВП разных стран по принципу – сколько тратится тонн нефтяного эквивалента (тнэ) на производство ВВП на 1 тысячу долларов. Так для России этот показатель составил 1,1 тнэ / \$ 1000. А вот в Канаде уровень энергоемкости – 0,39 тнэ / \$ 1000 ВВП [17, с. 337].

Из-за обширности территории и низкой плотности населения транспортные издержки в цене продукта в России составляли 50% [17, с. 239]. Основные причины повышенной энергоемкости – большие затраты на транспорт, холодный климат и высокая доля добывающих отраслей и тяжелого машиностроения. По оценкам экспертов, за счет этих факторов энергоемкость российского ВВП выше по сравнению с развитыми странами на 30–40%. В России промышленность расположена в основном севернее, и средний радиус перевозок энергоресурсов превышает 1000–1500 км; нефте- и газопроводы длиной 2000–2500 км идут из Западной Сибири в Европейскую часть, кузнецкий и канско-ачинский уголь перевозится в Центр на расстояние 4 тыс. км» [17, с. 338].

Из всего вышеперечисленного следует основной вывод о принципиальной несовместимости нашей экономической модели с мировым рынком. А.П. Паршев верно актуализирует проблему: «Наш народ и мировой рынок промышленного капитала – несовместимы...» [18, с.102–103].

Закономерности геополитического развития, касаются не только России, а, в принципе, всех стран, объединённых хозяйственными связям в общее интеграционное пространство, логика которого неизбежно будет направлять национально-экономическую

динамику каждой страны в общее русло, именуемое привычным для всех нас понятием «народнохозяйственный комплекс».

Анализ истории либеральных реформ в нашей стране позволяет сделать вывод о том, что Россия всегда погружалась в цивилизационный кризис, когда открывала свою экономику мировому рынку. Из этого следует, подчеркивает А.П. Паршев, что «для создания жизнеспособного государства на российской территории нужно лишь одно: внутренний российский рынок должен быть изолирован от мирового» [18, с. 311]. Заслуга автора в том, что он первый привлек внимание нашей общественности к тому, что либеральные реформаторы «исходили из неверной предпосылки, что неэффективность нашей экономики происходит из-за плохого управления. Конечно, это тоже фактор, с которым надо бороться, но к неэффективности из-за большого расхода энергоресурсов и длинного транспортного плеча он не имеет отношения, — пишет А.П. Паршев, — это совершенно независимая задача» [18, с. 276–277]. И это понятно — национальная конкурентоспособность на мировых рынках будет совершенно разная в теплых странах и в нашей чрезвычайно холодной стране [18, с. 165].

Если в теплых странах завод ставится на асфальт, а в нашей холодной стране фундамент почти два метра в глубину, тогда начальные капиталовложения, включая прокладку труб и коммуникаций — канализации, отопления, водопровода, возрастут почти на 50% по сравнению с затратами на производство аналогичной продукции в теплой стране.

Но к этим затратам надо еще добавить расходы на отопление. Для средней полосы России доля отопления в объеме общих энергозатрат промышленности составляет три четверти, а энергоёмкость российского ВВП выше по сравнению с развитыми странами на 30–40%.

В небольших странах средний радиус перевозок энергоресурсов не превышает 500 км, а у нас всегда превышает 1000–1500 км. Из-за обширности территории и низкой плотности населения транспортные издержки в цене продукта в России составляли 50%.

Если в Ирландии и Англии скот пасется практически круглый год, то в России период стойлового содержания 180–212 дней. Если в Аргентине, где крупный рогатый скот также не нуждается в

заготовленных кормах и круглый год обходится без стойлового содержания, себестоимость килограмма говядины – 5 центов, то в России, для сравнения, наша буренка съедает за полугодовую зиму 3 тонны сена, которое крестьянину нужно накосить и сохранить.

Почти половина территории России находится в условиях, близких к арктическим. А если считать приполярные территории, то в целом около 65% всей территории стран относится в Северу, отличаясь тяжелым климатом, отсутствием дорог и сложными условиями для жилищного и капитального строительства. Очевидно, что Россия сможет уцелеть как конкурентоспособное государство только развиваясь на принципах домостроительства – разумно закрываясь от мировой экономики.

Эти принципы рассматривают наше хозяйство как огромный «национальный дом», примером которого является Россия и, в частности, СССР, в котором нашли себе приют все многонациональные народы царской России – свыше 150 народностей, то есть этносов и субэтносов, образовав суперэтническую северо-восточную нацию.

Геополитический подход, оперирующий категориями пространство, протяженность территории, ландшафт, природно-климатические условия, является эффективным и необходимым методом анализа структуры суверенного национального народного хозяйства.

Проблема анализа общественного развития связана, прежде всего, с выбором методологии как системы научных принципов, а также соответствующей системы категорий. Либерализм эту проблему не решает, т.к. не является теорией суверенного национального развития. Как военно-политическая доктрина, нацеленной на достижение мирового господства, либерализм стремится к унификации всего мира на основе западной цивилизационной системы.

Марксизм, делая шаг вперед по сравнению с явным мракобесием либерализма, также основан на идее об унификации всего мира, но уже на основе социалистической экономической системы. Марксизм является зеркальным отражением либерализма также и в том смысле, что рассматривает общество в целом как социально-экономическую формацию. Поэтому за рамками научного анализа остаются история, традиции и культура. Формационный подход к проблемам общественного развития не способен отразить

адекватно окружающий нас мир, развивающийся в многообразии. Этот подход дает искаженную картину исторического движения общества.

Традиционный тип общества, к которому относится Россия, не является узкоклассовым. Классовым является буржуазное общество, а традиционное общество является многослойным, развиваясь вертикально в процессе взаимодействия всех исторических укладов, способов производства, способов хозяйствования и жизнедеятельности. Такое общество является многоукладным. Дать его анализ и раскрыть закономерности движения можно только на основе комплексного, системного подхода.

Взаимодействие способа производства и способа жизнедеятельности, формации и цивилизации подчиняется общесоциологическому «закону цивилизационно-формационного соответствия» [19, с. 84]. Реальное движение общества создается диалектическим взаимодействием его трех структурных элементов:

- формации – способа производства,
- цивилизации – способа жизнедеятельности,
- культуры – способа духовного бытия.

При этом именно культура выступает в качестве базиса, в качестве общенационального цивилизационного фундамента, на котором выстраиваются не только формационные структуры – уклады, способы производства, но и цивилизационные структуры – способы жизнедеятельности, формы общенационального бытия.

Цивилизационно-формационное развитие происходит в рамках исторически сложившегося геополитического пространства. Культура – это духовный базис, а геополитика – это территориально-пространственный фундамент, формирующий этносы и питающий их своей ландшафтной энергией. Культурно-исторические традиции любого народа дополняются этнической историей, традициями, и соответствующими цивилизационными стереотипами поведения. В результате формируется реальная динамика цивилизационного процесса, опирающаяся на этническую, формационно-цивилизационную и геополитическую динамику общественного развития.

Библиографический список к главе 1

1. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация (книга первая) / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2001. – 528 с.
2. Ланьков А.Н. Конфуцианские традиции и ментальность современного южнокорейского горожанина / А.Н. Ланьков // Восток. – 1996. – №1.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому / Н.Я. Данилевский. – М.: Эксмо, 2003. – 640 с.
4. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер; вступит. ст. и комм. д. ф. н., проф. Г. В. Драча. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 640 с. EDN ZKRQLF
5. Фукуяма Ф.В. Великий разрыв / Ф.В. Фукуяма; пер. с англ. – М.: АСТ, 2003. – 474 с.
6. Валлерстайн Эммануэль. После либерализма / Э. Валлерстайн; пер. с англ.; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 256 с.
7. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – СПб.: Кристалл, 2001. – 639 с.
8. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: логико-методол. анализ / Э.С. Маркарян. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.
9. Афанасенко И.Д. Экономика и духовная программа России / И.Д. Афанасенко. – СПб.: Третье тысячелетие, 2001. – 414 с. EDN TUJVAZ
10. Экономическая теория в XXI веке – 2 (9): Глобальное и национальное в экономике / под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой. – В 2 т. Т. 1. – М.: Экономистъ, 2004. – 576 с.
11. Франк С. Религиозные основы общественности / С. Франк // Путь: Орган рус. религ. мысли. – Полн. репринт. переизд. филос.-религ. журн., печатавшегося в Париже с 1925 по 1940 г. под ред. Н.А. Бердяева. – Кн. 1: 1–6. – М.: Информ-прогресс, 1992. – 752 с.
12. Ефанов Л.Е. О новой парадигме экономической науки и национальном пути хозяйственного развития России / Л.Е. Ефанов // Экономическая теория в XXI веке – 2 (9): Глобальное и национальное в экономике / под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой. – В 2 т. Т. 1. – М.: Экономистъ, 2004. – 576 с.
13. Дугин А. Основы геополитики: геополитическое будущее России; мыслить пространством / А. Дугин. – 4-е изд. – М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000. – 924 с.
14. Агапова И.И. Экономика и этика: аспекты взаимодействия / И.И. Агапова. – М.: Юристъ, 2002. – 190 с.
15. Шпенглер О. Пруссачество и социализм / Освальд Шпенглер; пер. с нем.; послесл. А. Руткевича. – М.: Практис, 2002. – 227 с.
16. Грейсон Д.К. Американский менеджмент на пороге XXI века / Джексон Грейсон мл., Карла О'Делл; пер. с англ.; предисл. Б.З. Мильнера. – М.: Экономика, 1991. – 319 с.
17. Валянский С.И. Понять Россию умом / С.И. Валянский, Д. Калужный. – М.: Алгоритм, 2001. – 475 с.
18. Паршев А.П. Почему Россия не Америка / А.П. Паршев. – М.: Родина, 2021. – 352 с.
19. Козин Н.Г. Постигание России: опыт историософского анализа / Н.Г. Козин. – М.: Алгоритм, 2002. – 653 с.

ГЛАВА 2

DOI 10.31483/r-153070

Медведев Алексей Викторович

Бондарева Галина Сергеевна

ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ЭНЕРГОЕМКОСТИ ВАЛОВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОДУКТА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРОГРАММНО- АНАЛИТИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ

Аннотация: *основной целью настоящего исследования является описание концепции автоматизированной оценки оптимальной энергоемкости сырьевого региона с применением автоматизированного программно-аналитического инструментария. Рассматриваются содержательная постановка задачи определения энергоемкости валового регионального продукта и применение комплекса программ численного анализа оптимизационной математической модели. Описываются особенности и производится трактовка объекта исследования – энергоемкости валового регионального продукта для региона сырьевого типа, а также используемые при моделировании и поддержке принятия управленческих решений принципы – динамичности, оптимизационности и многокритериальности. Предлагается алгоритм оценки влияния энергоемких видов экономической деятельности в регионе на рост показателя энергоемкости через влияние их характеристик на валовый региональный продукт. Для иллюстрации применения программно-аналитического комплекса проведены вычислительные эксперименты, связанные с расчетом валового регионального продукта на основе данных официальной статистики Кемеровской области – Кузбасса по видам экономической деятельности за 2021 год. Рассмотрено влияние на энергоемкость валового регионального продукта некоторых сценариев развития региона, рассматривающих различные конфигурации (наборы) энергоемких видов экономической деятельности региона, а также получены пропорции влияния указанных конфигураций.*

Ключевые слова: энергоёмкость, валовый региональный продукт, программно-аналитический инструментарий, экономика региона, оптимизация.

Abstract: *the main purpose of this study is to describe the concept of an automated assessment of the optimal energy intensity of a raw material region using automated software and analytical tools. A meaningful formulation of the problem of determining the energy intensity of the gross regional product and the application of a set of programs for numerical analysis of an optimization mathematical model are considered. The article describes the features and interprets the object of research – the energy intensity of the gross regional product for the region of the raw material type, as well as the principles of dynamism, optimizability and multi-criteria used in modeling and supporting managerial decision-making. An algorithm is proposed for assessing the impact of energy-intensive economic activities in the region on the growth of energy intensity through the influence of their characteristics on the gross regional product. To illustrate the application of the software and analytical complex, computational experiments were conducted related to the calculation of the gross regional product based on official statistics of the Kemerovo region-Kuzbass by type of economic activity for 2021. The influence on the energy intensity of the gross regional product of some scenarios of regional development, considering different configurations (sets) of energy-intensive economic activities in the region, is considered, and the proportions of the influence of these configurations are obtained.*

Keywords: *energy intensity, gross regional product, software and analytical tools, regional economy, optimization.*

В условиях наличия кризисных явлений в экономике страны задачи изучения процессов в региональных социально-экономических системах (РСЭС) различного масштаба, а также принятия оперативных решений при планировании и прогнозировании их развития являются остро актуальными. Это касается отраслей, видов экономической деятельности, кластеров РСЭС в целом и, в частности, энергетического сектора, одной из важнейших характеристик которого является показатель энергоёмкости валового регионального продукта (ЭВРП), определяющий дифференциацию и

типологию регионов [4], в частности, по их энергоэффективности. Энергоемкость рассчитывается как отношение объема конечного потребления топливно-энергетических ресурсов к объему валового регионального продукта в текущих ценах [13]. Правильный расчет ЭВРП и определение его оптимальных значений и динамики является одним из важнейших условий поставленных государством целей повышения энергоэффективности, достижение которых коррелирует с задачами снижения энергоемкости валового внутреннего продукта страны в целом и ее регионов, в частности. Однако проанализировать динамику ЭВРП субъектов РФ и их производственных отраслей, определить влияющие на нее факторы с помощью официальных оценок Росстата, затруднительно ввиду ряда изъянов применяемой региональной статистики [1]. В этой связи становится целесообразным изучение возможностей применения других объективных инструментов оценки, позволяющих определять, в том числе, оптимальные значения ЭВРП, с учетом особенностей регионов, наличия инновационных, экологических и других возможностей и рисков их экономического развития [10; 12; 14]. Все это актуализирует необходимость решения задач оценки оптимальной энергоемкости валового регионального продукта. По мнению автора, оптимальные значения указанных характеристик можно получить, изучая соответствующий экономический потенциал отраслей и территорий, что, в свою очередь, требует применения их оптимизационных математических моделей, а также разработки автоматизированных инструментов решения этих задач, основанных на региональных моделях оптимизационного характера.

Учитывая сложность РСЭС, получение теоретически и практически значимых результатов их анализа без использования методов математического моделирования и построения на их основе автоматизированных информационно-аналитических систем является затруднительным. В данной главе описана концепция автоматизированной оценки энергоемкости региона, включающая содержательную постановку задачи и применение автоматизированного инструментария ее численного анализа, основанных на использовании оптимизационного подхода и отвечающих выполнению принципа модельной и ИТ-сбалансированности. Ключевым элементом реализации указанного принципа является наличие и возможность

применения разработанного комплексного инструментария к оценке оптимальной энергоемкости сырьевого региона. Интерфейс и информационно-аналитическая база данного программно-алгоритмического комплекса позволяют осуществлять автоматизированную поддержку принятия решений при управлении производственными подразделениями региона. Отметим, что используемый здесь инструментарий апробирован [5] при практическом взаимодействии с региональными управляющими органами Кемеровской области-Кузбасса.

При моделировании крупных (в том числе региональных) социально-экономических систем необходимо учитывать их многочисленные особенности [7; 8] – динамический характер, наличие многих участников, сложную взаимозависимость экономических, социальных, экологических и прочих процессов, структуру и характеристики материальных и финансовых потоков (знание начального состояния, стратегические и тактические составляющие), наличие многочисленных рисков функционирования. Для этого требуется использовать соответствующие этим особенностям адекватные принципы, модели, методы и алгоритмы анализа РСЭС. К указанным принципам, очевидно, необходимо отнести принципы оптимизационности, многокритериальности, модельно-алгоритмической сбалансированности. Принцип оптимизационности ориентирует исследователя или лицо, принимающее решения (ЛПР), на выявление экономического потенциала региона, который, в свою очередь, определяет и другие характеристики эффективного функционирования региона, включая показатели его энергоэффективности и другие взаимосвязанные с ним показатели. Принцип многокритериальности позволяет адекватно отражать интересы нескольких участвующих в региональном проекте сторон. Принцип модельно-алгоритмической сбалансированности направлен на эффективную автоматизированную обработку поступающей информации и, тем самым, на возможности выдвижения и проверки исследовательских гипотез, а также на скорейшее выявление закономерностей функционирования и поддержку принятия обоснованных решений при управлении процессами в изучаемых объектах исследования. При реализации указанных принципов целесообразно также применение общенаучных приемов исследования

(абстрагирование, идеализация, анализ, синтез и др.), включая специфические для экономических исследований приемы усреднения характеристик производственных активов, производства продукции, дисконтирование, выделения этапов развития, структурирования финансовых потоков (по доходно-расходным, тактическим, стратегическим и другим признакам). Кроме того, необходимо ориентироваться на учет основных законов функционирования РСЭС: временной стоимости финансовых ресурсов (инфляции), насыщения спроса, баланса спроса и предложения, наличия жизненных циклов проектов развития и другие. Следует отметить, что использование линейных математических моделей оптимального управления позволяет адекватно отражать законы формирования доходных и расходных потоков в РСЭС, соответствующие основным бухгалтерским правилам и законодательству страны [6], в частности, при функционировании различных экономических агентов [8]. Линейность математических моделей оптимального управления, в свою очередь, способствует успешной реализации принципа модельно-алгоритмической сбалансированности. Данный принцип заключается в использовании взаимно согласованных модельно-алгоритмической и информационно-технологической составляющих исследования, когда для математической модели разработаны алгоритмы, методы и программные средства ее автоматизированного анализа и наоборот, программные комплексы работают с моделями, в достаточной мере адекватно отражающими содержательную сторону процессов, изучаемых в социально-экономической системе региона.

Рассмотрим следующую содержательную постановку задачи оценки оптимального уровня ЭВРП. Пусть экономическим агентами РСЭС являются производственный и потребительский секторы экономики региона, а также управляющий (налоговый) центр. Математическая модель, в которой рассматривается такое взаимодействие экономических агентов на уровне региона, представлена в статье [8], в которой более подробно описаны критерии и ограничения функционирования подсистем (экономических агентов).

Примем, что в качестве экономических агентов в регионе выступают производственный и потребительский секторы экономики, а также управляющий (налоговый) центр. За основные

экономические критерии эффективности их функционирования целесообразно принять максимумы сальдо доходных и расходных потоков стратегического (как правило, долгосрочного) характера, которые экономические агенты в регионе рассматривают, как свои жизненно необходимые. Для производителя такими стратегическими потоками считаются доходный поток прибыли и расходный поток инвестиций, для потребителя – доходный поток заработной платы и расходный поток затрат на потребительскую корзину, для налогового центра – доходные потоки налоговые и расходные потоки дотаций. Предполагается, что каждый участник регионального социально-экономического процесса обладает начальными собственными средствами, их текущая деятельность, связанная с финансированием оборотных затрат, может кредитоваться и/или дотироваться.

Отметим, что в исследованиях региональных процессов, при взаимодействии социума, производственных предприятий и органов управления региона, в настоящее время принципиальным является учет экологического фактора, что особенно важно при анализе сырьевых регионов с высокой долей добывающих отраслей, к которым относится Кемеровская область-Кузбасс. В этой связи при моделировании региона учтены экологические ограничения его функционирования путем рассмотрения таких затратных составляющих деятельности регионального производителя.

В качестве критериев эффективности функционирования экономических агентов принимаются максимумы потоков стратегического (как правило, долгосрочного) характера, рассматриваемые, как «жизненно необходимые» для них. Следует отметить, что по оптимальным значениям инвестиций можно восстановить и оптимальные объемы производимой продукции в предположении, что производственные мощности не простаивают и задействуются производителем по максимуму. Тот же тезис, на наш взгляд, применим и относительно получения оптимальных значений ЭВРП. К указанным ограничениям в используемой математической модели относятся инвестиционные (на объем инвестиций), производственные (на объемы производства продукции, обусловленные производственными мощностями и спросом на продукцию), финансовые (неотрицательность собственных средств, верхние пределы

кредитов и дотаций) и экологические (непревышение предельно допустимых выбросов) ограничения.

Деятельность производителя может быть представлена (см. таблицу), как совокупность видов экономической деятельности (ВЭД) в регионе в соответствии с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности [9].

Таблица

Виды экономической деятельности региона

Вид экономической деятельности
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство
Добыча полезных ископаемых
Обрабатывающие производства
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, загрязнений
Строительство
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов
Транспортировка и хранение
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания
Деятельность в области информации и связи
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом
Деятельность профессиональная, научная и техническая
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги
Образование
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений

Для указанных отраслей экспертно задаются следующие показатели: средние значения стоимости и срока службы комплектов основных производственных фондов (ОПФ), выручки от продажи продукции, оценочного стоимостного спрос на нее, а также таких показателей, как зарплатоемкость и материалоемкость производства их продукции (товара и/или услуги). Формирование инновационных экосистем ведет, как правило, к разнонаправленным тенденциям в изменении перечисленных технико-экономических характеристик ОПФ и продукции указанных видов экономической

деятельности. Инновационные особенности производства продукции, характеристик ОПФ, методов управления и организации производства можно учитывать через экспертно задаваемые коэффициенты, отражающие изменения (уменьшение или увеличение) значений перечисленных технико-экономических характеристик [7]. Исходный набор таких характеристик, очевидно, можно назвать «старой» технологией, а модифицированный, в соответствии с мнением экспертов, – «новой» технологией. Таким образом, комбинация коэффициентов, соответствующая «новой» технологии, позволяет выявлять влияние на показатели эффективности функционирования РСЭС и ее составляющих различных инноваций производственного, управленческого, маркетингового характера.

Одним из ключевых условий, позволяющим осуществлять эффективный анализ и прогнозирование развития экономики региона, является наличие доступа к статистической информации о его социально-экономической деятельности. Существуют различные источники такой информации, имеющей разный уровень достоверности и объективности. Вместе с тем, при независимом анализе РСЭС целесообразно ориентироваться на официальные, открытые источники, например, [11], где для всех перечисленных показателей имеются соответствующие статистические данные по Кемеровской области – Кузбассу.

Представленные в таблице ВЭД могут группироваться в разные подгруппы, в зависимости от целей проводимого исследования. Например, можно разбить их на три, приблизительно равные по количеству, группы: I – ВЭД №№1–6, II – ВЭД №№7–11 и III – ВЭД №№12–16. Тогда каждая группа ВЭД несет свой институциональный смысл, условно отражая экономические особенности функционирования региона – материального производства (I), производства бизнес-услуг (II) и производства услуг государственного управления (III).

Предварительно отметим, что энергоемкость экономики региона тем выше, чем больший вклад в ВРП вносит промышленность и чем меньшую долю обеспечивает сфера услуг [3]. В работе [2] производится группировка региональных ВЭД в интересах оценки энергоемкости валового регионального продукта. В группу, имеющую наибольший вклад в ЭВРП, включены следующие ВЭД:

добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование, воздуха; водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений, а также транспортировка и хранение, то есть ВЭД, соответствующие №№2–5 и №8 таблицы. В той же работе отмечается, что, например, для Новгородской области РФ доля указанных ВЭД составляет около 75% ВРП, причем они [10] являются наиболее энергоемкими, в связи с чем этим секторам необходимо уделять первоочередное внимание при осуществлении политики в области энергоэффективности региона. В связи со сказанным, для количественной оценки энергоемкости региона можно предложить следующий подход. Пусть необходимо сравнить вклад различных региональных ВЭД в приведенную, добавленную к инвестициям, стоимость региональной экономики при сложившихся в ней характеристиках ВЭД. Под вкладом ВЭД в добавленную стоимость РСЭС понимается такое дополнительное значение выбранного показателя эффективности регионального проекта развития, которое получается при достижении данным ВЭД порогового значения одного из характеризующих его показателей (выручки от продажи продукции, зарплатоемкости, материалоемкости и других), при котором данный ВЭД вносит вклад в ВРП при выполнении всех ограничений проекта. Очевидно, прирост ВРП выявляет экономический потенциал данного ВЭД. Можно выдвинуть гипотезу о том, что увеличение добавленной стоимости региона при достижении экономического потенциала ВЭД прямо пропорционально увеличивает и показатель энергоемкости данного ВЭД, как составляющей ЭВРП. Сравнивая таким образом суммарный вклад в ВРП выделенных ВЭД, определяющих ЭВРП, можно соотнести пропорции роста ЭВРП с пропорциями роста ВРП. В этом случае несложно также оценить долю каждого из ВЭД в увеличении ЭВРП. Таким образом, на первом шаге определяется ВРП при заданных характеристиках региональных ВЭД. На втором шаге определяются пороговые значения характеристик выделенных ВЭД. На третьем производится сравнительный анализ полученных зависимостей.

С целью апробации программно-аналитического инструментария рассмотрим ряд вычислительных экспериментов, проведенных

на основе моделей региона и соответствующей программной системы [7, 8], удовлетворяющих описанным выше принципам. В данных моделях в качестве показателя, наиболее близко характеризующего ВРП, принимается показатель чистой приведенной стоимости (NPV), а в качестве критерия эффективности рассматривается максимизация данного показателя. Для демонстрации подхода в качестве пороговых значений показателей функционирования энергоемких ВЭД, определяющих границу воздействия этих ВЭД на валовой региональный продукт, были рассмотрены показатели выручки от продажи их продукции. Рассмотрим следующие сценарии:

1 – соответствует текущим значениям показателей ВЭД №№1–16, взятым из статистики Кемеровской области-Кузбасса;

2 – соответствует текущим значениям показателей ВЭД при достижении пороговых значений параметров, характеризующих ВЭД №2;

3 – соответствует текущим значениям показателей ВЭД при достижении пороговых значений параметров, характеризующих ВЭД №№3–5,8;

4 – соответствует текущим значениям показателей ВЭД при достижении пороговых значений параметров, характеризующих ВЭД №№2–5,8.

Описанные сценарии позволяют соотнести как пропорции роста ЭВРП с пропорциями роста ВРП в целом, так и оценить долю ключевого для рассматриваемого сырьевого региона ВЭД №2 (Добыча полезных ископаемых) в увеличении ЭВРП. Соответствующие указанным сценариям зависимости NPV от горизонта планирования Т представлены на рисунке.

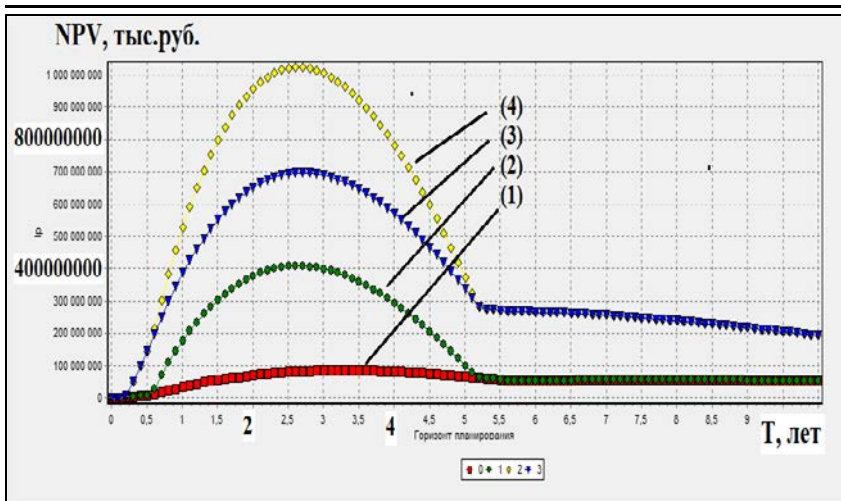

Рис. 1. Зависимости NPV(T) в сценариях (1)–(4)

Данные рисунка позволяют осуществить сравнительный анализ ряда ключевых характеристик энергоемких видов экономической деятельности региона в динамике, на заданном горизонте планирования. Например, ЛПР может оценить инвестиционный потенциал (максимумы зависимостей жизненных циклов проекта развития региона, определяемых рассматриваемыми энергоемкими ВЭД), который для сценариев (1)–(4) соответственно имеет следующие приблизительные численные значения – 100, 400, 700, 1100. Кроме того, ЛПР также может провести сравнительную оценку инвестиционной емкости (рассматриваемой, как площадь криволинейной трапеции под представленными зависимостями) наиболее энергоемких ВЭД с точки зрения общей оценки показателя энергоемкости валового регионального продукта. Для данных экономической статистики Кемеровской области – Кузбасса произведенные расчеты инвестиционной емкости (площади под графиками приведенных на рисунке зависимостей) дали следующие пропорции для сценариев (1)–(4) соответственно: $1 \div 2,5 \div 5,7 \div 7$. Таким образом, ЛПР может оценить вклад каждой из конфигураций, соответствующих сценариям (1)–(4), в рост энергоемкости валового регионального продукта. Следует отметить, что в качестве характеристик, для которых определяются пороговые значения их влияния ВЭД на ВРП, могут быть рассмотрены и другие показатели – стоимость и срок

службы комплектов ОПФ, спрос на продукцию зарплатоемкость, материалоемкость производства продукции. Выбор конкретного показателя, очевидно, зависит от специфики проекта регионального развития. Например, в случае рассмотрения инновационного аспекта регионального развития целесообразен выбор характеристик ОПФ, продукции или технологических особенностей ее производства, а в случае маркетингового аспекта – спрос на продукцию.

Показатели энергоемкости и энергоэффективности региона, определяемые функционированием регионального производственного сектора должны в значительной степени корректироваться с учетом интересов социума и управляющего центра, которые зачастую имеют противоположную направленность. Например, в сфере интересов управляющего центра находится максимизация налоговых потоков, основная часть которых порождается при функционировании регионального производителя. Вместе с тем, в сырьевых регионах деятельность крупного производителя зачастую сопряжена с нарушениями экологических условий жизни населения и загрязнением окружающей природной среды. В этой связи для анализа реального взаимодействия экономических агентов в регионе необходимо применение математических подходов, связанных с решением многокритериальных задач. Используемая для проведения расчетов математическая модель является примером трехкритериальной задачи анализа социо-эколого-экономического взаимодействия в регионе, в которой присутствуют экологические ограничения на функционирование производителя, балансирующих указанные противоречия экономических агентов. В качестве экологических ограничений рассматриваются ограничения объемов производства продукции в регионе заданным уровнем удельных выбросов веществ, загрязняющих окружающую природную среду, а также неперевышения объемов предельно допустимых выбросов или концентраций этих загрязнений.

Учитывая линейность модели [8], ее можно свести к эквивалентной ей, однокритериальной, модели с выпуклой линейной сверткой критериев $J_{cs} = \mu_1 c^{(P)} + \mu_2 c^{(C)} + \mu_3 c^{(T)}$, где $c^{(P)}$, $c^{(C)}$, $c^{(T)}$ – критерии производителя, потребителя и управляющего центра, а μ_1 , μ_2 , μ_3 – их весовые коэффициенты. Как показано в [8], однокритериальная задача разрешима и может быть подвергнута многокритериальному

анализу с помощью использованного здесь для расчетов пакета [7], имеющего в своем арсенале возможности многокритериального анализа в форме построения Парето-множеств получаемых решений задачи и изучения их поведения в зависимости от параметров модели.

Приведенные в главе концепция оценки энергоемкости валового регионального продукта, а также описанный инструментальный информационно-аналитический комплекс позволяют решать некоторые важные задачи управления энергоэффективностью региональных социо-эколого-экономических систем. Региональный аналитик или другое лицо, принимающее решения, могут проводить оценку различных характеристик жизненного цикла инвестиционных проектов по развитию региональных энергоемких видов экономической деятельности, включая сравнительный анализ сценариев по показателям инвестиционного потенциала (максимумы жизненных циклов), инвестиционной мощности (площади криволинейных трапеций под графиками), определять периоды окупаемости, рентабельности, оптимальные моменты реинвестиций и другие характеристики функционирования видов экономической деятельности региона.

Проведенные компьютерные эксперименты, основанные на технологиях ситуационного прогнозирования, позволяют осуществлять прогноз социально-экономического развития региона, в частности, находить численные значения его характеристик: показатели, отражающие инвестиционный потенциал и инвестиционную емкость региональной социо-эколого-экономической системы с учетом инвестиционных, производственных, финансовых, маркетинговых, экологических ограничений, а также интересов основных участников региональных социально-экономических процессов. При этом все указанные характеристики могут рассматриваться в аспекте управления энергоемкостью регионального валового продукта.

Немаловажно также отметить, что, благодаря наличию стандартизированной, открытой информации о характеристиках ОПФ, производимой продукции видов экономической деятельности региона [11], описанный в главе подход дает возможность сравнивать, ранжировать и классифицировать регионы по уровню энергоемкости их ВРП. Наличие же сбалансированного модельно-

алгоритмического инструментария позволяет автоматизировать такую работу в целях оперативного принятия экспертных решений в условиях кризисного развития регионов.

Управленческие решения, принимаемые на основе предложенного здесь подхода, а также модельного и программного инструментария, имеют высокую степень обоснованности, так как базируются на выявленном, объективном экономическом потенциале регионального социально-экономического развития, а полученные результаты применимы при выработке долгосрочных прогнозов развития различных региональных производственных подразделений, а также всего производственного комплекса в регионе не только для решения задач его энергоэффективности, но и комплексного социально-экономического развития территорий.

Библиографический список к главе 2

1. Башмаков И.А. Анализ факторов, определяющих динамику энергоёмкости валового регионального продукта субъектов РФ / И.А. Башмаков, А.Д. Мышак [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.abok.ru/for_spec/articles.php?nid=8668 (дата обращения: 14.12.2025).
2. Белов В.И. Повышение энергоэффективности регионов РФ: методика и апробация / В.И. Белов // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2023. – Т. 5. №10 (139). – С. 79–86. – DOI 10.36871/ek.ur.p.r.2023.10.05.009. EDN QJODPS
3. Бондарев Н.С. Методологический подход к оценке результативности региональной экономической политики / Н.С. Бондарев, Р.М. Котов // International Agricultural Journal. – 2022. – Т. 65. №6. – DOI 10.55186/25876740_2022_6_6_64. EDN FEQZJK
4. Иншаков О.В. Повышение энергоэффективности в контексте вступления России в ВТО: проблема, межрегиональные сравнения, пути решения / О.В. Иншаков, Л.Ю. Богачкова, О.С. Олейник // Современная экономика: проблемы и решения. – 2013. – №1 (37). – С. 17–32. EDN QIZOSD
5. Корчагина И.В. Применение аналитического инструментария поддержки принятия оптимальных решений в задачах регионального социально-экономического развития / И.В. Корчагина, А.В. Медведев, О.В. Секлецова // Развитие производительных сил Кузбасса: история, современный опыт, стратегия будущего: международная научно-практическая конференция. – М.: Российская академия наук, 2024. – С. 368–373. EDN IDZDNX

6. Макаров В.Л. Агент-ориентированная социо-эколого-экономическая модель региона / В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин, Е.Д. Сушко // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. – Т. 11. №3 (288). – С. 2–11. EDN TEXEVN
7. Медведев А.В. Автоматизированная поддержка принятия оптимальных решений в инвестиционно-производственных проектах развития социально-экономических систем / А.В. Медведев. – М.: Академия Естествознания, 2020. – 200 с. – DOI 10.17513/np.421. EDN INAOUX
8. Медведев А.В. Оптимизационная социо-эколого-экономическая модель региона / А.В. Медведев // Современные наукоемкие технологии. – 2023. – №12–1. – С. 54–59. – DOI 10.17513/snt.39860. EDN QWRPOI
9. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://classifikators.ru/okved#codes/> (дата обращения: 14.05.2025).
10. Саматова А.П. Энергоэффективность отраслей экономики регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока / А.П. Саматова, А.В. Филимонов // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2024. – Т. 2. №3. – С.285–290. – DOI 10.33764/2618-981X-2024-2-3-285-290. EDN НМННСК
11. Федеральная служба государственной статистики, единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/emiss> (дата обращения: 10.12.2025).
12. Цыбатов В.А. Стратегическое планирование энергоэффективного развития субъекта Российской Федерации / В.А. Цыбатов // Экономика региона. – 2018. – Т. 14. №3. – С. 941–954. – DOI 10.17059/2018–3-18. EDN ХУУССД
13. Цыбатов В.А. Экономический рост как важнейший фактор снижения энергоемкости валового регионального продукта / В.А. Цыбатов // Экономика региона. – 2020. – Т. 16. №3. – С.739–753. – DOI 10.17059/ekon.reg.2020–3-5. EDN PJMTZE
14. Электроэнергетическая отрасль региона: математическое моделирование эколого-экономической оценки эффективности развития / Е.В. Васильев, А.Г. Киренберг, И.М. Кисляков и [др.] // Уголь. – 2023. – №12 (1174). – С. 44–49. – DOI 10.18796/0041-5790-2023-12-44-49. EDN LGNAFL

ГЛАВА 3

DOI 10.31483/r-152932

Афанасьева Оксана Николаевна

Ортикова Нистана Рустамовна

Желудкова Анастасия Алексеевна

ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ НА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Аннотация: в главе проводится всесторонний анализ изменений в российско-китайском экономическом сотрудничестве, вызванных санкционным давлением западных стран после 2022 года. Рассмотрено воздействие санкций и адаптация экономики, раскрыты энергетический блок сотрудничества России и КНР, логистика и новые транспортные маршруты, финансовая инфраструктура и расчеты в национальных валютах. Авторы исследуют изменения в структуре торговли и инвестиционные потоки, новые форматы технологического сотрудничества, выявили структурные риски и ограничения партнерства, определили перспективы развития российско-китайского сотрудничества.

Ключевые слова: санкции, экономические санкции, российско-китайское сотрудничество, Россия, Китай, экономика Китая, импортозамещение, экспорт китайских товаров, юань, инвестиционное партнерство, технологическая кооперация, финансовая инфраструктура, геополитическая трансформация, адаптация экономики.

Abstract: this chapter provides a comprehensive analysis of changes in Russian-Chinese economic cooperation caused by Western sanctions pressure after 2022. It examines the impact of sanctions and economic adaptation, highlighting the energy sector of Russian-Chinese cooperation, logistics and new transport routes, financial infrastructure, and settlements in national currencies. The authors examine changes in trade structure and investment flows, new formats of technological cooperation, identify structural risks and limitations of partnership, and outline prospects for the development of Russian-Chinese cooperation.

Keywords: *sanctions, economic sanctions, Russian-Chinese cooperation, Russia, China, Chinese economy, import substitution, Chinese exports, yuan, investment partnership, technological cooperation, financial infrastructure, geopolitical transformation, economic adaptation.*

Глобальные геополитические изменения 2022 года, сопровождавшиеся введением санкций против России, стали катализатором значительных преобразований в системе международных экономических отношений. Более 24 тысяч санкционных ограничений против России со стороны недружественных стран было введено за последние несколько лет, они охватили ключевые секторы – финансовый, энергетический, промышленный и логистический, – вынудили Россию стратегически переориентировать свои внешнеэкономические связи с традиционных западных партнеров на азиатские рынки. В первую очередь это касается Китайской Народной Республики [10].

Несмотря на продолжительный кризис, российская экономика демонстрирует признаки адаптации. Например, уровень инфляции в апреле 2022 года составил 17,8%, что является самым высоким показателем за последние 5 лет. На данный момент уровень инфляции равен 8% (данные на сентябрь 2025 года), разница составляет 9,8%, что демонстрирует постепенное привыкание экономики к новым реалиям и переход к более гибким механизмам регулирования [9].

В условиях глобальной нестабильности российско-китайское взаимодействие становится ключевым пространством для разработки новых экономических моделей. Их природа трансформируется: сырьевые сделки уступают место инфраструктурным инициативам, финансовым связям, использованию национальных валют и технологическим проектам. Эти изменения закладывают основу для долгосрочной трансформации Евразийского континента.

Воздействие санкций и адаптация экономики

Санкции, введенные по отношению к России с 2014 по 2025 год, можно разделить на несколько основных категорий. Финансовые санкции, включающие ограничения на доступ к международным финансовым рынкам, заморозку активов Центрального банка РФ и отключение от системы SWIFT. Технологические и промышленные санкции, направленные на запрет поставок высокотехнологичной

продукции, комплектующих и оборудования. Энергетические санкции, предусматривающие запреты на импорт российских нефти, газа, угля и ограничения на поставки оборудования для топливно-энергетического комплекса. Внешние ограничения в последние годы заметно сузили привычные маршруты доставки: воздушные коридоры оказались частично закрыты, а морские перевозчики столкнулись с новыми барьерами. Параллельно усилилось давление на отдельных предпринимателей и представителей власти, что создало дополнительную турбулентность для деловой среды.

В этих обстоятельствах экономика стала перестраиваться довольно быстро. Можно заметить, как производители активнее переходят на собственные технологические решения, а торговые цепочки смещаются в сторону азиатских и ближневосточных партнёров. Одновременно государство корректирует бюджетные приоритеты, мягко перенастраивает денежно-кредитные механизмы и расширяет использование внутренних финансовых инструментов. Национальные платёжные сервисы за последние три года увеличили долю внутренних операций примерно на четверть, что говорит о росте устойчивости финансового контура.

Одним из индикаторов того, насколько эта трансформация работает, стала динамика цен. В первой половине 2022 года рост стоимости товаров достиг почти 18% – максимум за десятилетие. Однако к осени 2025-го ситуация смягчилась: потребительская инфляция удерживается около 8%. Фактическое снижение почти на 10 пунктов показывает, что экономика в ряде случаев уже приспособилась к новым правилам игры. Слишком много отраслей всё ещё зависит от импортных решений, а процесс обновления производственных цепочек требует времени и ресурсов.

Перед введением антироссийских санкций США были одними из крупнейших торговых партнёров России. Основой российского экспорта в США были топливные товары, металлы и химикаты. В свою очередь, американские компании поставляли высокотехнологичное оборудование, сельскохозяйственную продукцию и медицинские товары в Российскую Федерацию.

Таблица 1

Товарооборот между Россией и США (млн долл. США)

	2022	2023	2024–2025
Товарооборот, млн долл. США	максимально высокое значение было равно 3041,2 (начало февраля); в том же месяце товарооборот резко снизился	оставался на низком уровне; минимально низкое значение за год – 280,8 (апрель)	летом 2025 года вырос на 31,3% до 340

Источник: Российская газета. Торговый оборот России и США установил новый антирекорд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/18/09/2023/650428139a7947b10142ef52>

На основе данных таблицы 1 можно сделать вывод о том, что за последние годы объемы торговли между Россией и США резко сократились из-за санкций и политических ограничений [7]. Особенно заметное снижение произошло в 2023 году, когда товарооборот достиг минимума. Тем не менее, с 2024–2025 годов наметился постепенный рост двусторонней торговли. Основным фактором этого восстановления стал экспорт российских удобрений, обогащенного урана и платины в США. Несмотря на позитивные сдвиги, общий объем торговых операций по-прежнему значительно уступает докризисным показателям.

Санкционное давление на Россию со стороны коллективного Запада, резко усилившееся в 2022 году, стало переломным моментом в современной мировой экономике и политике. Это событие оказало непосредственное и многогранное воздействие на все внешнеэкономические связи России, в первую очередь на отношения с ее ключевым азиатским партнером – Китайской Народной Республикой.

В 2021 году товарооборот между Россией и Китаем составил 147 млрд долларов, в 2022 году он был равен 218 млрд долларов (рис. 1). В 2023 году отмечалось, что рост экспорта российских товаров в Китай может быть ограничен из-за недостатка совместных проектов. Основные препятствия для свободного экспорта включают сложности с логистикой и высокую стоимость

транспортировки товаров через границу между Россией и Китаем [1]. Структура торговли обретает характер устойчивой взаимодополняемости. Россия направляет в Китай нефть, газ, уголь, зерновые культуры, металлы. Китай, в свою очередь, становится ключевым поставщиком автомобилей, бытовой электроники, станков, средств связи и промышленного оборудования. Такой обмен усилил взаимную привязку экономик.

Однако, объем торговли товарами между Россией и Китаем в январе-сентябре 2025 года сократился в долларовом выражении на 9,4% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составил \$163,621 млрд. Экспорт из России в Китай уменьшился на 7,7% – до \$90,055 млрд, а импорт из КНР – на 11,3%, до \$73,566 млрд [5]. Общий тренд остается восходящим: импорт из Китая растет быстрее, чем поставки из России. Это свидетельствует о том, что промышленные цепочки все больше зависят от китайских технологий. Даже несмотря на снижение товарооборота в январе – сентябре 2025 года, объем взаимодействия остается выше докризисных уровней.

Но устойчивые экономические отношения между Россией и КНР зародились ещё десятилетие назад. Рассмотрим динамику российско-китайского торгового оборота за период с 2014–2024 гг.

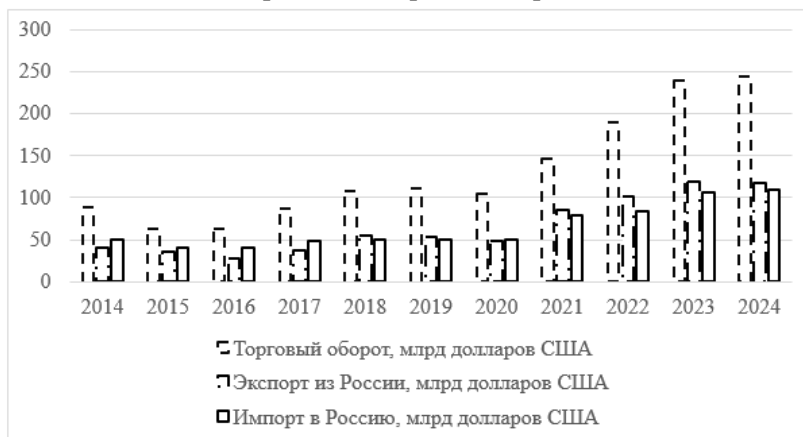

Рис. 1. Динамика торгового оборота между Россией и Китаем с 2014 по 2024 г., млрд долл. США

Источник: Матвеева А.А. Стратегическое партнерство России и Китая в условиях санкционного давления (2014–2025) // Актуальные исследования. – 2025. – №18–1 (253). – С. 94–98.

Динамика стоимостных показателей поставок российских товаров существенно изменилась под влиянием множества факторов. Во-первых, снижение мировых цен на ключевые экспортные товары России, вызванное замедлением роста мировой экономики и международной торговли, оказало значительное влияние на стоимость этих поставок. В 2022 году увеличение физических объемов экспорта в Китай происходило на фоне благоприятной ценовой конъюнктуры, что привело к росту китайского импорта из России на 43,4% в стоимостном выражении. Однако в 2023 году ценовая ситуация стала менее выгодной, и для поддержания объемов поставок необходимо было увеличивать физические объемы, что снижало коммерческую эффективность для экспортеров. Тем не менее, стоимость закупленных Китаем российских товаров все же выросла на 12,7% за год.

Во-вторых, рост экспорта китайских товаров в Россию замедлился из-за прекращения эффекта замещения, вызванного уходом западных компаний с российского рынка и значительным сокращением импорта из стран ЕС. Пик этого процесса пришелся на 2023 год, когда китайские поставки в Россию выросли на 46,9%. Китайская продукция, особенно в таких категориях, как машиностроение, оборудование, инструменты, транспортные средства и электротехника, практически не испытывала конкуренции. Однако возможности для дальнейшего роста ограничены из-за ограниченной емкости внутреннего рынка России. По данным ФТС России, после спада в 2022 году импорт России восстановился на 11,7%, достигнув 285 млрд долларов. Однако в 2024 году объемы импорта снизились на 0,8%.

В-третьих, развитие двусторонних торгово-экономических связей происходило в сложных условиях, обусловленных усилением санкционного давления со стороны западных стран, включая угрозу вторичных санкций против китайских компаний и финансовых институтов. Это создавало значительные препятствия для проведения платежных и расчетных операций. Хотя стороны частично

смягчили влияние санкций, полностью преодолеть их последствия не удалось.

Энергетический блок сотрудничества России и КНР

Энергетика остаётся основным фундаментом российско-китайского сотрудничества, причем влияние санкций заметно ускорило процесс переориентации поставок. Ранее значительные объёмы российской нефти шли в страны Европы, однако после начала масштабных санкций эти потоки значительно сократились или были полностью перенаправлены на восточные рынки, в первую очередь в Китай. Китайская сторона стала крупнейшим покупателем российской нефти несмотря на то, что в 2025 году наблюдалось снижение объёмов закупок: по состоянию на январь – сентябрь 2025 года импорт нефти КНР из России сократился примерно на 8,1% по физическим объёмам, достигнув около 74 миллионов тонн против показателя предыдущего года. В денежном выражении снижение составило около 21%, что составляет порядка 37,55 млрд долларов. В 2024 году, наоборот, импорт вырос на 1,3%, превысив 108 миллионов тонн, что указывает на сложную динамику и зависимость от колебаний мирового рынка нефти [4].

Интерес Китая к стабильным и крупным объёмам природного газа подтолкнул обе страны к формированию долгосрочных договорённостей и запуску инфраструктурных проектов, рассчитанных на десятилетия вперёд. На этом фоне газопровод «Сила Сибири» создал принципиально новую инфраструктурную основу для долгосрочных поставок, диверсифицируя экспортные маршруты России и обеспечивая Китай стабильным источником газа.

В последние годы заметно выросла и роль сжиженного природного газа (СПГ). Поставки сжиженного газа увеличиваются примерно на 12–15% ежегодно – динамика, которая отражает глобальный поворот к более гибким форматам торговли энергоресурсами. Это позволяет импортёрам быстрее реагировать на изменение спроса, а экспортёрам – уменьшать зависимость от единственного маршрута или партнёра.

Логистика и новые транспортные маршруты

Логистическое направление развивается ускоренными темпами. Транссибирская магистраль испытывает значительно возросшую нагрузку и выступает главным сухопутным коридором,

соединяющим промышленные регионы Китая с рынками Европы и России. Это привело к модернизации инфраструктуры, увеличению пропускной способности железнодорожных узлов и внедрению новых организационных решений, позволяющих сокращать сроки доставки и снижать издержки. Активно развивается и маршрут, проходящий через Казахстан. Он обеспечивает дополнительную сухопутную линию сообщения, способствует диверсификации транспортных цепочек и усиливает устойчивость всей логистической системы региона.

Порты Приморья и Хабаровского края постепенно превратились в главные ворота для обмена товарами с азиатскими экономиками. Через них проходит огромная доля грузов, направленных в страны Евразии, и именно здесь формируется сеть смешанных маршрутов, где морские перевозки соединяются с железнодорожными и автомобильными линиями. За последние пять лет объёмы перегрузки в отдельных терминалах выросли на 25–30%, что стало возможным благодаря модернизации причалов, расширению складских зон и внедрению более гибких систем логистического обслуживания. Всё это заметно повышает устойчивость товаропотока и снижает риски задержек, которые раньше возникали из-за перегруженности отдельных направлений.

К отдельному направлению интересов сотрудничества стран относится Арктика. Российские проекты на севере вызывают устойчивый интерес у китайских корпораций, которые рассматривают этот регион как перспективный плацдарм для участия в крупных добычных и логистических инициативах. Здесь проявляется ещё один важный тренд: освоение Северного морского пути превращается в инструмент переформатирования транспортной географии. По оценкам некоторых экспертов, к 2030 году грузопоток по этой линии может увеличиться минимум вдвое. Для энергетических компаний это означает более короткий путь к потребителям Азиатско-Тихоокеанского региона и снижение зависимости от перегруженных маршрутов через европейские порты.

Строятся новые логистические центры вдоль главных железнодорожных и автомобильных магистралей. Это помогает развивать регионы и быстрее интегрировать их в азиатские торговые потоки.

За последнее время объёмы перевозок через эти узлы уже выросли на 18–20%.

Россия и Китай укрепляют взаимную зависимость, делая транспортное сотрудничество одним из ключевых элементов собственной экономической безопасности. На фоне глобальной нестабильности подобная перестройка логистики становится фактором, определяющим стратегическое значение партнёрства двух стран в новой экономической реальности.

Финансовая инфраструктура и расчёты в национальных валютах

Переход на альтернативные финансовые механизмы стал одним из самых заметных последствий санкционного давления. Российские банки, потеряв значительную часть каналов расчётов через западные системы, ускоренно подключаются к CIPS – китайскому аналогу SWIFT [8].

На практике это выражается в том, что расчёты в долларах и евро постепенно утрачивают актуальность, поскольку юань используется не только в операциях с китайскими компаниями, но и в части сделок с государствами третьих регионов. Рост доли национальных валют в торговле России и Китая можно рассматривать как значимый этап формирования евразийской финансовой экосистемы. В ближайшем будущем Китайская цифровая валюта может получить широкое международное признание благодаря её интеграции в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [2]

Система кредитования претерпевает значительные изменения. Китайские банки постепенно оттесняют европейские финансовые учреждения с доминирующих позиций. Они активно финансируют проекты по развитию транспортной инфраструктуры, добыче природных ресурсов и поставке оборудования в Россию. Этот поток кредитных ресурсов сопровождается более гибкой кредитной политикой и предоставлением индивидуальных условий для российских партнеров, особенно в отраслях, имеющих стратегическое значение для китайской экономики.

Эти процессы финансовой интеграции между Россией и Китаем происходят на фоне значительных политических и экономических потрясений, вызванных санкциями и глобальными финансовыми кризисами. Создание новых финансовых каналов формируют

основу для создания более устойчивой и независимой финансовой системы в Евразийском регионе.

Изменения в структуре торговли и инвестиционные потоки

Структура российско-китайского товарооборота заметно изменилась по сравнению с докризисным периодом. Если раньше преобладала классическая модель «энергетические ресурсы в обмен на оборудование и потребительскую продукцию», то теперь ассортимент поставок включает более разнообразный набор товаров. Россия усиливает экспорт: нефти, газа, угля; продовольствия и сельхозсырья; металлов и химической продукции; удобрений; древесины и продукции глубокой переработки. Китай наращивает поставки: автомобилей и автокомпонентов; электроники, включая элементы микроэлектроники; станков и промышленного оборудования; телекоммуникационных систем; бытовой техники; оборудования для энергетики и строительства.

Китай активно участвует в одном из крупнейших инвестиционных проектов России – Ямал СПГ. В рамках этого проекта китайская корпорация CNPC владеет 20% акций, а Фонд Шелкового Пути – ещё 10%. Компания Sinopec приобрела 10% акций холдинга СИБУР, ведущего нефтехимического предприятия России, что открывает перспективы для реализации важных для Китая проектов. Среди них – завод «Запсибнефтехим» в Тобольске и строительство Красноярского завода синтетических каучуков, продукция которого активно поставляется на китайский рынок.

Кроме того, стоит отметить глобальный торговый проект Китая «Один пояс – один путь», охватывающий около 65 стран и включающий 62% мирового населения. Этот проект обеспечивает 35% всей мировой торговли и 31% мирового ВВП. Он включает в себя экономический пояс Шелкового пути, морской Шелковый путь XXI века и экономические коридоры. Два из этих коридоров проходят через российские территории: новый Евразийский сухопутный мост и коридор Китай – Монголия – Россия [6].

Технологическое сотрудничество: поиск новых форматов

Одним из эффективных инструментов стимулирования и развития двустороннего научно-технического и инновационного сотрудничества является Подкомиссия по научно-техническому сотрудничеству Российско-Китайской комиссии по подготовке регулярных

встреч глав правительств, а также действующая по поручению Подкомиссии Российско-китайская рабочая группа по высоким технологиям и инновациям. Китай и Россия сегодня активно развивают научно-техническую политику, уделяя особое внимание роли инноваций в трансформации экономики и модернизации промышленности. Их совместная цель – интеграция науки, технологий и экономических процессов – создала прочную основу для научно-технического сотрудничества между двумя государствами [13].

Наблюдается интерес Китая к российским компетенциям в области космических технологий, биоинженерии, материаловедения и математического моделирования. Китайские университеты активно выстраивают совместные программы с российскими вузами, включая обмены исследователями и создание совместных лабораторий.

Россия и Китай расширяют сотрудничество в сфере искусственного интеллекта, квантовых вычислений, робототехники и медицинского моделирования. Планируется создание совместных научно-исследовательских центров для экспорта технологий в страны Азии. Это показывает динамичное развитие научно-технического взаимодействия, которое стало ответом на санкции и ограничения доступа к западным технологиям. Китайские научные и технические ресурсы сочетаются с российскими компетенциями, открывая новые возможности в космической отрасли и биоинженерии.

Структурные риски ограничения партнерства

Несмотря на укрепление партнёрства, некоторые ограничения мешают эффективной интеграции, создавая структурные риски.

1. Разница в экономических масштабах.

Китайская экономика настолько велика и динамична, что её объём вдвое превышает совокупный ВВП всех стран Евразийского экономического союза и более чем в десять раз – российский. Такая разница закономерно влияет на характер сотрудничества. В торговле именно китайская сторона задаёт темп и формирует стандарты, тогда как российским компаниям приходится подстраивать стратегии под существующие правила игры. На практике это проявляется, например, в том, что переговоры о крупных контрактах часто проходят на условиях Пекина, а его приоритеты в цепочках поставок задают структуру спроса. Уровень зависимости постепенно растёт: по

оценкам отдельных аналитических центров, доля Китая во внешне-торговом обороте России уже превышает 35%.

2. Сырьевая ориентация российского экспорта.

Поставки в китайскую экономику по-прежнему опираются на энергоресурсы и металлы. Несмотря на попытки расширить экспорт продукции глубокой переработки, структура остаётся уязвимой к ценовой волатильности. Особенно отчётливо это заметно в периоды снижения мировых котировок на нефть и газ: российские доходы от экспорта в Китай могут падать на 20–25% в течение одного квартала.

В настоящее время в Китае активно развивается стремление к достижению «карбонизационной нейтральности». Основными целями становятся экологичность, снижение выбросов углекислого газа и повышение эффективности энергетических систем. Природный газ играет важную роль в структуре внутреннего энергопотребления страны благодаря своим высоким качествам, эффективности и низкому углеродному следу. Его доля в энергетическом балансе Китая стремительно растёт.

За последние десять лет китайский рынок природного газа значительно расширился. С 2015 по 2022 год среднегодовой прирост потребления газа составил около 20 миллиардов кубометров, что позволило увеличить общий объём потребления в два раза. В 2022 году потребление природного газа достигло 366,3 миллиарда кубометров, что на 199 миллиардов кубометров больше по сравнению с 2013 годом. Это увеличение составляет 129,2%, это может сузить окно возможностей для российских поставщиков [11].

3. Осторожная позиция китайского бизнеса.

Крупные банки и корпорации из КНР в ряде случаев взаимодействуют с Россией лишь через промежуточные структуры – филиалы в Юго-Восточной Азии или дочерние компании третьих стран. Такая схема вынуждена: риск вторичных санкций Вашингтона остаётся ощутимым, особенно в высокотехнологичных и финансовых секторах. Подобная модель увеличивает расходы на проведение операций, удлиняет сроки расчётов и снижает прозрачность сделок. Кроме того, она ограничивает участие китайских партнёров в продвинутых промышленных проектах, где необходимы прямые инвестиции и долгосрочные обязательства.

Процесс внедрения антикоррупционных мер на российских предприятиях, принадлежащих китайскому капиталу, идёт медленно, что вызывает значительные проблемы. В 2022 году Transparency International, международная организация по борьбе с коррупцией, опубликовала Глобальный индекс коррупции, в котором Россия заняла 137 место. Этот результат свидетельствует о высоком уровне коррупционных рисков для китайских компаний, работающих в российской экономике [12].

4. Технологический перекос.

Технологический баланс в отношениях двух стран складывается неравномерно. Россия вносит вклад в виде сырья, отдельных видов программного обеспечения, научных идей и специализированной электроники, тогда как основные объёмы промышленного производства сосредоточены в Китае. Речь идет не только о бытовой технике, но и о промышленном оборудовании, которое составляет основу многих отраслей. Такая зависимость от внешних поставок увеличивает уязвимость российских высокотехнологичных производств. По оценкам специалистов Национального исследовательского университета, доля комплектующих, которые прямо или косвенно связаны с китайскими поставщиками, может достигать 65–70%. В результате ограничивается пространство для самостоятельного промышленного развития и возрастает риск технологических разрывов.

Тем не менее эти вызовы не являются тупиком. Они подсказывают направления, в которых может выстраиваться более взвешенная и долгосрочная стратегия. Расширение экспорта несырьевых товаров, ускорение вложений в технологические разработки, поддержка локальных производственных цепочек и развитие транспортной инфраструктуры позволяют снижать внешние риски. Такой подход постепенно формирует более устойчивый характер партнерства. Его основой становится стремление найти равновесие и добиться взаимного усиления, что особенно важно в условиях глобальной нестабильности.

Перспективы развития российско-китайского сотрудничества остаются значительными. Взаимодействие университетов, исследовательских центров и технологических компаний уже приносит ощутимый результат. Только за последние три года число

совместных образовательных программ увеличилось примерно на 30%, а доля проектов в сфере искусственного интеллекта выросла почти вдвое.

Постепенно партнерство выходит за рамки привычного ресурсного обмена. В фокусе появляются направления, которые раньше не рассматривались как ключевые. Это химические технологии, авиационные разработки, новые материалы и космические исследования. На отдельных площадках уже формируются устойчивые производственные цепочки, соединяющие научные институты и предприятия двух стран. Динамика пока неравномерная, однако влияние на структуру взаимодействия становится все более заметным.

Особое значение приобретает Дальний Восток. Регион превращается в пространство, где сходятся инфраструктурные и инвестиционные интересы России и Китая. Модернизация Транссибирской магистрали, создание распределительных центров и расширение портовых возможностей позволяют увеличить пропускную способность транспортных коридоров почти на 25% по сравнению с уровнем начала двадцатых годов. Китайские компании проявляют повышенный интерес к энергетике, добывающим проектам и логистике. По оценкам Министерства по развитию Дальнего Востока, объем китайских инвестиций в регион может вырасти на 40% к 2030 году, если текущие тенденции сохранятся.

Исследования в области материаловедения, математического моделирования и биоинженерии могут значительно повысить конкурентоспособность. Этому будет способствовать системная поддержка через программы научных обменов, финансирование проектов и долгосрочные соглашения между университетами. Такое сотрудничество позволит углубить технологическое содержание совместной работы [3].

Таким образом, антироссийские санкции существенно изменили динамику экономических отношений между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией. Начав с ограниченного товарооборота и обмена ресурсами, страны расширили инвестиции в инфраструктуру, реализовав крупные проекты в транспорте и промышленности. Укрепилось взаимодействие в энергетике, высоких технологиях и инновациях.

В долгосрочной перспективе сотрудничество двух стран на Дальнем Востоке будет усиливаться и приобретать более

устойчивый характер. Если текущие тенденции сохранятся, российско-китайское сотрудничество на восточных территориях может стать одним из наиболее устойчивых элементов экономической структуры Евразии.

Библиографический список к главе 3

1. Афанасьева О.Н. Взаимосвязь экономики России и Китая: текущее состояние и перспективы / О.Н. Афанасьева, Я.Т. Бавлаков // Оригинальные исследования. – 2024. – Т. 14. №3. – С. 224–230. EDN MQGWES
2. Афанасьева О.Н. Перспективы цифрового юаня в международных расчетах / О.Н. Афанасьева, М.Ф. Шадрунова // Вестник факультета управления СПбГЭУ. – 2025. – №23. – С. 3–9. EDN YFZQNH
3. Ван В. Экономическое будущее Китая и российско-китайское сотрудничество / В. Ван // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2023. – Т. 241. №3. – С. 104–109. – DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-104-109. EDN NZZKPM
4. Китай за три квартала 2025 года сократил импорт нефти из России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/8138327> (дата обращения: 26.12.2025).
5. Матвеева А.А. Стратегическое партнерство России и Китая в условиях санкционного давления / А.А. Матвеева // Актуальные исследования. – 2025. – №18–1 (253). – С. 94–98. EDN KGUNJI
6. Миленков А.В. Потенциал применения цифровых валют и цифровых финансовых активов в международных расчетах и других секторах экономики / А.В. Миленков // Вестник экономической безопасности. – 2025. – №2. – С. 192–199. – DOI: 10.24412/2414-3995-2025-2-192-199. EDN KHEIGQ
7. Торговый оборот России и США установил новый антирекорд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/18/09/2023/650428139a7947b10142ef52> (дата обращения: 26.12.2025).
8. Тюленева Т.И. Влияние финансовых санкций США на трансграничную электронную торговлю между Китаем и Россией / Т.И. Тюленева, Л. Ян // Московский экономический журнал. – 2024. – Т. 9. №3. – С. 603–613. – DOI: 10.55186/2413046X_2024_9_3_168. EDN QKIUAA
9. Инфляция и ключевая ставка Банка России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/hd_base/inf/ (дата обращения: 26.12.2025).
10. Целовальников Д.И. Предпосылки и этапы развития российско-китайских торгово-экономических отношений / Д.И. Целовальников // Экономические исследования и разработки. – 2023. – №12. – С. 110–118. EDN GUHWF
11. Чан С. Исследование потенциала энергетического сотрудничества между Россией и Китаем в сфере нефти и газа / С. Чан // Наука, образование и культура. – 2024. – №4 (70). – С. 29–31. EDN IAVTDF
12. Чжан Ш. Анализ прямых инвестиций Китая в Россию / Ш. Чжан // Гуманитарный научный журнал. – 2025. – №3–2. – С. 13–27. EDN AFUIDI
13. Чэнь Ц. Перспективы технологического сотрудничества Китая и России / Ц. Чэнь, И.Н. Байназаров // Human Progress. – 2024. – Т. 10. №5. – DOI: 10.46320/2073–4506-2024-5a-9. EDN IUksyB

ГЛАВА 4

DOI 10.31483/r-153297

Минаков Андрей Владимирович

РАЗВИТИЕ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ

Аннотация: *сегодня невозможно представить полноценное развитие российской промышленности и оборонного комплекса без черной металлургии. Сталь, чугун и различные сплавы находят применение в самых разных областях – от строительства жилых кварталов и транспортных магистралей до выпуска автомобилей и бытовой техники. Помимо внутреннего потребления, поставки продукции за рубеж обеспечивают стабильный приток валютных доходов в бюджет. Успешная работа на международных рынках помогает выстраивать долгосрочные партнерские отношения и укрепляет позиции России как индустриальной державы. В связи с этим черная металлургия напрямую определяет уровень экономической безопасности государства. В современных условиях отрасль сталкивается с беспрецедентными вызовами, требующими пересмотра стратегии развития. Исследование посвящено изучению развития черной металлургии в России в период с 2021 г. по 2024 г. Результаты показали снижение за 3 года выплавки чугуна, производства ферросилиция, стали, стальной проволоки, выпуска готового проката, экспорта стали и доли России в мировом экспорте черных металлов. Значительно улучшить ситуацию может стимулирование внутреннего спроса, разработка и внедрение собственных решений по высокотехнологичным сплавам, внедрение ИИ-решений для управления производством и логистикой.*

Ключевые слова: *черная металлургия, производство металла, выплавка стали, металлургический комплекс, экономическая безопасность.*

Abstract: *today, it is impossible to imagine the full development of Russian industry and the defense complex without the ferrous metallurgy industry. Steel, cast iron, and various alloys are used in a wide range of*

areas – from the construction of residential areas and highways to the production of automobiles and household appliances. In addition to domestic consumption, exports of products abroad ensure a stable flow of foreign exchange revenue to the budget. Successful operation in international markets helps build long-term partnerships and strengthens Russia's position as an industrial power. Therefore, the ferrous metallurgy directly determines the level of economic security of the state. In the current environment, the industry faces unprecedented challenges that require a revision of its development strategy. This study examines the development of the ferrous metallurgy industry in Russia from 2021 to 2024. The results show a decline over three years in pig iron smelting, ferrosilicon production, steel, steel wire, finished rolled product output, steel exports, and Russia's share of global ferrous metal exports. Stimulating domestic demand, developing and implementing proprietary solutions for high-tech alloys, and implementing AI solutions for production and logistics management could significantly improve the situation.

Keywords: *ferrous metallurgy, metal production, steel smelting, metallurgical complex, economic security.*

Введение

Черная металлургия в России считается одним из фундаментов российского промышленного комплекса, поскольку ее развитие напрямую влияет на формирование индустриального потенциала страны и уровень ее экономической безопасности. Работа этой отрасли позволяет закрывать потребности внутреннего рынка в качественных металлах (в том числе, в машиностроительном, оборонно-промышленном, строительном, транспортном секторах, в сфере ЖКХ и так далее), одновременно получать экспортную прибыль. В последние несколько лет, когда глобальная экономика проходит через серьезную трансформацию, а борьба за рынки сбыта только обостряется, вопрос развития черной металлургии в РФ становится особенно актуальным.

Современная ситуация в отрасли ставит перед ней целый ряд сложных задач. Санкционное давление, непредсказуемые скачки цен на сырье и постоянно меняющиеся запросы потребителей требуют от сектора особой гибкости. Если отрасль сможет эффективно адаптироваться к текущим вызовам, это не только усилит влияние

России на мировой арене, но и создаст надежный запас прочности для всей национальной экономики, оберегая ее как от внутренних угроз, так и от давления извне.

В этой связи крайне важно детально изучить текущие векторы развития черной металлургии и проанализировать, каким образом ее стабильность отражается на экономической безопасности государства. Подобный разбор позволит четко определить те факторы, которые сегодня способны обеспечить реальный рост и процветание этой стратегически важной отрасли.

Развитие черной металлургии в РФ рассматривали многие отечественные авторы, среди которых Д.М. Кучерявенко, Е.И. Абалтусова, В.С. Лебеденко, П.В. Самсонова, А.В. Ткаченко, М.А. Печенская-Полищук, М.К. Малышев, А.А. Молдован, К.А. Карягина и другие. Однако актуальные исследования тенденций и проблем отрасли в РФ в литературе отсутствуют, что и определило выбор темы статьи. Цель работы – изучение развития черной металлургии в контексте обеспечения экономической безопасности РФ. В статье решались следующие задачи: изучение влияния черной металлургии на экономическую безопасность; изучение государственной политики развития черной металлургии; анализ развития отрасли в РФ за 2021–2024 гг. и 11 месяцев 2025 г.; выявление актуальных проблем и определение путей их решения.

Обзор литературы

В технологическом плане черная металлургия представляет собой процесс, охватывающий как добычу сырья, так и переработку железных и немагнитных металлов и их сплавов [9, с. 93]. Так, по мнению Е.И. Абалтусовой и ее соавторов, влияние данной отрасли на экономическую безопасность государства проявляется в обеспечении промышленного, технологического и военно-технического суверенитета. Являясь основой для множества других секторов экономики, металлургический сектор формирует значительную долю российского ВВП.

Особого внимания заслуживает социальная роль отрасли. Черная металлургия выступает стабилизатором общественной жизни, создавая рабочие места не только на профильных предприятиях, но и в многочисленных смежных секторах экономики по всей России. Высокая концентрация производственных мощностей в ряде

регионов делает их бюджеты и социальные фонды напрямую зависимыми от налоговых поступлений металлургов. Благополучие и уровень доходов значительной части трудоспособного населения страны оказываются тесно связанными с эффективностью работы этого сектора [4, с. 14].

Специфику российского рынка черных металлов подчеркивают М.А. Печенская-Полищук и М. К. Малышев. Они отмечают, что это одна из редких сфер отечественной переработки, где потенциал заводов по основным видам продукции намного опережает запросы внутреннего потребителя. Подобный избыток мощностей делает отрасль нацеленной на внешние рынки, превращая экспорт металлопродукции в один из ключевых и наиболее надежных каналов получения валютной выручки для государства [12, с. 125].

Характерной особенностью отечественного металлургического сектора является доминирование вертикально интегрированных структур, функционирующих на базе крупных промышленных комбинатов [11, с. 477].

Лидерами современного российского рынка черных металлов являются ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат», ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат» и ПАО «Северсталь». Значимый вклад в общие показатели рынка вносит холдинг «ЕВРАЗ», чьи основные производственные мощности сосредоточены в Нижнем Тагиле и Новокузнецке [8, с. 15].

Столкнувшись с необходимостью отвечать на глобальные экологические вызовы и растущее давление конкурентов, в последние годы отрасль вступила в период обновления, где приоритет отдается внедрению инноваций и снижению нагрузки на природу. По мнению Д.В. Ибрагимхалилова, потенциал для такой адаптации весьма значителен: он опирается на богатую ресурсную базу, профессионализм инженерных кадров и стабильно высокий спрос на сталь, что подкрепляется системными мерами государственной поддержки [7, с. 557].

Разработан ряд документов, формирующих правовую основу для развития черной металлургии в России и определяющих ключевые направления государственной политики в этой области. Так, основы государственной политики в сфере промышленности, включая черную металлургию, определены Федеральным законом

«О промышленной политике в Российской Федерации» [2], а вопросы экологической ответственности и внедрения чистых технологий регулируются законом «Об охране окружающей среды» [1]. Правовой фундамент изменений заложен в Стратегии развития металлургической отрасли, которая формулирует задачи на долгосрочную перспективу [3].

Вся система государственного регулирования сегодня подчинена идее модернизации отрасли, что должно обеспечить российским металлургам устойчивость и конкурентные преимущества при строгом соблюдении стандартов экологической безопасности.

Материалы и методы исследования

В исследовании использовались следующие методы: анализ, синтез, измерение, сравнение, графическая интерпретация данных статистики.

Материалы исследования включают данные Федеральной службы государственной статистики [13], Аудиторско-консалтинговой компании «Деловой профиль» [10], сайта статистики «Trademap» [14], статьи из журналов.

Объектом исследования является металлургическая отрасль РФ. В качестве показателей для анализа были выбраны: объемы выплавки чугуна, производства ферросилиция, стали, выпуска готового проката, производства стальных труб, экспорта стали, доли стран в мировом экспорте черных металлов и др. Границы исследования – 2021–2024 гг., 11 месяцев 2025 г.

Результаты исследования

Рассмотрим показатели развития черной металлургии в РФ. Согласно данным Росстата, по итогам 2024 года предприятия черной металлургии России выплавляли 51,2 млн т чугуна, что на 6,2% меньше, чем в 2023 году (максимум за 4 года) и на 4,8% меньше, чем в 2021 году (рис. 1).

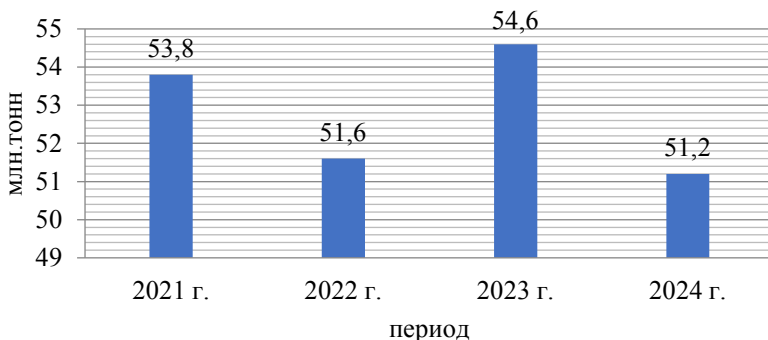

Рис. 1. Динамика выплавки чугуна в РФ за 2021–2024 гг., млн т
Источник: составлено автором на основе [13]

Производство ферросилиция ежегодно сокращалось и достигло минимума в 2024 г. – 602 тыс. тонн (рис. 2).

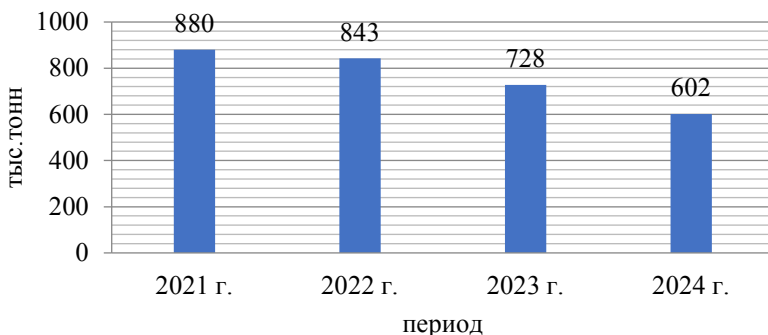

Рис. 2. Динамика производства ферросилиция в РФ
за 2021–2024 гг., тыс. тонн
Источник: составлено автором на основе [13]

Производство нелегированной стали в 2024 г. снизилось относительно 2021 г. на 10%, показатель достигал максимума в 2023 г. Производство нержавеющей стали росло в 2022–2023 гг., снизилось в 2024 г. на 20%. Производство легированной стали за 2024 г. выросло, однако не достигло максимального показателя за анализируемый период – 15,7 млн тонн в 2022 г. (рис. 3).

Рис. 3. Динамика производства стали в РФ за 2021–2024 гг.
Источник: составлено автором на основе [13]

В 2024 г. производство стали в России стало минимальным показателем за последние четыре года. Снижение связано с несколькими причинами: санкционным давлением, снижением внутреннего спроса, старением оборудования (есть потребность в модернизации доменных печей и прокатных станов).

Выпуск готового проката в РФ в 2021 г. составлял 66 млн. тонн, в 2022 г. показатель снизился до 60,5 млн тонн, а после роста в 2023 г. произошло очередное снижение в 2024 г. до минимальных 59,9 млн тонн (рис. 4).

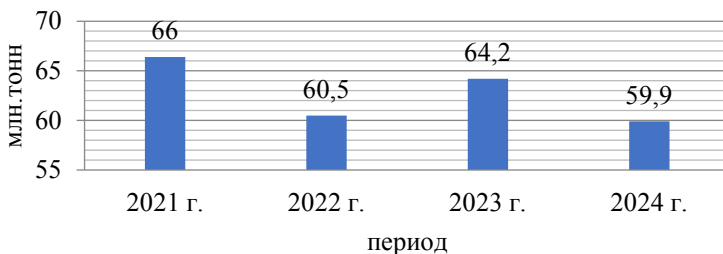

Рис. 4. Динамика выпуска готового проката в РФ
за 2021–2024 гг., млн тонн
Источник: составлено автором на основе [13]

Общий объем производства стальных труб рос в 2022–2023 г. и снизился в 2024 г. (рис. 5).

Рис. 5. Динамика производства стальных труб в РФ за 2021–2024 гг., тыс. тонн

Источник: составлено автором на основе [13]

Общий объем производства стальной проволоки ежегодно снижался: в 2021 г. он составлял 1851 тыс. тонн, в 2022 г. – 1605 тыс. тонн, в 2023 г. – 1594 тыс. тонн, в 2024 г. – 1582 тыс. тонн. Общее снижение за 4 года составило 15% (рис. 6).

Рис. 6. Динамика производства стальной проволоки в РФ за 2021–2024 гг., тыс. тонн

Источник: составлено автором на основе [13]

Одним из ключевых факторов, тормозящих производство черных металлов, стало существенное сокращение экспортного спроса на сталь из России. Россия традиционно входит в число крупнейших экспортеров стали, однако в 2024 г. объемы экспорта сократились на 9,4% по сравнению с 2021 г. (рис. 7).

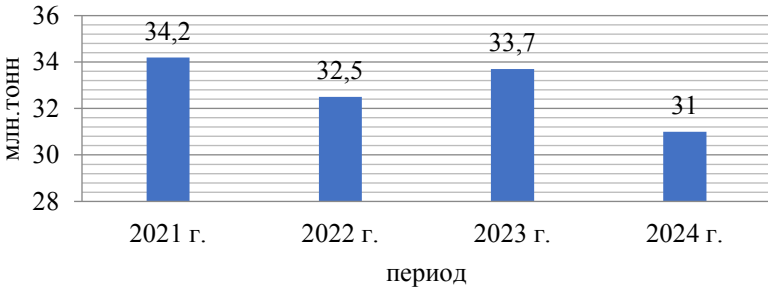

Рис. 7. Динамика экспорта стали в РФ 2021–2024 гг., млн тонн
Источник: составлено автором на основе [10]

Снижение экспортных поставок было обусловлено санкционными мерами против России, удорожанием логистики и высоким уровнем тарифной и нетарифной защиты других государств. Данные обстоятельства вынудили российских производителей переориентировать экспорт стали на азиатские и африканские страны. Кроме всего перечисленного, сокращение экспорта стали из России было связано с ростом поставок из КНР на международный рынок.

Лидерами по экспорту черных металлов в мире являются Китай, Германия и Япония. Доля Китая за 4 года выросла с 12% до 15,7%, доля Германии с 5,9% до 6,8%, доля Японии снизилась на 0,1 п.п., а доля России на 2,2 п.п. до 2,9% (рис. 8).

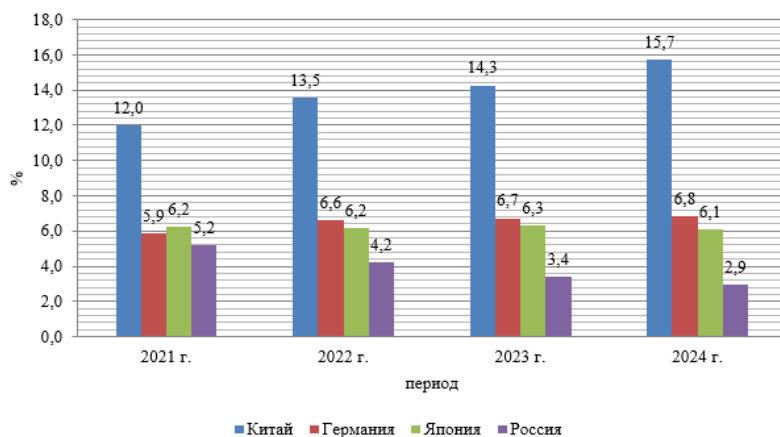

Рис. 8. Доля стран в мировом экспорте черных металлов в 2021–2024 гг., %

Источник: составлено автором на основе [14]

Отрицательная динамика в производстве черных металлов, наметившаяся в 2024 г., во многом была обусловлена падением интереса к продукции со стороны отечественных девелоперов. Если в 2023 году отрасль опиралась на жилищное строительство, то год спустя ситуация коренным образом изменилась под влиянием государственных мер по стабилизации экономики. Опасаясь чрезмерного «перегрева» финансовой системы, правительство приступило к сворачиванию механизмов поддержки ипотечного рынка, и ключевым событием здесь стало завершение программы льготного кредитования с 1 июля 2024 года. Параллельно с этим серьезным препятствием для строительной индустрии послужило решение Центрального банка поднять ключевую ставку, что сделало заемное финансирование крайне дорогим. Ситуацию усугубило и временное затишье в реализации крупных инфраструктурных объектов. Перерыв в выполнении этих планов привела к заметному сокращению заказов на стальные конструкции и другие материалы, что в совокупности сформировало общую тенденцию к снижению объемов выпуска в металлургическом секторе.

Падение производства черных металлов в РФ продолжилось и в 2025 году: производство чугуна снизилось на 1,5%, легированной

стали – на 14,9%, нелегированной – на 1,6%, проката – на 5,2% (рис. 9).

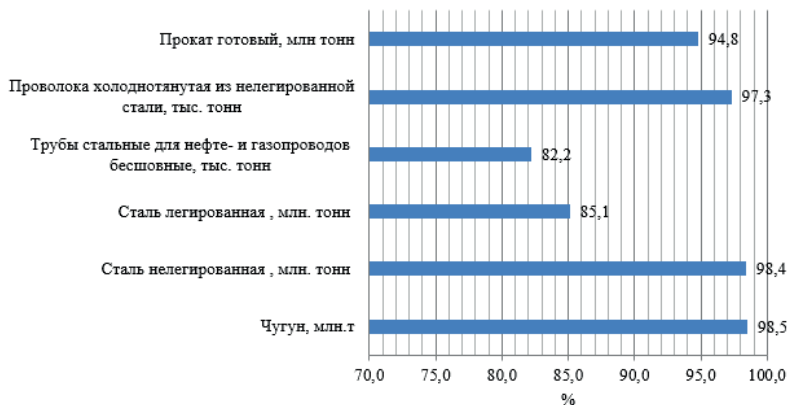

Рис. 9. Динамика производства черных металлов в РФ, январь–ноябрь 2025 г. в % к январю–ноябрю 2024 г.

Источник: составлено автором на основе [13]

Обсуждение

Основные проблемы развития черной металлургии в РФ представлены на рис. 10:

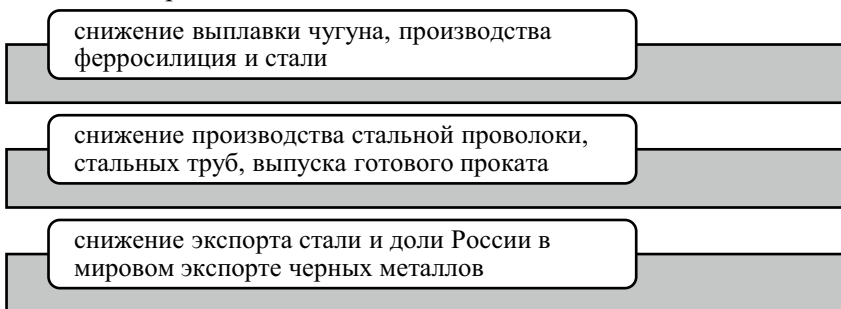

Рис. 10. Проблемы развития черной металлургии в РФ в 2021–2024 гг.

По итогам 2024 года показатели развития черной металлургии в РФ упали до минимумов последних нескольких лет. В январе–ноябре 2025 г. ситуация продолжила ухудшаться.

Существуют различные точки зрения на развитие отрасли в контексте обеспечения экономической безопасности.

Так, О.А. Боровикова считает необходимым повышение энергоэффективности существующих производств, создание достойных условий труда работникам и профессиональный рост специалистов [6, с. 37].

А. Айвазян с соавторами обосновывают целесообразность более активного вовлечения вторичного сырья в производственный оборот, что должно способствовать снижению ресурсоемкости металлургических гигантов. Они считают также важным обеспечить приток инвестиций в разработку инновационных материалов, оптимизировать избыточные производственные мощности [5, с. 98].

По мнению автора, также представляется необходимым введение преференций для компаний, экспортирующих черные металлы на перспективные рынки Африки и Азиатско-Тихоокеанского региона, развитие импортозамещения и прямое участие государства в развитии внутреннего спроса через финансирование масштабныхстроек, а также поддержку отечественного автомобилестроения и судостроения.

Заключение

Подводя итоги проведенному анализу, можно сформулировать ряд выводов.

В последние годы выпуск продукции черной металлургии в России опустился до минимумов нескольких лет. К такой ситуации привел комплекс неблагоприятных факторов: внутри страны это проявилось в падении активности со стороны ключевых потребителей – застройщиков и машиностроительных заводов, а на внешнем рынке негативную роль сыграли сокращение спроса зарубежных контрагентов и значительное увеличение затрат на транспортировку продукции. Дальнейшие перспективы индустрии напрямую связаны с тем, насколько эффективно предприятиям удастся адаптироваться к текущему политическому давлению. Фундаментом для восстановления и последующего развития могут послужить рост внутреннего спроса в ряде отраслей экономики, обновление технической базы с внедрением ИТ-решений, поиск альтернативных экспортных направлений, а также реализация программ поддержки отрасли со стороны государства.

ГЛАВА 5

DOI 10.31483/r-152982

Игнатова Каринэ Эдуардовна

ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МИГРАЦИОННЫЙ УЧЕТ И КОНТРОЛЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РОССИИ

Аннотация: в главе освещаются актуальные вопросы обеспечения цифрового суверенитета и информационной безопасности Российской Федерации. Рассматриваются положения миграционной политики, утвержденной на 2026–2030 годы, проводится анализ последствий принятых мер в данной сфере в текущем году. Автор отмечает значимость создания цифрового профиля мигранта, устанавливает его роль в обеспечении доступа к необходимым услугам и информации, а также возможностью выработки и реализации эффективного механизма контроля и надзора за миграционными потоками на территории российского государства.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, миграционная политика, цифровые технологии, цифровое профилирование, цифровая идентификация.

Abstract: the chapter highlights the current issues of ensuring digital sovereignty and information security in the Russian Federation. The provisions of the migration policy approved for 2026–2030 are being reviewed, and the consequences of the measures taken in this area in the current year are being analyzed. The author emphasizes the importance of creating a digital migrant profile, its role in ensuring access to necessary services and information, and the potential for developing and implementing an effective mechanism for monitoring and supervising migration flows within the Russian state.

Keywords: digital sovereignty, migration policy, digital technologies, digital profiling, and digital identification.

Сегодня одним из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности становится установление цифрового

суверенитета государства, связанного с реализацией информационной защиты от внутренних и внешних угроз. Российская система правового обеспечения информационной безопасности, как часть информационного права развивается динамично, что, в свою очередь, выступает важным научным информационно-правовым вектором [4]. Согласно с мнением А.А. Ефремова, который рассматривает государственный суверенитет в информационном пространстве как юридическое свойство государства особого субъекта информационно-правовых отношений, осуществляющего их правовое регулирование в пределах своей территории, экстерриториальных режимов и при участии в международно-правовом регулировании. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в информационно-цифровой механизм обеспечения государственного суверенитета входят комплекс систем, включающих организационные, нормативно-функциональные и инструментально-процедурные элементы, регулирующие уровень влияния на общественные отношения [3].

Современные цифровые технологии играют возрастающую роль в процессе миграции, оказывая влияние на путь мигранта от смены места постоянного проживания до интеграции в принимающие сообщества. Цифровизация выступает одним из доминирующим вектором реализации утвержденной Президентом Российской Федерации Концепции государственной миграционной политики РФ на 2026–2030 годы, в которой ключевым направлением определяется расширение практики использования цифровых технологий в сфере миграции. Нововведением становится предложенное профилирование данных об иностранных гражданах, которое в сочетании с традиционными методами верификации усовершенствует систему оценивания данных на основе их цифровых профилей. Кроме того, нормативно закрепляется создание возможности регистрации в единой биометрической системе за пределами Российской Федерации с использованием специализированных программных средств¹.

¹ Указ Президента РФ от 15.10.2025 №738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 15.10.2025.

В рамках действующего Федерального закона от 29.12.2022 №572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» функционирование государственной системы миграционного и регистрационного учета осуществляется с использованием биометрических персональных данных, направленных на идентификацию и (или) аутентификацию физических лиц. В этих целях применяется государственная информационная система «Единая система идентификации и аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных»².

Цифровое измерение свободы движения рабочей силы имеет тенденцию к расширению, интегрируясь в экосистему цифровых сервисов в сфере трудоустройства. Осуществление трудовой деятельности иностранными гражданами должно исходить из потребности российской экономики в иностранной рабочей силе при условии прозрачности процессов привлечения специалистов, систематически обеспечивая контроль и управление за этими процессами. Следует отметить, что на данный момент основной поток мигрантов в России составляют представители из стран Содружества Независимых Государств, не способные реализовать потребности российского рынка труда в полном объеме. Большая часть трудовых мигрантов – низкоквалифицированные рабочие кадры, привлеченные для трудовой деятельности по приоритетным профессионально-квалификационным группам. Данное обстоятельство минимизирует эффективность использования иностранной рабочей силы в целях улучшения социально-экономической ситуации в стране.

² Федеральный закон от 29.12.2022 №572-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 29.12.2022.

Выявленные при анализе проблемы свидетельствуют о благоприятном применении цифровых технологий в миграционной политике. В ближайшее время, внедренные информационные технологии пройдут через процесс модернизации с учетом новых вызов. По мнению О.В. Троицкой, поспособствовать ускорению может изучение зарубежных положительных практик, направленных на развитие информационных технологий в области миграционного управления. Определение наиболее эффективного способа решения задач миграционного и пограничного контроля усиливает глобальную мобильность, на который сегодня делает ставку Российская Федерация [6].

В.В. Путин 9 июля 2025 года подписал Указ №467 «О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина», согласно которому Министерство внутренних дел должно создать электронный ресурс под названием «Цифровой профиль иностранного гражданина», содержащий сведения об иностранных гражданах и лицах без гражданства в целях формирования полной, достоверной и актуальной информации для оценки миграционной ситуации в Российской Федерации, выработки и реализации мер, направленных на регулирование миграционных процессов на территории Российской Федерации в срок до 30 июня 2026 года. Иностранцы и лица без гражданства смогут вносить сведения о себе в цифровой профиль через предоставленный доступ к сервисам на портале государственных услуг (Госуслуги)³. Внедрение данного информационного ресурса направлено на усиление государственной безопасности, оптимизацию процессов миграционного учёта и повышение эффективности контроля за пребыванием иностранцев на территории России.

Отметим значение, запущенного в эксплуатацию еще в 2021 году первого цифрового проекта, реализованного в рамках Евразийского экономического союза, – унифицированная система поиска «Работа без границ». Преимущество сервиса заключается в свободном доступе к национальным базам вакансий всех государств-членов Союза (Россия, Армения, Беларусь, Казахстан и

³ Указ Президента Российской Федерации от 9 июля 2025 г. №467 «О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина».

Кыргызстан), что позволяет увеличить общую долю рынка труда, значительно ускоряя процесс свободного передвижения трудовых ресурсов.

В проекте участвуют 5 государственных систем в сфере труда и занятости государств-членов ЕАЭС: федеральная государственная информационная система «Единая цифровая платформа в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России», информационная система по поиску работы и подбора персонала «Горц» Республики Армения, информационный портал государственной службы занятости Республики Беларусь, информационный портал «Работа» (Электронная биржа труда) Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан и информационная система рынка труда Кыргызской Республики. Информационные системы государств-участников взаимодействуют между собой посредством типового программного обеспечения, которое интегрировано в национальные информационные системы, посредством уникального унифицированного интерфейса и методов API [7].

Цифровая трансформация коренным образом изменила подход государственных структур к управлению миграционными потоками. Современные цифровые технологии не только содействуют в трудоустройстве мигрантов, но и значительно упрощает их взаимодействие с органами исполнительной власти по вопросам постановки на миграционный учет и получения необходимой документации. Достижением стала разработка программного обеспечения, созданного российской компанией «ГЛК-ИТ» – разработка программы «ИТ-АКСИОМА», которая вывела процесс легальной миграции в России на новый уровень, объединив интересы мигрантов и государства в едином информационном пространстве. Цифровое решение компании, основанное на технологии блокчейн, исключает возможность различного рода манипуляций с результатами экзаменов. необходимых для обязательной сдачи на территории государства, позволяет хранить исходные материалы, включая видеointервью, контролирует движение сертификатов о сдаче экзаменов [8].

С 1 сентября 2025 трудовые мигранты, прибывающие в Москву и Московскую область, будут обязаны зарегистрироваться в мобильном приложении «Амина», разработанном для

дополнительного контроля за местонахождением иностранных граждан. Генеральный директор ГБУ «Многофункциональный миграционный центр» Антон Игнатов отмечает, что главной функцией этого приложения станет обязательная передача в МВД России данных о геолокации устройства, на котором оно установлено. Подчеркнем, что в рамках реализации стратегических национальных приоритетов, это позволит органам правопорядка повысить контроль за безопасностью и профилактикой правонарушений со стороны недобросовестных иностранных граждан.

Данная мера направлена на повышение качества контроля за пребыванием на территории России иностранных граждан. Появление новых цифровых платформ направлено не только на обеспечение надзорных функций, но и выступают инструментом статистического мониторинга, помощником в оказании государственных услуг. Благодаря данным технологиям эффективность принятия управленческих решений в сфере миграции достигается в более упрощенном формате.

При этом необходимо осветить и отрицательные стороны создания «цифрового профиля мигранта». Во-первых, существуют этические проблемы, сбор и обработка конфиденциальной персональной информации осуществляется без надлежащего предоставления согласия. Во-вторых, возрастает риск проявления различных форм дискриминации в результате непрозрачного алгоритма принятия решений искусственным интеллектом. А, в-третьих, дифференцированный подход в предоставлении доступа к цифровым сервисам в сфере миграционного контроля может оказать негативное влияние на создание необходимых гуманитарных коридоров для иностранных граждан, осуществляющих трудовую или иную разрешенную на территории России деятельность. Подконтрольные субъекты цифрового профилирования должны ощущать защищенность и сохранность, содержащихся сведений на платформах.

Согласны с Е.В. Виноградовой, которая отмечает важность проведения фундаментальных и научно-прикладных исследований, направленных на преодоление существующих проблемных аспектов цифрового профилирования. На государственном уровне необходимо стратегически определить значение «цифрового профиля», установить направления развития цифрового профилирования,

выявить новые вызовы и риски, где осуществление профилирования обеспечивается в рамках единой системы публичной власти.

Отечественное государство, стремительно внедряя цифровые правовые режимы в качестве эксперимента для трудовых мигрантов, проводит одновременно оценку рисков применения новых технологий. Обращаем внимание на то, что в рамках цифрового профилирования используются технологии искусственного интеллекта (ИИ), которые не всегда учитывают современные демократические ценности при сборе и обработке данных [1].

Сформировалась положительная практика применения ИИ в исследуемой сфере в странах Европейского союза, где основной алгоритмической задачей является прогнозирование перемещения мигрантов, динамики и масштабов их притока. В 2020 г. в Федеративной Республике Германии был внедрен инструмент «Preview», который на основе разнообразных открытых данных формирует прогноз миграционных потоков. Искусственный интеллект используются и при въезде в страну, например, для наблюдения за мигрантами, приближающимися к границе. В страна-членах Европейского союза запущено несколько проектов в исследуемой сфере, так ведущим выступает – «ROBORDER», который является примером развития данных технологий. Он направлен на создание автономной системы пограничного контроля с беспилотными мобильными роботами, включая воздушные, водные, подводные и наземные транспортные средства. Другая система – «Frontex» – также контролирует трансграничные перемещения по всем границам ЕС, используя алгоритмы искусственного интеллекта для отслеживания движений подозрительных судов и прогнозирования возможного конечного пункта назначения.

Очевидно, что использование систем ИИ в управлении миграцией имеет несомненную пользу. Алгоритмы позволяют сократить время сбора данных, необходимых для принятия управленческих решений, например, в вопросах выдачи визовых документов, необходимых для въезда в иностранное государство. Они позволяют эффективнее контролировать национальные границы и риски возможных угроз национальной безопасности. Тем не менее специалисты все чаще подчеркивают необходимость учитывать некоторые особенности применения ИИ, которые могут усугубить уязвимость

мигрантов и беженцев. В частности, выделяют проблемы ущемления прав мигрантов и их возможной дискриминации, которые уже возникли или потенциально вероятны, при использовании ИИ для контроля и поддержки миграционных процессов в европейских странах [5].

В этой связи необходимо адаптировать работу искусственного интеллекта с учетом нормативного запрета использования дискриминационных алгоритмов. Задача разработчиков выработать действенный механизм, направленный на выбор такого комплекса технологических решений, который позволит имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности толерантного человека. Кроме того, наиболее сложным может стать показатель этнического баланса населения, так как ИИ должен аккумулировать сведения с учетом криминогенности поведения иностранных граждан и лиц без гражданства, который устанавливает показатель уровня диаспоризации российского общества.

В этой связи, стоит включить в показатели официальной отчетности данные о числе преступлений, совершенных представителями определенных государств, в целях установления корреляционной связи, которая обеспечивает при помощи информации о количестве мигрантов – граждан определенной страны, находящихся в исследуемом регионе. Ведение подобной статистики существует во множестве стран, важно понимать, что это не попытка сегрегировать общество или обострить этнические противоречия. Национальная безопасность государства складывается из множества факторов и игнорирование фактора этнической преступности является непродуктивным [2].

Цифровизация способствует оптимизации миграционных процедур и повышению их транспарентности, минимизируя негативные риски. Несмотря на это, с одной стороны, мигранты оказываются не готовыми к стремительно развивающимся трансформациям в цифровой сфере государственных услуг, а с другой, технологический прогресс внедрения искусственного интеллекта в сферу миграционного контроля способствует эффективности его осуществления. Таким образом, необходимо обеспечить

дополнительной консультационно-информационной поддержкой иностранцев в части использования цифровых сервисов [5].

Библиографический список к главе 5

1. Виноградова Е.В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации / Е.В. Виноградова, Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев // Правоприменение. – 2021. – Т. 5. №4. – С. 5–19. DOI 10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19. EDN NZFOBQ
2. Горошко О.В. Технологии искусственного интеллекта в сфере миграционной безопасности / О.В. Горошко, С.Г. Антонова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – №11 (227). – С. 232–235. – http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_11_232. EDN FUUZHД
3. Ефремов А.А. Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук / А.А. Ефремов. – М., 2021. – 418 с. EDN ОКQWLN
4. Полякова Т.А. Трансформация науки информационного права и информационного законодательства: новый этап в условиях научно-технологического развития России / Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, Н.В. Кротова // Государство и право. – 2024. – №9. – С. 166–179. DOI 10.31857/S1026945224090155. EDN NKVBKGД
5. Пряжникова О.Н. Искусственный интеллект в сфере миграции: основные направления использования (обзор) / О.Н. Пряжникова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 2024. – №4. – С. 92–101. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.04.05. EDN PONGSY
6. Троицкая О.В. Будущее миграционного управления: «умные границы» и информационные технологии / О.В. Троицкая // Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития Евразийского интеграционного проекта: материалы IX междунар. науч.-практ. форума. – Т. 1. – М.: Экономическое образование, 2017. – С. 262–266. EDN YCUXPY
7. Унифицированная система поиска работы и подбора персонала «Работа без границ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalcio.ru/projects/19472/> (дата обращения: 26.12.2025).
8. Шичкин И.А. Цифровое профилирование как инновационный инструмент регулирования трудовой миграции / И.А. Шичкин, Ф.И. Мирзabalaeва, Е. Е. Миргород // Экономика труда. – 2021. – Т. 8. №12. – С. 1459–1472. – DOI 10.18334/et.8.12.114035. – EDN SNGPAW.

ГЛАВА 6

DOI 10.31483/r-153171

Кармова Бэлла Заурбековна

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

Аннотация: *нестабильность современной макроэкономической среды обуславливает формирование особых подходов к управлению региональной социально-экономической системой, что актуализирует вопросы, связанные с выявлением ее особенностей, условий формирования и развития.*

В исследовании используется методологический подход, основанный на системном анализе к раскрытию сущности региональной социально-экономической системы. Применены методы анализа, синтеза и научной абстракции при определении качественных характеристик и формировании авторских формулировок исследуемых понятий. Сделан вывод, что важнейшим системным качеством региональной социально-экономической системы является устойчивость, которая позволяет адаптироваться к изменениям, закладывая основу не только для дальнейшего своего развития, но и развития макросистемы в целом. Для достижения устойчивого развития РСЭС, в соответствии с трендами развития мировой экономики, необходимо эффективное использование внутренних ресурсов и вовлечение инновационных технологий в воспроизводственный процесс.

Ключевые слова: *регион, социально-экономическая система, региональная социально-экономическая система, устойчивость, устойчивое развитие.*

Abstract: *the instability of the current macroeconomic environment necessitates the development of specific approaches to managing the regional socioeconomic system, which highlights the importance of identifying its characteristics, conditions of formation, and development.*

The study used a methodological approach based on system analysis to reveal the essence of the regional socio-economic system. Methods of analysis, synthesis, and scientific abstraction were applied to determine the qualitative characteristics and formulate the author's definitions of

the concepts under study. It was concluded that the most important systemic quality of the regional socio-economic system is its resilience, which allows it to adapt to changes and lay the foundation for its further development and the development of the macro-system as a whole. In order to achieve sustainable development of the Russian Federation, it is necessary to effectively use internal resources and involve innovative technologies in the reproduction process, in accordance with the trends of global economic development.

Keywords: *region, socio-economic system, regional socio-economic system, sustainability, sustainable development.*

Современные трансформационные процессы, происходящие на экономическом пространстве России, сопровождаются усилением дифференциации социально-экономического развития регионов, замедляя темп роста национальной экономики. В таких условиях возникает необходимость нахождения путей достижения устойчивого развития региональных социально-экономических систем (РСЭС), что в свою очередь требует точного понимания их сущности и особенностей развития.

Целью исследования является выявление особенностей формирования и развития РСЭС в условиях трансформационных процессов.

Пониманию сущности РСЭС способствует рассмотрение составляющих элементов исследуемого понятия, таких как «регион» и «социально-экономическая система». Термин «регион» (от лат. regio – страна, область) означает часть территории, для которой имманентными признаками выступают ее географическое местоположение и состав (границы) [5]. В научной литературе существует множество подходов к определению понятия «регион», позволяющих выявить его качественные характеристики. И обобщая авторские формулировки данного понятия считаем, что под регионом следует понимать территориальное образование с развитой инфраструктурой и структурой управления, где наличие уникальных характеристик (географических, ресурсных, культурных, исторических и др.), определяет внутренние воспроизводственные процессы, направленные на достижение необходимого территории социально-экономического эффекта.

Полному раскрытию особенностей региона способствует использование системного подхода, позволяющего рассмотреть не только его состав, структуру, но и разные аспекты деятельности (социальные, экономические, управленческие, территориально-географические, экологические, культурные и т. д.), межрегиональные связи, потенциальные возможности и взаимосвязи. Так, по мнению Крылова В.Е. региональной системой является любое территориальное образование, и оно рассматривается как совокупность экономических элементов, включающих организации, ресурсы, технологии, инфраструктуру и др., ограниченных законодательными институтами и территорией в рамках административного и регионального разделения, взаимодействующего между собой ради собственного развития и развития системы в целом [12, с. 14].

В определениях Гароян А.О. [6], Гранберга А.Г. [7], Лапаевой М.Г., Лапаева С.П. [13], регион представлен как сложная, целостная, открытая система, со своей структурой, функциями, состоящая из множества взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, направленных на достижение социально-экономических целей. Соответственно с позиции системного подхода регион можно охарактеризовать как сложную, изменяющуюся под влиянием внешней и внутренней среды систему, обладающую определенным набором факторов производства и исторически сложившихся национальных, культурных и иных характеристик, использование которых направлено на развитие системы и достижение поставленной цели.

Далее, рассмотрим социально-экономическую систему (СЭС), которая в научной литературе представлена как особый вид сложной системы. Термин «система» (в пер. с греч. – «целое, составленное из частей») означает множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определённую целостность, единство» [5].

В СЭС единство экономических и социальных элементов вызвано необходимостью реализации экономических основ через удовлетворение материальных и духовных потребностей общества. Экономический элемент, как основа развития общества, представлен множеством экономических процессов и связей по поводу производства, распределения и обмена благ. А социальный элемент

выделяется через потребление благ и представлен совокупностью мероприятий, направленных на социальное развитие общества. Эти элементы определяют цели системы, а их взаимодействие направлено на развитие и адаптацию СЭС к изменениям внешней и внутренней среды ради достижения поставленной цели (рис. 1).

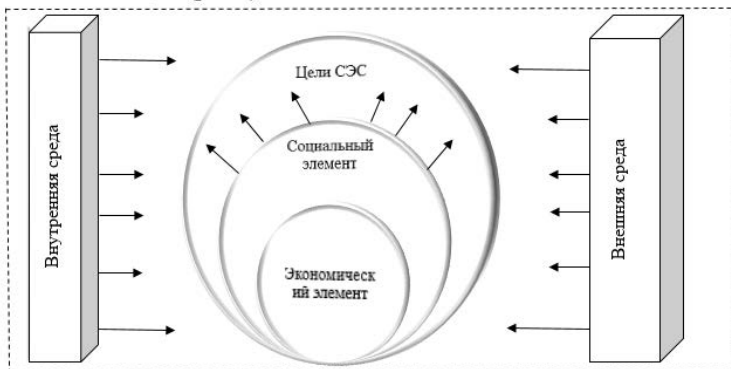

Рис. 1. Взаимодействие элементов социально-экономической системы

Источник: разработано автором

Отражение связи экономических и социальных элементов наблюдается в определении СЭС, данном Чувилкиным Н.А., который определяет элементы системы формирующие определенные отношения в результате своего взаимодействия, а также отражающие цели системы [28, с. 203].

Также представляет интерес подход, предложенный Черкасской Г.В., которая предлагает понимать СЭС как обособленную территорию, в которой объединение ресурсов и их взаимоотношений, направленно на удовлетворение человеческих потребностей и интересов, достигаемых в результате производства, распределения, перераспределения, обмена и потребления необходимых благ [26, с. 29]. Эти определения позволяют интерпретировать СЭС как открытую, динамичную систему, где взаимодействие экономического и социального элементов запускает процесс производства, распределения обмена и потребления общественного продукта на определенной территории, обеспечивая тем самым повышение

качества жизни населения и формирование экономического роста национальной экономики.

Рассмотрение региона как СЭС позволяет выявить взаимосвязи между элементами и их компонентами, что дает возможность понять и устранить глубинные причины социально-экономических проблем, а также найти наиболее эффективные пути устойчивого развития региона. В научной литературе РСЭС рассматривается: как часть мировой экономики, представляя собой территории, представленные отдельными государствами; как административно-территориальная единица в составе отдельного государства и часть национальной экономики. Именно в плане административно-территориальной единицы РСЭС и представляет интерес, поскольку закономерности её развития служат основой для выработки методов и направлений государственного управления территориальными народнохозяйственными комплексами. Поэтому для полного понимания сущности РСЭС, считаем необходимым рассмотреть эволюцию данного понятия на разных этапах развития национальной экономики (рис. 2):

I этап (1928–1990 гг.). В период существования плановой экономики, характеризующейся стабильностью социально-экономического развития, изучение региона как СЭС основывается на классических принципах политэкономии, делая акцент на совокупности различных типов производительных сил и соответствующих им производственных отношений [9, с. 24]. При этом, целью РСЭС, как части народного хозяйства страны, является комплексное развитие территории, повышение народного благосостояния и социального развития. Поэтому РСЭС в этот период характеризуется как нерыночная система хозяйствования с централизованным вертикальным управлением и перспективным планированием, направленным на координацию работы секторов экономики, гарантирующим удовлетворение растущих потребностей населения и комплексное развитие территории [10, с. 133].

Рис. 2. Эволюция понятия «РЭСЭ»

Источник: разработано автором

II этап (1991–1999 гг.). Период перехода к рыночной экономике характеризуется кризисным состоянием национальной экономики, повлиявшим на резкую дифференциацию социально-экономического развития регионов. В условиях проведения в стране «шоковой терапии», регионы, имея больше самостоятельности, были нацелены на создание конкурентоспособной рыночной среды. Поэтому в этот период РЭСЭ рассматривается как совокупность географической среды, населения и иных собственных ресурсов, использование которых направлено на достижение и сохранение стабильности в сфере производства, занятости, а также обеспечение собственного развития [28].

III этап (2000–2007 гг.). Период инновационной трансформации национальной экономики характеризуется неоднородным восстановительным ростом, а ее главной целью становится интеграция в мировую экономику и международные рынки. Однако высокая конкуренция на мировом рынке требует повышения конкурентоспособности регионов за счет развития инновационного потенциала и внедрения новых технологий, обеспечивающих его развитие. На данном этапе развития экономики РЭСЭ – открытая и динамичная система, где взаимодействие обновляющихся элементов системы

направлено на повышение конкурентоспособности региона, обеспечивающей ее развитие и достижение социально-экономической цели.

IV этап (2008 – по настоящее время). На пути к формированию устойчивого развития экономики важными становятся экологические и социальные аспекты, направленные на сбалансированное развитие. Также этот период характеризуется ростом ограничений со стороны недружественных России стран [4, с. 326]. В этих условиях целью РСЭС становится не только адаптация к изменяющимся условиям, но и поиск путей обеспечения ее устойчивости. Поэтому РСЭС рассматривается как уникальная система, где взаимодействие ее элементов направленно на эффективное использование собственных ресурсов и повышение устойчивости системы к угрозам, что способствует обеспечению устойчивого социально-экономического развития в соответствии с трендами развития мировой экономики.

Из выше рассмотренного следует, что на каждом этапе развития национальной экономики изменяются пространственные рамки РСЭС и корректируются пути достижения цели в зависимости от заданного вектора социально-экономического развития. При этом РСЭС представляется как:

- слаженно взаимодействующий организм со сложной структурой, где протекают социально-экономические процессы;
- открытая система, взаимодействующая с внешней средой и состоящая в сложной иерархической взаимосвязи как подсистема национальной экономики;
- саморазвивающаяся система отношений и экономико-социальных институтов региона, состоящая из взаимодействующих подсистем, имеющих специфические формы обеспечения [19, с. 46];
- подсистема национальной экономики, где институционализация интеграционных процессов способствует взаимодействию между регионами и обеспечению не только регионального развития, но и развития всей национальной экономики [14, с. 15].

Таким образом, РСЭС, как подсистемы национальной экономики, функционируют на основе неоднородных вертикальных (взаимодействие центра и регионов) и горизонтальных (взаимодействие между регионами) взаимодействий, обеспечивающих как

собственное развитие, так и развитие всей национальной экономики. Такое взаимодействие усложняет системные связи внутри РСЭС.

В процессе взаимодействия с факторами экзогенной и эндогенной среды наиболее ярко проявляющимися свойствами РСЭС исследователи выделяют:

- целостность – существование устойчивых производственных связей внутри региона, пропорциональное сочетание отраслей народного хозяйства, а также рациональное использование природно-ресурсного потенциала региона [3, с. 17];

- структурированность – устойчивая во времени и пространстве упорядоченность элементов, компонентов, подсистем со связями между ними;

- иерархичность – рассмотрение как компоненты системы более высокого уровня;

- комплексность – сбалансированное и согласованное развитие производительных сил в регионе, отсутствие значительных региональных хозяйственных диспропорций и осуществление расширенного воспроизводства на основе имеющихся в регионе ресурсов [2, с. 236];

- пространственная ориентация – эффективное использование географического положения, ресурсов, инфраструктуры и межрегиональных связей для достижения целей социально-экономического развития [10, с. 138];

- эмерджентность – по мере развития РСЭС приобретение качеств, которыми не обладают некоторые компоненты, но они возникают в процессе взаимодействия ее элементов [12, с. 15];

- историчность – позволяет учитывать исторический опыт региона, его культурное наследие и другие особенности, позволяющие выработать уникальную идентичность, повышающую ее конкурентоспособность и дающую возможность адаптироваться к изменяющимся условиям;

- внешняя взаимосвязанность как качество учитывает, что регион может оказаться не самодостаточной территорией, где воспроизводственный процесс в полной степени не покрывает потребности населения. Поэтому взаимосвязь с другими регионами является важным условием его функционирования;

– устойчивость – обеспечивает прочность изначально заложенных связей между элементами и их сбалансированное развитие.

Многие исследователи рассматривают устойчивость как главное качество РСЭС и предлагают ее трактовать с позиции всех ее свойств, так как устойчивость сложной системы должна обеспечивать сохранение ее целостности, упорядоченности ее компонентов и элементов, иерархичности, эмерджентности и других свойств, обеспечивающих жизнеспособность и дальнейшее развитие системы [21, с. 2613].

Таким образом, с учетом рассмотренных методических подходов и взглядов разных исследователей на содержательную сущность понятий «регион» и «социально-экономическая система», а также новых тенденций и изменений парадигмы развития национальной экономики, РСЭС следует охарактеризовать как сложную динамичную систему, являющуюся подсистемой системы более высокого уровня, функционирование которой обеспечивается комплексом взаимодействующих подсистем и их элементов, адаптирующихся к изменениям внешней и внутренней среды ради своего комплексного территориального развития, а также достижения целей, в соответствии с вектором социально-экономической эволюции.

Особое значение в условиях парадигмы общественного развития приобретает именно устойчивость, которая является важнейшим критерием сохранения целостности и дальнейшего развития РСЭС. В настоящее время общепринятого наукой определения понятия «устойчивость РСЭС» не выявлено. Для более конкретизированного понимания устойчивости РСЭС рассмотрим подходы к его определению (табл. 1).

Таблица 1

Подходы к определению устойчивости РСЭС

Представители подхода	Определение понятия	Сущность подхода
О.А. Миронова, Р.А. Цой [16]	Применительно к социально-экономической системе региона устойчивость может быть рассмотрена как способность сохранять заданные параметры (в данном случае – темпы экономического роста и определяемые ими показатели, характеризующие уровень социально-экономического развития) на протяжении определенного времени в условиях вызовов эндогенного и экзогенного характера	Устойчивость РСЭС как способность сохранять ключевые параметры, как способность оставаться неизменной
Foster K.A [1]	Устойчивость заключается в обеспечении возможности противостоять внешним потрясениям и возвращаться в прежнее состояние.	
Кормановская И.Р. [11]	Устойчивость РСЭС обусловлена в большей степени устойчивостью структурных связей, а не элементов и определяется эффективностью использования факторов, характеризующих положительную траекторию развития, а также способностью ее возвращаться в равновесное состояние при возникновении угроз	Устойчивость РСЭС как способность сохранения равновесного состояния
Масленникова Е., Синягина М. [15]	Устойчивость региональной экономической системы можно охарактеризовать как стабильное функционирование ключевых структурных секторов региона, даже в условиях нестабильной экономической среды	

Представители подхода	Определение понятия	Сущность подхода
Скибин С.А. [22]	Устойчивость РСЭС – динамическое состояние, позволяющее региону адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям внешней среды, поддерживая свою способность к удовлетворению потребностей жителей региона и обеспечению их благополучия в целом	Устойчивость РСЭС как способность стабильно развиваться
Чепурных Н.В., Новоселов А.Л., Дунаевский Л.В. [24]	Устойчивость – способность динамической системы сохранять движение по намеченной траектории (функционировать в намеченном режиме) несмотря на воздействующие, на нее возмущения	

Источник: составлено автором по материалам исследования.

Исходя из рассмотренных выше определений устойчивости РСЭС можно выделить следующие подходы к ее изучению:

1. С позиции сохранения ключевых параметров и обеспечения самосохранения РСЭС рассматривают Foster К.А. [1]; Миронова О.А., Цой Р.А. [16].

2. С позиции сохранения равновесия, которая подразумевает стабильность в функционировании ключевых подсистем РСЭС рассматривают Кормановская И.Р. [11], Масленникова Е., Синягина М. [15].

3. С позиции динамического развития рассматривают устойчивость РСЭС исследователи: Скибин С.А. [22] Чепурных Н.В., Новоселов А.Л., Дунаевский Л.В. [24].

Исходя из рассмотренных подходов к определению устойчивости РСЭС считаем, что данное понятие включает в себя: структурную устойчивость, которая предусматривает сохранение жизненно важных взаимосвязей системы, обеспечивающих достижение цели; устойчивое равновесие, под которой понимается сохранение

стабильности системы; устойчивое развитие, под которым понимается функционирование с сохранением достигнутых результатов, а также его наращивание. А под устойчивостью РСЭС следует понимать способность сохранения ее ключевых параметров при адаптации к изменяющимся условиям, ради обеспечения сбалансированного развития основных подсистем и эффективного взаимодействия их компонентов, направленных на стабильное функционирование системы, переходящее в устойчивое развитие. Именно устойчивость РСЭС служит основой ее устойчивого развития.

Понимание устойчивого развития на мега-, макро-, и мезо- уровнях основывается на концепции устойчивого развития, которая эволюционировала как научная категория и стала ключевой парадигмой глобального развития. Она представлена в виде модели, где балансируют экономико-социально-экологические аспекты развития общества. Основные этапы ее формирования и развития показывают, что нахождение пути достижения экономического благосостояния, социальной стабильности и экологической устойчивости в человеческом обществе – это сложный и длительный процесс, эволюционирующий под влиянием возникающих новых угроз и вызовов современности. На их преодоление направлены цели устойчивого развития (ЦУР), реализация которых требует от стран принятия мер по адаптации национальных и региональных стратегий к этим изменениям.

Необходимо отметить отставание интеграции регионального уровня от национального. Так, формирование понятия «устойчивое развитие региона» наблюдается лишь в 2004 г., что соответствует 4 этапу развития концепции устойчивого развития. С нашей точки зрения, такая ситуация вызвана недооценкой роли регионов в достижении устойчивого развития национальной экономики. Однако ЦУР, сформированные ООН в 2015, отличаются от целей развития тысячелетия (ЦРТ) большей универсальностью, что способствует увязке макро, мезо и микроуровней в достижении глобальных целей национальными экономиками. Поэтому сейчас больше внимания уделяется регионам, которые выступают зоной соприкосновения между международными обязательствами и повседневной жизнью людей, что требует уточнения содержания «устойчивое развитие» относительно РСЭС.

Понятие «устойчивое развитие РСЭС» рассматривается учеными с разных позиций. Так, при определении устойчивого развития РСЭС Шеховцева Л.С. [27], Тимофеев Р.А., Ячменев Е.Ф., Тимаев Р.А. [23] основной упор делают на комплексное развитие системы, в которой ключевыми являются экономическая, социальная и экологическая подсистемы.

Зарубин В.И., Овсянникова Т.А. [8], Щукина Л.В. [29] рассматривают устойчивое развитие РСЭС как прогрессивное развитие, обеспечение которого связано с сбалансированным воспроизводством экономического, социального и природно-ресурсного потенциала территории.

Орел А.А. [18], Тюкавкин Н.М., Миронова Е.А. характеризуют устойчивое развитие РСЭС как долгосрочное, динамичное развитие, которое предполагает гармоничное развитие экономической, социальной и экологической подсистем, в основе которого лежит воспроизводство, опирающееся на инновационных принципах [9, с. 24].

Таким образом, основными качествами, характеризующими устойчивое развитие РСЭС являются: способность к прогрессивному развитию; выделение ключевых подсистем, являющихся целеносистемами, их устойчивость; сбалансированность социальной, экономической и экологической целей; рациональное использование ресурсного потенциала региона; использование инновационных процессов и технологий для поддержания долгосрочного развития. решение задач, связанных с достижением экономико-социально-экологического эффекта для региона в настоящее время и в перспективе.

Исходя из выше рассмотренных утверждений, под устойчивым развитием РСЭС следует понимать прогрессивное социально-экономическое развитие территории, позволяющее удовлетворять сегодняшние потребности общества с сохранением природной среды и иных ограниченных ресурсов для будущих поколений, которое достигается за счет устойчивости ее ключевых подсистем и их эффективного взаимодействия с вспомогательными подсистемами и их элементами, обеспечивающими сбалансированность экономических, социальных и экологических целей (направленными на достижение сбалансированности целей).

Эффективное взаимодействие ключевых подсистем-целеносителей (экономической, социальной, экологической), их устойчивость под влиянием эндогенной и экзогенной среды становятся основой устойчивого развития РСЭС. При этом, экономическую основу составляют структура экономики, уровень развития промышленности и сельского хозяйства. Социальную основу составляют демографическая структура, развитие систем образования и здравоохранения, уровень образования населения, доступность образовательных ресурсов и социальных услуг. А экологическую основу составляют наличие уникальных природных условий и ресурсов, их рациональное и бережное использование. Гармоничное развитие ключевых подсистем РСЭС и достижение сбалансированности их экономико-социо-экологических целей, на что направлены институциональная, инфраструктурная, информационно-инновационная подсистемы, а также подсистема безопасности (рис. 3).

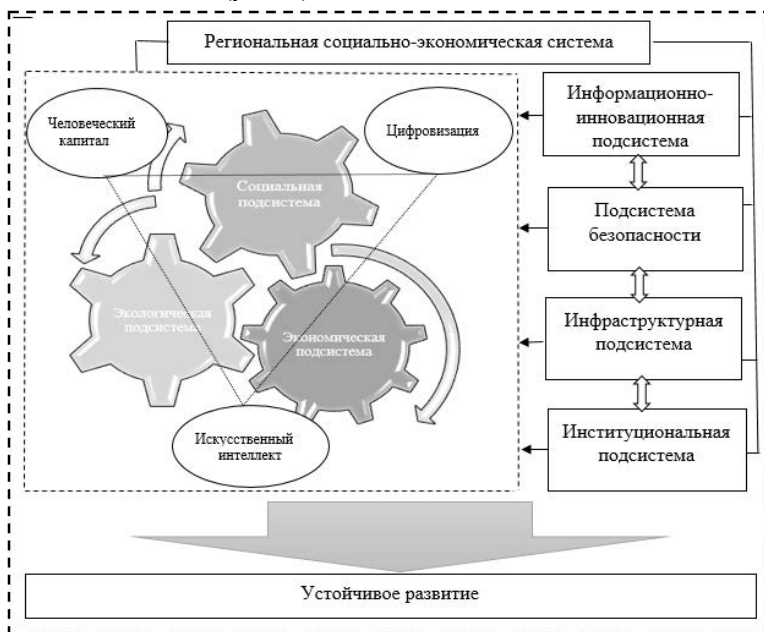

Рис. 3. Взаимодействие подсистем РСЭС
в целях достижения устойчивого развития

Источник: разработано автором

Переход к устойчивому развитию предполагает долгосрочное прогрессивное развитие, достижение которого связано с эффективным использованием внутренних ресурсов, вовлечением инновационных технологий в воспроизводственный процесс, а также кооперацией с другими с другими РСЭС. Поэтому к современным тенденциям устойчивого развития РСЭС, направленными на создание сбалансированной инновационной, экологически ответственной и социально стабильной системы, являются:

1) экологизация экономики, которая включает в себя переход к «зеленой» экономике (предусматривает развитие возобновляемых источников энергии, использование эффективных и экологически безопасных технологий и материалов, а также экологически чистой инфраструктуры), циркулярную экономику (включает переработку отходов и их повторное использование), экологическое строительство (использование экологически чистых материалов и улучшение экологической ситуации в крупных городах);

2) инновационное развитие, включающее цифровую трансформацию (внедрение цифровых технологий во все сферы экономики, развитие «умных» городов и регионов), инновационное развитие (поддержка инновационных компаний, кластеров и инновационных сетей), автоматизация производства (внедрение искусственного интеллекта для оптимизации процессов, подготовка кадров для работы с новыми технологиями); применение искусственного интеллекта в целях оптимизации процессов, минимизации негативного воздействия на окружающую среду, улучшения социальных аспектов и экономической устойчивости.

3) социальное равенство и улучшение качества жизни связано с развитием социальной инфраструктуры (доступность качественного образования и здравоохранения, создание условий для развития физкультуры и спорта, расширение зон отдыха), сокращение социального неравенства (поддержка уязвимых слоев населения, предоставление равного доступа к общественным ресурсам), развитие человеческого капитала (развитие образования и науки, подготовка высококвалифицированных кадров в соответствии с растущими требованиями рынка труда, стимулирование творческой активности);

4) региональное сотрудничество и интеграция предусматривающее межрегиональное сотрудничество (реализация совместных программ и проектов), интеграция в глобальные цепочки (привлечение инвестиций и использование технологий, развитие экспортного потенциала);

5) адаптация к изменению климата включает снижение выбросов парниковых газов (использование возобновляемых источников энергии, сокращение выбросов загрязняющих веществ), разработка стратегий адаптации (развитие устойчивой инфраструктуры, подготовка к климатическим изменениям);

6) устойчивое управление ресурсами учитывает рациональное использование природных ресурсов (сохранение и восстановление экосистем, снижение потребления не возобновляемых ресурсов), управление отходами (сокращение образования отходов, их переработка и утилизация).

Таким образом, на каждом этапе развития национальной экономики изменяются пространственные рамки РСЭС и корректируются пути достижения цели в зависимости от заданного вектора социально-экономической эволюции.

РСЭС, как подсистемы национальной экономики, образуют сеть взаимосвязанных систем, устойчивость которых позволяет адаптироваться к эндогенным и экзогенным воздействиям, закладывая основу не только для дальнейшего своего развития, но и развития макросистемы в целом. А для достижения устойчивого развития РСЭС необходимо эффективное использование внутренних ресурсов и вовлечение инновационных технологий в воспроизводственный процесс.

Библиографический список к главе 6

1. Foster K.A. A Case Study Approach to Understanding Regional Resilience. Working Paper 2007–08. Berkeley: Institute of Urban and Regional Development, University of California, 2006. P. 17.
2. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь / Э.Б. Алаев. – М.: Мысль, 1983. – 350 с. EDN VWYEWB
3. Арженовский И.В. Региональный рынок: воспроизводственный аспект / И.В. Арженовский. – Н. Новгород, 1997. – С. 16. EDN VYPGMB
4. Асланова Л.О. Динамика основных макроэкономических индикаторов России в контексте экономических санкций / Л. О. Асланова, Б.З. Батова, М.В. Аликаева // Фундаментальные исследования. – 2016. – №3–2. – С. 325–329. – EDN VRHJTL.

5. Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/sistema-4284c7/?v=9351238>; <https://bigenc.ru/s?q=регион> (дата обращения: 26.12.2025).

6. Гароян А.О. Характеристика региона как социально-экономической системы / А.О. Гароян // Социально-экономические процессы современного общества: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / гл. ред. Э.В. Фомин. – Чебоксары: Среда, 2023. – С. 34–44. DOI 10.31483/r-106814. EDN DNNHSY

7. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики / А.Г. Гранберг. – М., 2000. – 492 с.

8. Зарубин В.И. Устойчивое развитие региональной экономической системы: теоретические аспекты / В.И. Зарубин, Т.А. Овсянникова // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2019. – №2 (36). – С. 210 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivoe-razvitiye-regionalnoy-ekonomicheskoy-sistemy-teoreticheskie-aspekty> (дата обращения: 26.12.2025). EDN LFKGGR

9. Тюкавкин Н.М. Инновационное развитие региональных экономических систем: учебное пособие / Н.М. Тюкавкин, Е.А. Миронова. – Самара: Изд-во Самарского университета, 2024. – 128 с. EDN TUKCFJ

10. Казаченко Л.Д. Регион как социально-экономическая система / Л.Д. Казаченко // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2014. – №1 (104). – С. 135–142. – EDN RUVQKZ.

11. Кормановская И.Р. Устойчивость развития региональных социально-экономических систем в условиях турбулентности / И.Р. Кормановская // Проблемы современной экономики. – 2015. – №4 (56). – С. 189–192. EDN VMNPZN

12. Крылов В.Е. Регион – открытая социально-экономическая система / В.Е. Крылов // Международный экспедитор. – 2020. – №4. – С. 14–16. EDN XOYBIW

13. Лапаева М.Г. Регион как пространственная социально-экономическая система государства / М.Г. Лапаева, С.П. Лапаев // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – №8 (144). – С. 133–143. EDN PEYHSL

14. Макаров В. Экономическое развитие России и проблемы микроэкономики знаний / В. Макаров, Г. Клейнер // Проблемы теории и практики управления. – 2008. – №2. – С. 8–22. – EDN IJOQCZ.

15. Масленникова Е. Инвестиционная политика в промышленности продовольственных товаров / Е. Масленникова, М. Сиягина // Финансы. – 2000. – №8. – С. 77.

16. Миронова О.А. К вопросу о методике анализа устойчивости развития региона / О.А. Миронова, Р.А. Цой // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2022. – №1 (77). – С. 39–45. – DOI 10.54220/v.rsue.1991-0533.2022.43.38.005. – EDN RAZCRL.

17. Овчинникова О.П. Развитие региональных социально-экономических систем и финансовое обеспечение регионов в современных условиях / О.П. Овчинникова, Е.В. Никулина // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. – 2015. – №2. – С. 33. EDN TXGOWP

18. Орел А.А. Обеспечение устойчивости региональной экономической системы на основе поддержки малого и среднего предпринимательства: дис. канд. экон. наук / А.А. Орел. – СПб., 2023. – С. 36. EDN OTMDSX

19. Паздникова Н.П. Исследование социально-экономических систем региона в условиях трансформационных процессов развития / Н.П. Паздникова // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2016. – №2. – С. 165–171.

20. Садовский В.Н. Система / В.Н. Садовский // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/sistema-4284c7/?v=9351238> (дата обращения: 26.12.2025).

21. Сижажева С.С. Факторы региональной устойчивости и сбалансированности / С.С. Сижажева, Э.Г. Шурдумова, А.Б. Нагоев // Фундаментальные исследования. – 2014. – №12–12. – С. 2612–2615. EDN TJIFF

22. Скибин С.А. Экономическая устойчивость региональных социально-экономических систем как базовое условие обеспечения их устойчивого развития / С.А. Скибин // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. – Т. 14. №1А. – С. 279–286. DOI 10.34670/AR.2024.78.94.057. EDN NDXHWU

23. Тимофеев Р.А. Составляющие устойчивого развития региональной социально-экономической системы / Р.А. Тимофеев, Е.Ф. Ячменев, Р.А. Тимаев // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. – 2020. – №2. – С. 236. DOI 10.37279/2312-5330-2020-2-232-237. EDN POMJXC

24. Чепурных Н.В. Экономика природопользования (эффективность, ущербы, риски) / Н.В. Чепурных, А.Л. Новоселов, Л.В. Дунаевский. – М.: Наука, 1998. – С. 11.

25. Черкасская Г.В. Социально-экономические системы: сущность и проблемы исследований / Г.В. Черкасская // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2009. – №3 (Экономика) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskie-sistemy-suschnost-i-problemy-issledovaniy> (дата обращения: 26.12.2025). EDN NQTSZX

26. Чувилкин Н.А. Вопросы обеспечения экономической безопасности социально-экономических систем в разрезе финансово-кредитных отношений / Н.А. Чувилкин // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12. №1. – С. 199–210. – DOI 10.18334/epp.12.1.114139.e. EDN OOMLEB

27. Шеховцева Л.С. Системное развитие и устойчивость региона как основа модернизации экономики / Л.С. Шеховцева // Креативная экономика. – 2020. – Т. 14. №10. – С. 2309–2330. DOI 10.18334/ce.14.10.110909. EDN DALOVW

28. Шемелинин С.А. Региональная социально-экономическая система: понятие, классификация, структура и основные элементы / С.А. Шемелинин, О.В. Кругликова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/7_NND_2009/Economics/42513.doc.htm (дата обращения: 26.12.2025).

29. Щукина Л.В. Теоретические аспекты устойчивого развития региональных социально-экономических систем / Л.В. Щукина // Псковский регионалогический журнал. – 2015. – №21. – С. 38–50. – EDN TOBXED.

ГЛАВА 7

DOI 10.31483/r-153175

Михайлова Татьяна Сергеевна

ОРГАНИЗАЦИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ПОВЫШЕНИЮ КАЧЕСТВА И УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: глава посвящена ключевым аспектам формирования и выполнения государственной политики в сфере социального и экономического развития региона. Автором рассматриваются основные механизмы и инструменты, используемые для повышения качества жизни населения, включая социальные программы, инвестиционные проекты и инициативы по развитию инфраструктуры.

На основе статических данных, стратегических документов, национальных проектов и государственных программ проведен анализ уровня и качества жизни населения Мурманской области как субъекта Арктической зоны Российской Федерации. Факторный анализ позволил выявить проблемы, негативно влияющие на качество и уровень жизни населения региона, и наметить пути их решения.

Ключевые слова: Мурманская область, социально-экономическое развитие, уровень жизни, качество жизни, численность населения, национальные проекты, государственная политика.

Abstract: the chapter is devoted to the key aspects of the formation and implementation of state policy in the field of social and economic development of the region. The author examines the main mechanisms and tools used to improve the quality of life of the population, including social programs, investment projects and infrastructure development initiatives.

Based on statistical data, strategic documents, national projects, and state programs, the article analyzes the standard of living and quality of life of the population of the Murmansk Region as a constituent entity of

the Arctic zone of the Russian Federation. Factor analysis allowed identifying the problems that negatively affect the quality and standard of living of the region's population and suggesting ways to address them.

Keywords: *Murmansk Region, socio-economic development, standard of living, quality of life, population size, national projects, state policy.*

Одной из приоритетных задач развития Мурманской области, расположенной в Арктической зоне Российской Федерации, является реализация государственной политики, направленной на выработку комплексных мер по повышению качества и уровня жизни населения региона.

Государственная политика по повышению качества и уровня жизни населения Мурманской области реализуется на основании следующих документов:

- Стратегия развития Арктической зоны РФ до 2030 года [14];
- Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года; [15]
- Стратегический план развития Мурманской области до 2030 года «На Севере – жить!» [13]

Стратегической целью Мурманской области выступает обеспечение высокого качества жизни населения региона. Основными инструментами, с помощью которых осуществляется обеспечивается достижение высокого качества и уровня жизни населения в регионе являются государственные программы, федеральные и региональные проекты, входящие в состав национальных проектов.

К концу 2024 года в Мурманской области было реализовано 13 национальных проектов. На финансирование национальных проектов выделено 72 млрд. рублей, в т.ч. из ФБ – 36,5 млрд руб. [3]. Мурманская область занимает 2-е место в России по уровню достижения национальных проектов.

Реализация национальных проектов в Мурманской области, направленных на повышение качества и уровня жизни населения, за 2018–2024 года характеризуется следующими показателями:

- темп снижения численности населения в 2024 году замедлился в 2,1 раза по сравнению с 2019 годом;

- миграционной убыли населения в 2024 г. по сравнению с 2019 г.;
- рост многодетных семей на 42% с 2019 года (11058 семей на май 2025 года);
- создано более 9500 рабочих мест;
- уровень бедности населения снижен в 1,5 раза;
- уровень общей безработицы снизился в 2,2 раза;
- среднемесячная номинальная заработная плата составляет более 114 тыс. руб., что почти на 30% выше среднероссийского уровня;

Согласно рейтингу качества жизни населения Агентства стратегических инициатив, составленном по итогам 2024 года, Мурманская область заняла 20-е место среди регионов России [12].

Достижение таких результатов было обусловлено применением комплекса инструментов, разработанных по следующим направлениям в рамках губернаторского плана «На севере – жить!» [13].

В рамках национальных проектов разработано 35 региональных проектов, направленных на повышение качества и уровня жизни населения [9]. На их основе разработано 15 государственных программ Мурманской области, утвержденных распоряжением Правительства Мурманской области от 01.02.2013 №30-ПП (в редакции от 25.06.2024 №202-ПП) [11].

Организация реализации государственных программ Мурманской области, направленных на повышение качества и уровня жизни населения, осуществляется в соответствии с федеральными и региональными стратегиями развития. В целях повышения эффективности разработки, формирования и реализации государственных программ Мурманской области в регионе принято постановление Правительства Мурманской области «О системе управления государственными программами Мурманской области» [35].

На основании постановления Правительства Мурманской области «О Порядке разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Мурманской области» от 22 мая 2018 года №232-ПП/5 осуществляется мониторинг и дается оценка эффективности государственных программ региона.

По данным министерства развития Арктики и экономики Мурманской области государственные программы, направленные на

повышение качества и уровня населения, характеризуются высокой и средней степенью эффективности (интегральный показатель эффективности – 94,3%).

Инструменты реализации государственных программ по повышению качества и уровня жизни населения могут быть сгруппированы по следующим направлениям.

1. Семья и повышение рождаемости. Динамика изменения численности населения Мурманской области представлена на рисунке 1.

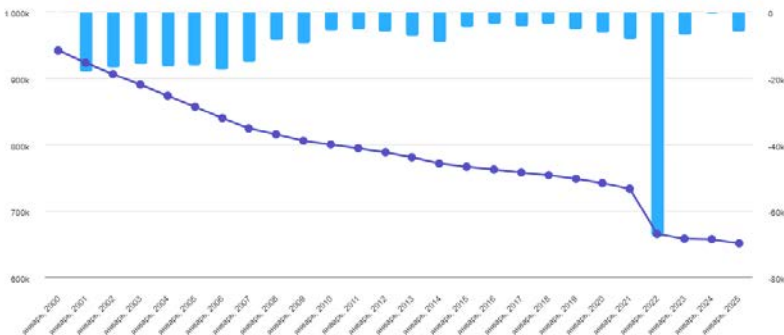

Рис. 1. Динамика изменения численности населения Мурманской области

Анализ данных, представленных на рисунке 1, позволяет сделать вывод о значительном сокращении постоянного населения региона. Основные причины связаны с отрицательным коэффициентом естественного прироста населения (9,5 родившихся и 14,0 умерших на 1000 человек) и воздействием экономических и климатических факторов, определяющих условия проживания. Ускорение отрицательной динамики населения Мурманской области в 2021 году вызвана тяжелым протеканием эпидемии COVID-19 на территории региона. Таким образом, динамика населения показывает противоречивую динамику.

Одной из основных проблем Мурманской области является снижение рождаемости. С 2021 по 2024 годы было выдано более 23000 подарочных наборов новорожденным. Тем не менее, коэффициент рождаемости в Мурманской области превышает среднероссийский показатель (1,45 и 1,41 соответственно). Это

объясняется тем, что в Мурманской области действует более 18 мер поддержки, охватывающих более 70 тысяч семей, разработанных в соответствии с региональной программой по повышению рождаемости в 2023–2025 гг. [5] С момента внедрения региональной мерой поддержки «Зарплата мамы» воспользовались более 12 тыс. женщин. В 2025 году были введены новые меры поддержки: «Родовая сумка», «Зарплата мамы 2.0» (с учетом нуждаемости), «Сертификат молодоженов». Кроме того, в регионе активно работают Единый центр планирования семьи, круглосуточные детские сады и ясли, детский сад для студенческих семей.

Большое внимание уделяется поддержке участников СВО и их семей. Для данной категории действует 34 вида поддержки. В регионе активно действует региональный центр поддержки семей мобилизованных и участников СВО и филиал государственного фонда «Защитники Отечества».

2. Арктическая медицина. Экономико-географическое положение и специфика занятости оказывают сильное воздействие на здоровье населения Мурманской области. Смертность населения Мурманской области представлена на рисунке 2.

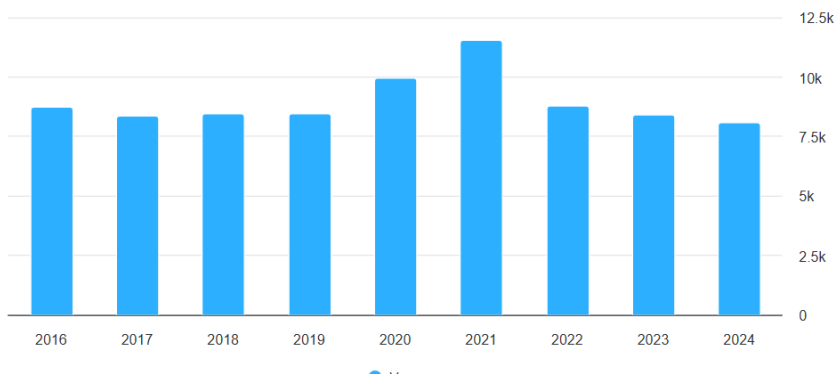

Рис. 2. Смертность населения Мурманской области по годам

По данным Управления Роспотребнадзора по Мурманской области в регионе с 2021 года наблюдается снижение уровня смертности. Если исключить влияние коронавирусной инфекции, то можно сделать вывод что уровень смертности практически не изменился (снижение числа умерших коррелирует со снижением численности населения Мурманской области) [7].

Сравнительные данные уровней смертности (стандартизованные, т.е. исключающие возрастно-половые различия на территориях) за 2023 год (2024 год – нет данных) в Мурманской области, Северо-Западном федеральном округе и Российской Федерации по основным классам причин смерти приведены в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительные данные уровней смертности за 2023 год в Мурманской области, Северо-Западном федеральном округе и Российской Федерации по основным классам причин смерти

на 100 тыс. населения	Всего	Болезни органов кровообращения	Болезни органов дыхания	Новообразования	Болезни органов пищеварения	Некоторые инфекционные и паразитарные болезни
Мурманская область	1274,7	637,7	39,1	216,6	87	13,1
СЗФО	1233,4	607,8	51,3	223,9	72,9	12,2
Российская Федерация	1206,2	556,7	53	197,4	74	18,4

В сравнении с показателями по Российской Федерации и СЗФО, в Мурманской области в 2023г. более высокие уровни смертности по сумме всех причин смерти, в том числе в классе болезней органов кровообращения и болезней органов пищеварения.

Показатель общей заболеваемости взрослого населения в 2023 году находится примерно на том же уровне, что и в предыдущем году и равен 1896,3 на 1000 взрослого населения (2022 – 1891,5; 2021 – 1647,3). Первичная заболеваемость взрослого населения в 2023 году снизилась по сравнению с 2022 годом на 19,7% [7]. В качестве основной причины успешную организацию работы по диспансеризации населения Мурманской области.

Показатель общей заболеваемости детского населения в 2023 году снизился на 3,6% и составил 3050,5 на 1000 детского населения (2022 – 3164,5; 2021 – 2658,2). Первичная заболеваемость детского населения в 2023 году также снизилась по сравнению с 2022 годом на 6,6%.

Для минимизации вредных условий труда и проживания в регионе разработана и реализуется государственная программа Мурманской области «Здравоохранение» на 2021–2025 годы, учитывающая специфику и потребности. Мурманской области. Результатом реализации данной программы стал рост ожидаемой продолжительности жизни населения, что представлено на рисунке 3, а также сокращение нехватки медицинских работников и повышение качества медицинской помощи.

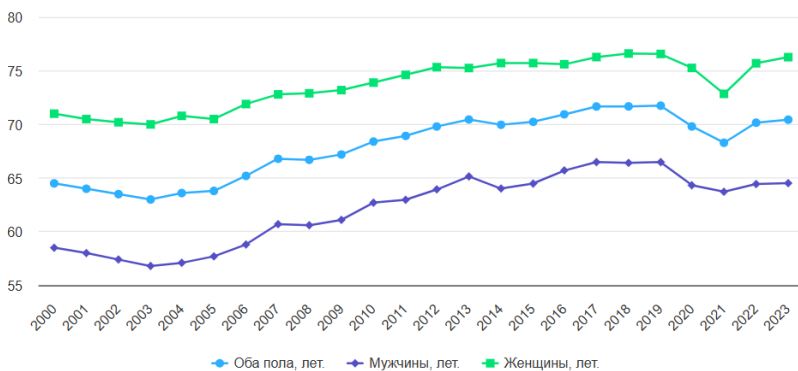

Рис. 3. Ожидаемая продолжительность жизни населения Мурманской области по годам

По итогам 2023 года, ожидаемая продолжительность жизни повысилась до 70,4 лет в сравнении с 2022 годом (70,2). Однако по-прежнему с 2019 года ниже показателя по РФ и Северо-западному федеральному округу. На наш взгляд, это можно объяснить недостаточным уровнем медицины, а неблагоприятными природно-климатическими условиями Мурманской области и сдвигами в половозрастной структуре населения в пользу старших возрастов. Подтверждением данного вывода может служить, что по данным Управления Роспотребнадзора более 50% заболевания связано с органами дыхания [7].

Поэтому особое место в реализации данной программы уделено обновлению медицинской инфраструктуры региона, оказанию выездной медицинской помощи, привлечению медицинских кадров.

В рамках государственной программы «Здравоохранение» было разработано более 20 мер региональной поддержки и привлечению медицинских работников. Мурманская область занимает 11-е место по России / 3-е место по СЗФО по зарплатам врачей и среднего медицинского персонала. Дополнительные выплаты из регионального бюджета получают более 10 тыс. медработников.

Также в Мурманской области реализуются проекты, обусловленные природно-климатическими условиями проживания населения, в частности, проект «Витаминизация» по бесплатной диагностике витамина D.

3. Образование и кадры для Арктики. В основе данного направления лежит государственная программа «Образование и наука», направленная на создание непрерывной траектории обучения. В 2024 году создано 5 уникальных пространств интеллектуальной образовательной среды «Уникум. Малыш», что позволяет осуществлять раннюю профессиональную ориентацию детей. В рамках проекта «Арктическая школа», реализуемого с 2021 года, 95% обучающихся 10–11 классов охвачены программами профильного образования. Активно развивается образовательная инфраструктура путем создания современных площадок, среди которых можно выделить такие формы как образовательные пространства «Точка роста», школьные технопарки «Кванториум», мобильный технопарк для отдаленных территорий, центры цифрового образования детей «ИТ-куб» и олимпиадной подготовки и научной деятельности «Уникум».

Особое значение для развития региона имеет развитие высшего образования. Так, в Мурманске по поручению Президента Российской Федерации В.В. Путина при Мурманском арктическом университете будет создан кампус мирового уровня [14]. В рамках Мурманского арктического университета также будут выделены три основные специализации:

- Северный морской путь;
- минеральные ресурсы Арктики
- арктические биоресурсы и биотехнологии.

К 2035 году Мурманская область должна стать центром подготовки кадров для всей Арктики.

Научная сфера Мурманской области представлена в первую очередь Кольским научным центром Российской Академии наук, уверенно занимающим первое место в Арктической зоне РФ по научным исследованиям и разработкам. Кроме того, с 2019 года региональное финансирование науки выросло более, чем в 40 раз.

4. Занятость и рынок труда. Реализация данного направления опирается на государственную программу «Занятость и труд» и в первую очередь направлено на сохранение и развитие трудового потенциала региона. В соответствии с этим основными субъектами программы является молодежь и высококвалифицированные специалисты. Кроме традиционных мер финансовой поддержки, в регионе реализуются такие как программа «Полярки для молодых» и программа кадрового сопровождения «Курс на Север». Это позволило привлечь в регион более 400 специалистов и членов их семей.

Активно ведется работа по содействию добровольному переселению граждан. По данным Правительства Мурманской области в регион переселилось порядка 10 тыс. человек, среди которых 60% составляют квалифицированные специалисты трудоспособного возраста.

Результатом такой политики является стабильное состояние рынка труда региона и низкий уровень зарегистрированной безработицы, который по итогам года составил 0,6% [2].

С 2019 года наблюдается устойчивый рост среднедушевых месячных доходов населения, что показано на рисунке 4.

Для региона характерен высокий уровень заработной платы и довольствия военнослужащих.

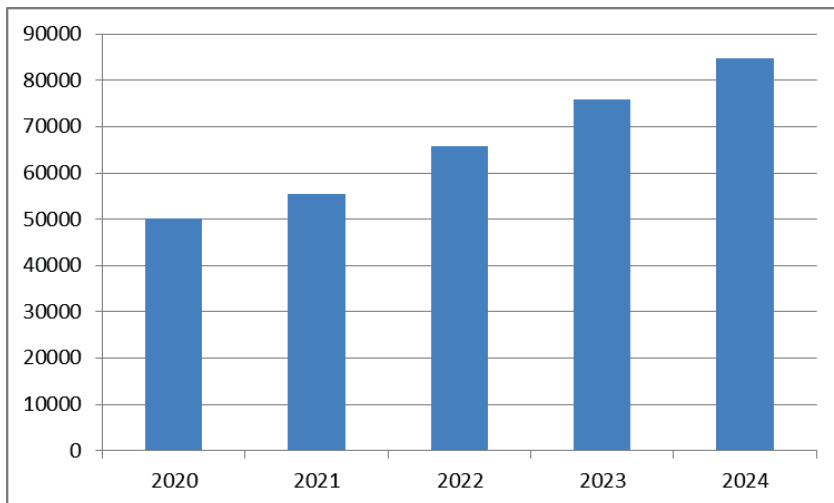

Рис. 4. Динамика среднедушевых месячных доходов населения Мурманской области, руб.

Динамика изменения среднедушевых расходов населения аналогична изменению среднедушевых доходов. Вместе с тем отмечаются незначительные изменения в структуре расходов на конечное потребление домохозяйств, что показано в таблице 2.

Таблица 2

Структура расходов на конечное потребление домохозяйств за 2021–2023 гг.

	2020	2021	2022	2023
Расходы на покупку товаров	52,4	51,6	52,5	52,4
Расходы на покупку услуг	16,2	16,6	15,7	16,3
потребление товаров и услуг в натуральной форме	6,5	9,1	9	8,1
расходы на услуги государственного управления и услуги некоммерческих организаций	24,9	22,7	22,8	23,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума имеет ярко выраженную тенденцию к сокращению, что показано на рисунке 5.

Данные рисунка 5 говорят о достаточно успешной реализации государственной политики по повышению уровня жизни населения Мурманской области. Но при этом коэффициент Джини, показывающий уровень концентрации доходов, увеличился за 5 лет на 10 пп. (с 0,349 до 0,359), что указывает на увеличение разрыва между наиболее и наименее обеспеченными слоями населения. Другим словами, существует определенная устойчивая группа населения, не затронутая политикой по повышению качества и уровня жизни населения. Для решения данной проблемы необходима более интенсивная работа социальных служб региона.

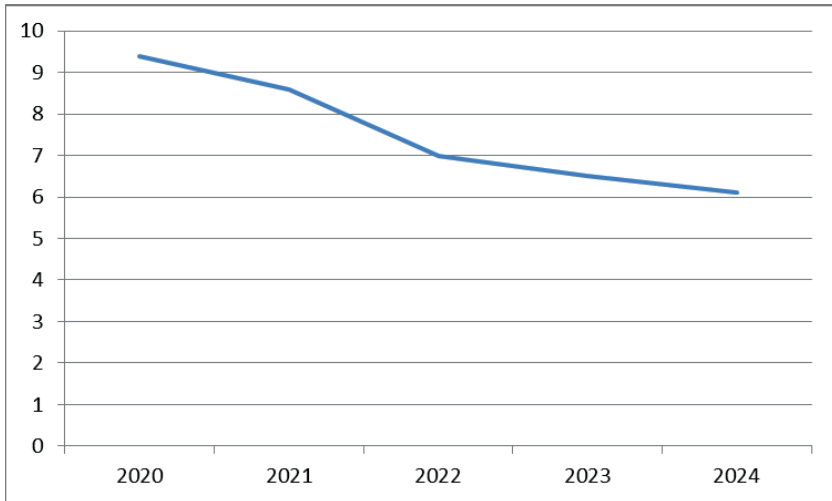

Рис. 5. Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности, в % от общей численности населения региона

5. Физическая культура и спорт. Природно-климатические условия региона выдвигают повышенные требования к реализации мероприятий в сфере физической культуры и спорта. Доля лиц, систематически занимающихся физической культурой и спортом, выросла в Мурманской области с 2019 по 2024 год более, чем на 25%. Продолжается обновление спортивной инфраструктуры.

Обновленной спортивной инфраструктурой пользуются более 384 тысяч человек. Всего открыто 39 общественных пространств для бесплатных занятий спортом в Мурманской области в каждом муниципальном образовании региона. На всероссийском спортивный форуме Sport B2B, проходившем в 2023 году, проект «Сопки.Спорт» признан лучшим инфраструктурным проектом года.

6. Культура. Вклад данного направления в обеспечение высокого качества уровня и жизни населения, реализуется через деятельность культурно-досуговых и образовательных учреждений в сфере культуры и искусства. Более 85% учреждений культуры находятся в удовлетворительном состоянии, что привело к росту посещаемости культурных мероприятий на 9% по сравнению с 2023 годом (14,5 млн посещений). Мурманская область занимает 1-е место в Северо-Западном Федеральном округе и 2-е место по России по созданию модельных библиотек. Также к концу 2024 году в регионе открыто 13 виртуальных концертных залов.

24,5 тыс. северян вовлечены в культуру и творчество через занятия в 1162 клубах самодетельности. За 6 лет поддержано более 197 культурных проектов и инициатив, в том числе и в сфере кинопроизводства.

7. Благоустройство и инфраструктура. Обеспеченность населения Мурманской области жильем представлена на рисунке 6.

Рис. 6. Общая площадь жилых помещений в среднем на одного жителя, кв. м.

По итогам 2024 года данный показатель в Мурманской области (29,1 кв. м.) соответствует усредненному показателю по Российской Федерации (29,4 кв. м). Это может быть объяснено тремя факторами. Во-первых, более 90% населения региона проживает в городах и поселках городского типа. Во-вторых, средний размер семьи не превышает 3 человек. В-третьих, устойчивое сокращение населения региона, особенно молодежи. Кроме того, до 2024 года в Мурманской области темпы жилищного строительства были близки к нулю. За 2024 год в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» было построено более 63 тыс. кв. м жилья (1000 квартир). Несмотря на положительную динамику, общая площадь жилых помещений в регионе практически не изменилась. Это говорит об улучшении обеспеченности жильем жителей Мурманской области и соответственно о росте качества и уровня жизни. Отрицательным моментом является до сих пор нерешенная проблема с ветхим и аварийным жильем (более 100 тыс кв. м). За предыдущие 5 лет было расселено только 5,8 тыс человек, хотя доля населения Мурманской области, проживающего в аварийном жилищном фонде составляет 0,49%, что соответствует

среднероссийском уровню (0,53%). На решение данной проблемы требуется, согласно данным Минстроя Мурманской области, более 13 млрд. рублей. Самостоятельно эту проблему в регионе решить невозможно [4].

Доля расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг в 2024 году составила около 12% и практически не изменилась по сравнению с 2024 годом. В условиях отсутствия жилищного строительства можно сделать вывод о том, что отсутствуют качественные сдвиги в улучшении жилищной инфраструктуры. Это подтверждается данными Управления федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Мурманской области о состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения региона о том, что 55,3% водопроводов не соответствуют нормативам из-за отсутствия очистных сооружений [20].

Более 90% населения Мурманской области проживает в городах и отсутствие внимания к благоустройству и состоянию социальной инфраструктуры негативно сказывается на качестве и уровне жизни населения. Для повышения условий проживания в Мурманской области реализуется государственная программа «Комфортное жилье и городская среда». По данным института территориального планирования «Урбаника» более 93% городов Мурманской области были признаны населенными пунктами, комфортными для проживания [72]. В 2024 году Мурманск занял 1-е место в Арктической зоне РФ и 14-е место в России по результатам оценки индекса качества городской среды Минстроем РФ. С 2019 по 2024 год было установлено более 450 детских игровых и спортивных комплексов. Доля благоустроенных дворов и общественных пространств к концу 2024 года составила 50%, что положительно сказывается на качестве и уровне жизни проживающего в них населения.

Большое внимание уделяется реновации закрытых территориальных образований (ЗАО) Мурманской области. Общая сумма средств, выделенных на реновацию, за 6 лет составила 27,8 млрд. рублей. Президент России В. В. Путин на Международном арктическом форуме МАФ-2025 поручил продлить программу реновации ЗАО до 2030 года, что позволит обеспечить высокий уровень

качества жизни на территориях со сложными природно-климатическими условиями.

8. Транспортная инфраструктура. Данные о развитии транспортной инфраструктуры в Мурманской представлены в таблице 2.4.

Таблица 2.4

Показатели транспортной инфраструктуры Мурманской области 2020–2024 гг.

Показатели	2020	2021	2022	2023	2024
Доля автомобильных дорог местного значения, отвечающих нормативным требованиям, %	44,2	53,7	51,2	57,5	71,1
Количество автобусов общего пользования, на 100 000 чел.	95,0	98,0	106,7	118,6	119,8
Количество собственных легковых автомобилей, ед. / 1 000 чел.	329	345	386	410	465

Транспортная доступность и состояние транспортной инфраструктуры являются одной из наиболее важных проблем, характерных для Арктической зоны РФ. В этом плане Мурманская область благоприятно отличается от других регионов Арктической зоны. В основе развития транспортной инфраструктуры Мурманской области лежит государственная программа Мурманской области «Транспортная система». За 6 лет обновлено более 7 млн м² дорог. Более половины региональных дорог и три четверти дорог в населенных пунктах соответствуют нормативным требованиям, что превышает среднероссийские показатели. Количество ДТП снизилось по сравнению с 2019 годом на 27%. Развитие общественного транспорта в городе Мурманске отвечает высоким требованиям, предъявляемым жителями региона.

Развитие транспортной инфраструктуры Мурманской области демонстрирует положительную динамику. Это объясняется успешной реализацией национальных проектов в регионе и компактностью расселения населения (в отличие от других территорий Арктической зоны РФ). Превышение региональных показателей над среднероссийскими составляет примерно 15–20%, что позволяет сделать вывод о росте качества жизни населения Мурманской области по данному показателю.

9. Экология. Устойчивое развитие арктического региона опирается на государственную программу «Экология». Данная государственная программа направлена создание эффективной системы управления отходами в регионе, рациональное природопользование и сохранение биоразнообразия. С 2019 по 2025 год благодаря модернизации производств, внедрению современного оборудования и новых технологий совокупный объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух снизился в относительном выражении на 30% (с 252,9 тыс. тонн до 176,8 тыс. тонн соответственно). В Мурманской области активно реализуется «мусорная» реформа. Общий объем утилизированных отходов за 6 лет составил более 3,5 млн м³, площадь расчищенных территорий – 44,8 гектара. Губернатором Мурманской области поставлена задача – Кольское Заполярье должен стать лидером среди регионов Арктической зоны РФ по раздельному сбору мусора и для этого есть определенные предпосылки.

Еще одним направлением повышения качества и уровня жизни населения Мурманской области стала разработка и утверждение опорных агломераций Мурманской области. Включение мероприятий мастер-планов в национальные проекты приведет к новому качеству жизни населения арктического региона.

Библиографический список к главе 7

1. Корчак Е.А. Домохозяйства Мурманской области: статистический анализ социально-экономического положения / Е.А. Корчак // Теория и практика общественного развития. – 2024. – №11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/domohozyaystva-murmanskoy-oblasti-statisticheskiiy-analiz-sotsialno-ekonomicheskogo-polozheniya> (дата обращения: 08.12.2025). DOI 10.24158/tipor.2024.11.21. EDN IUUVGF

2. Мурманская область в цифрах / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. – Мурманск, 2025 – 122 с.

3. Мурманская область – лидер в реализации национальных проектов // Официальный сайт администрации города-героя Мурманск [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.citymurmansk.ru/novosti/?newsid=30519&page=1> (дата обращения: 23.09.2025).

4. Мурманской области требуется 13 млрд рублей на расселение аварийного жилья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://murmansk.rbc.ru/murmansk/16/04/2025/67ffb6c09a7947bc9d84893a> (дата обращения: 23.09.2025).

5. Об утверждении региональной программы по повышению рождаемости: Постановление Правительства Мурманской области от 28.06.2023 №469-ПП [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5100202306290003?index=1> (дата обращения: 23.09.2025).

6. О системе управления государственными программами Мурманской области: постановление Правительства Мурманской области от 28 сентября 2023 года №696-ПП [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/406862499> (дата обращения: 23.09.2025).

7. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Мурманской области в 2024 году: материалы для государственного доклада [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://51.gospotrebnadzor.ru/upload/medialibrary/113/iq1v8nv0y7tdeo7w60xwejl90fac0e3/Государственный%20доклад%202024.pdf> (дата обращения: 23.09.2025).

8. О стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года: Постановление Правительства мурманской области от 25 декабря 2013 года №768-ПП/20 (в ред. постановления Правительства Мурманской области от 10.07.2017 №351-ПП) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minec.gov-murman.ru/ppmo-ot-25.12.13-_768_pp_20-_v-red.-ot-10.07.17_.pdf (дата обращения: 23.09.2025).

9. Перечень государственных программ Мурманской области: распоряжение Правительства Мурманской области от 01.02.2013 №30-РП (в редакции от 25.06.2024 №202-РП) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minec.gov-murman.ru/activities/strategicheskoe-planirovanie/targ_programs/perechen/?type=original (дата обращения: 23.09.2025).

10. Программа государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, осуществляемой в Арктической зоне Российской Федерации: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2021 г. №978-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/ySRA2HsTpqZ9vXm8WWbmOoil9Qu7F6AA.pdf> (дата обращения: 23.09.2025).

11. Реестр проектов Мурманской области // Официальный сайт Аппарата Правительства Мурманской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://apparat.gov-murman.ru/activities/project_management/reg_projects/ (дата обращения: 23.12.2025).

12. Рейтинг качества жизни // Официальный сайт АСИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://asi.ru/government_officials/quality-of-life-ranking/ (дата обращения: 23.12.2025).

13. Стратегический план развития Мурманской области до 2030 года «На Севере – жить!»: Постановление Правительства Мурманской области от 28 декабря 2024 года №460-ПП [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gov-murman.ru/regulatory/pnszh/> (дата обращения: 23.09.2025).

14. Стратегия пространственного развития России до 2030 года с прогнозом до 2036 года // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvenno_go_razvitiya_rossii_do_2030_goda_s_prognozom_do_2036_goda/ (дата обращения: 23.09.2025).

15. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. №645 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://strategy.arctic2035.ru/c/documents/strategiya-razvitiya-arkticheskoy-zony-rossiyskoy-federatsii-i-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnos/> (дата обращения: 23.09.2025).

16. Шесть городов в Мурманской области признали комфортными для жизни: новости РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://murmansk.rbc.ru/murmansk/17/09/2024/66e96dc49a794739709d7e60> (дата обращения: 25.12.2025).

ГЛАВА 8

DOI 10.31483/r-152894

Лигидов Рамазан Муаедович

Шадова Залина Хусеновна

БРЕНДИНГ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ: ПРИНЦИПЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Аннотация: на протяжении продолжительного времени термин «бренд» использовался в сферах бизнеса, маркетинга и рекламы для различения продуктов, предлагаемых уникальными продавцами. В современных условиях общества, ориентированного на индивидуализацию, потребители принимают решения о выборе продуктов, основываясь на своих предпочтениях, желаниях и уровне лояльности к конкретному бренду, что часто является следствием превосходного качества предлагаемых товаров. В данном контексте высшие учебные заведения могут быть уподоблены коммерческим продуктам, поскольку их основной деятельностью и продуктом является образовательный процесс.

В главе подчеркивается значимость брендинга для высших учебных заведений (вузов). Авторы тщательно анализируют факторы, способствующие становлению образовательных учреждений в качестве брендов, а также излагают ключевые принципы разработки бренда и последовательные шаги, ведущие к эффективному брендингу. Кроме того, предлагается модель брендинга, специально адаптированная для высших учебных заведений, которая может служить основой для их дальнейшего развития и укрепления позиций на образовательном рынке.

Ключевые слова: брендинг, высшее учебное заведение, маркетинг, имидж бренда, фирменный стиль.

Abstract: for a long time, the term "brand" has been used in the fields of business, marketing, and advertising to distinguish products offered by unique sellers. In modern conditions of a society focused on individualization, consumers make decisions about choosing products based on their preferences, desires and level of loyalty to a particular brand, which is often a consequence of the excellent quality of the products

offered. In this context, higher education institutions can be likened to commercial products, since their main activity and product is the educational process.

This chapter highlights the importance of branding for higher education institutions (HEIs). The authors carefully analyze the factors contributing to the establishment of educational institutions as brands, as well as outline the key principles of brand development and the sequential steps leading to effective branding. In addition, a branding model is proposed that is specially adapted for higher education institutions, which can serve as a basis for their further development and strengthening their positions in the educational market.

Keywords: *branding, higher education institution, marketing, brand image, brand identity.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ (Договор №40), в рамках программы «Приоритет-2030».

Введение

Возникает вопрос, какое отношение образование имеет к брендингу, поскольку до сих пор этот термин применялся исключительно к бизнес-сектору и коммерческим продуктам. Брендинг – это старая распространенная практика в мире бизнеса, которая считается новой концепцией в сфере образования. Брендинг в современном мире бизнеса – это инструмент удовлетворения потребностей покупателей. Это механизм поддержания имиджа продукта и поощрения покупателей придерживаться этого продукта. В двух словах, когда людей спрашивают о бренде, они, не задумываясь, отвечают, что бренд – это качественный или известный продукт, который компании используют для привлечения своих клиентов. Эта концепция теперь была заимствована высшими учебными заведениями после осознание ценности брендинга в образовании. Это осознание обычно возникает, когда на сцену выходят другие игроки и конкуренты и предоставляют аналогичные услуги, делая рынок более конкурентоспособным.

Глядя на современный мир, особенно в том, что касается высших учебных заведений и их функциональности, можно сказать, что между образованием и бизнес – сектором нет большой

разницы. Высшие учебные заведения являются поставщиками услуг, которые предоставляют образование и поддерживают свой имидж и качество преподавания на протяжении всей жизни, а также извлекают выгоду из приема студентов и других доходов. Кроме того, они конкурируют на рынке с другими учебными заведениями и получают больший доход благодаря своей репутации [5].

Кроме того, брендинг образовательных учреждений становится важным, поскольку они считаются большим достоянием нации. Кроме того, в условиях глобальных вызовов и внедрения технологий брендинг университетов считается решением для сохранения высокой конкурентоспособности на рынке и предоставления возможности противостоять этим вызовам [25]. На данном этапе в этой главе рассказывается мировой аудитории о том, что поставлено на карту, когда высшие учебные заведения не продаются. В нем выдвигаются некоторые аргументы и утверждения авторов относительно важности брендинга в высших учебных заведениях (вузах) и факторов, которые необходимо учитывать, когда речь заходит о разработке бренда и процессе брендинга.

Что такое брендинг?

Поскольку каждая организация стремится получить преимущество на рынке, брендинг, как правило, используется как ключ к привлечению клиентов и дифференциации продукта или услуги. По сути, чтобы понять брендинг, необходимо понять, что представляет собой сам бренд. Таким образом, бренд и брендинг были описаны с использованием разных прилагательных и понимаются с разных точек зрения. Считается, что бренд представляет собой интеграцию названия бренда, доброй воли и репутации [17]. Хотя некоторые авторы полагали, что это «восприятие в сознании целевой аудитории [19], чувства людей по поводу организации, учреждения, человека или продукта, которые, в свою очередь, формируют опыт людей с этой конкретной организацией» [8]. Следовательно, это «ментальное выражение, знак или качество [25], общее впечатление, созданное в умах общественности об организации» [20]. По мнению некоторых авторов, бренд рассматривается как «уникальный опыт всей жизни» [13]; это опыт и отношения, которые формируют связь между организацией и заинтересованными сторонами [32]. Одни рассматривали бренд как отношение, к которому привыкли и

которое трудно изменить, в то время как другие считали, что все дело в позиционировании. Это «сумма всех ассоциаций, которые создаются организацией или продуктом» [24]. Однако с разных точек зрения и понимания бренд можно рассматривать просто как имя, репутацию, восприятие, опыт, позиционирование и ассоциацию.

Согласно этим определениям бренда, брендинг – это процесс создания уникального имени, отличительного образа, неизменной репутации и опыта, которые запоминаются покупателями, а также способ дифференцировать ведущие организации или учреждения друг от друга. Кроме того, брендинг можно рассматривать как продуманный план привлечения людей, связанных с этим конкретным брендом, который, в конечном итоге, сделает бренд желанным [24]. На самом деле, брендинг – это не обман аудитории или создание чего-то гламурного, чтобы сделать его более продаваемым или привлекательным для целевой аудитории. Это противоречит пониманию и вере людей в брендинг. В образовательной среде, несмотря на различные исследования, проведенные по брендингу в высших учебных заведениях, нет конкретного определения бренда, каким он должен быть и его компонентов в контексте высшего образования [6; 20; 29]. Однако считается, что брендирование учебного заведения делает программы, предлагаемые школой, колледжем или университетом, уникальными и привлекательными [19].

Необходимость брендинга в высших учебных заведениях

Не удивляйтесь брендингу в образовании; утверждалось, что вузы служат той же цели, что и частный сектор. Поскольку «нет ничего нового под солнцем», бизнес-сектор выстраивает долгосрочные отношения со своими целевыми клиентами; точно так же колледжи и университеты делают это со своими выпускниками. По вопросу о брендинге в высшем образовании мы можем сказать, что было написано всего несколько статей, касающихся важности брендинга в образовании, хотя все эти статьи были единодушны в том, что брендинг вузов следует серьезно рассматривать для получения большего дохода и отличия, чтобы обеспечить лояльность клиентов.

Статьи Чаплео [28], Гиффорда [10] и Ридера [21] поддержали идею о том, что брендинг имеет решающее значение в образовании, поскольку он помогает университетам дифференцироваться,

особенно при создании бренда благодаря тесным отношениям между их образовательным продуктом и студентами [26]. Это эффективный способ оценить, как заинтересованные стороны воспринимают, думают или ощущают университет [28], а также актив или возможный способ внесения вклада в финансовую систему университета за счет привлечения партнеров и заинтересованных сторон [16].

Кроме того, брендинговые вузы не могут успокаиваться на достигнутом или сомневаться, поскольку они зависят от доходов, получаемых от платы студентов за обучение. При такой зависимости динамизм мировой экономики и быстрые изменения в демографическом составе студентов вынудили университеты и колледжи определить свою уникальность и преимущества, которые студенты получают после поступления и окончания учебы. На данном этапе и в стремлении добиться более высоких показателей регистрации студентов необходимы исследования для выявления и понимания того, чего хотят и в чем нуждаются клиенты. Это поможет при разработке рыночной стратегии и в процессе брендинга. Однако, хотя бренд должен сохраниться, важно быть в курсе неожиданных изменений на рынке, поскольку он может меняться в соответствии с потребностями времени. Когда университет брендируется, для него очень важно поддерживать свой бренд, и рекомендуется, чтобы стратегия бренда, используемая в процессе, была последовательной в течение длительного периода [24].

Учитывая все вышеперечисленное и постоянные изменения, для того чтобы вузы оставались конкурентоспособными, университетам по всему миру крайне важно создавать эффективные бренды, перед которыми потребители будут неотразимы. В процессе могут возникнуть некоторые проблемы, требующие от университетов или колледжей настойчивого продвижения одного бренда и изучения рынка на предмет того, является ли этот бренд актуальным и востребованным.

Важность имиджа бренда и идентичности

Наличие имиджа бренда или айдентики для продукта или услуги – это то, что требуется в современном бизнесе и образовательной индустрии. Создание успешного или действенного имиджа бренда или айдентики может потребовать от организации всех

усилий, и иногда это может оказаться непростой задачей. По этой причине необходимым условием является полное понимание того, что такое имидж или идентичность. Объясняя это, можно сказать, что бренд – это объединение идентичности, поскольку он отличается одно от другого посредством своего знака, символики, слогана, подзаголовка, специфического дизайна, красочного рисунка или их комбинации [2; 30]. Согласно Аакеру, идентичность бренда – это то, как люди воспринимают бренд, в то время как имидж бренда на самом деле – это то, как бренд воспринимается покупателями [2]. Кроме того, имидж бренда рассматривается как обещание покупателям, в то время как идентичность бренда – это результат опыта клиентов в форме повышения доверия [2; 11].

Тем не менее, что касается образовательных учреждений, то их предыдущий опыт и репутация играют большую роль в сохранении у клиентов бренда. Например, учебное заведение, предоставляющее некачественное образование, или учреждение, имевшее плохой имидж в прошлом, может столкнуться с трудностями при изменении своего имиджа в будущем, даже если оно начало предоставлять качественное образование. Несмотря на то, что учреждение меняет свой прежний имидж, студентам и другим лицам может быть трудно поверить в то, что оно начало предлагать качественные услуги [1; 2]. С течением времени имидж бренда или идентичность учреждения должны быть закреплены и защищены. При этом предлагается учитывать четыре области: осведомленность, узнаваемость бренда, имидж и силу предпочтения (лояльность). Для повышения осведомленности обсуждается отношение участников или студентов к своей альма-матер. Область знакомства – это связь и продвижение, которых университет добился благодаря сарафанному радио или знаниям. Имидж связан с университетом, представляющим то, что он должен представлять, или с соответствием ожиданиям людей, которые его посетили. Сила предпочтений объясняет, в какой степени будущие студенты, нынешние студенты и выпускники лояльны своим учреждениям [8].

Принципы брендинга

Понимание принципов брендинга – это первый шаг в создании успешного бренда. Это средство соблюдения правил маркетинга и поставок в соответствии с требованиями клиентов. Эти принципы

следует использовать в качестве руководства в процессе планирования, которое, в конечном счете, должно помочь в создании эффективных стратегий привлечения клиентов и проникновения на рынок. Эти принципы могут каким-то образом снизить вероятность неудачи в процессе брендинга.

В целом, согласно Скарборо [24], существуют два твердых и неизбежных ключевых принципа брендинга в высших учебных заведениях – дифференциация и интеграция. Дифференциация указывает на то, что устойчивость организации на рынке зависит от ее способности производить продукт, который уникально отличается и лучше, чем у ее конкурентов. Однако эти различия или разделители должны вырабатываться постепенно на основе ассоциации с существующим брендом и должны быть действительно внедрены в образовательный опыт [24].

Что касается интеграции, то она предполагает связь рынка с дифференцирующими факторами. Следовательно, то, что сообщается в маркетинге, соответствует уникальности организации. Таким образом, речь идет о реализации маркетинговых мероприятий во всех без исключения подразделениях университета. Однако, когда учреждение имеет бренд, ожидается, что этот бренд будет стимулировать и руководить институциональными стратегиями. Кроме того, само учреждение должно знать, как управлять брендом. Как следствие, бренд, который отклоняется от того, что делает организация, или рыночной стратегии, не выживет очень долго [24]. Таким образом, поскольку брендинг, по-видимому, является единственным выбором университетов и колледжей в качестве одного из ключевых игроков, Барбара Эппл Салливан [23], основательница фирмы Sullivan по взаимодействию с брендами, Нью-Йорк, предлагает маркетологам четыре альтернативных или всеобъемлющих эффективных принципа:

1. Мнения людей о вашем колледже или университете.

Будьте хорошим слушателем, чтобы знать, что люди говорят о вашем учреждении и о том, чего вы стоите. Это первый принцип, поскольку вам нужно знать, что говорят о вас СМИ и другие коммуникационные сети. Проведите опрос студентов и посторонних лиц, чтобы узнать, что они думают о вашем учебном заведении.

2. Это выходит за рамки ранжирования.

Знайте своего конкурента на рынке и другие учреждения, которые конкурируют с вами за тот же бренд, ценность и услуги. Следовательно, если в вашей стратегии есть недостающие моменты или пробелы, будьте бдительны и узнайте, чего не хватает и что делает вас менее конкурентоспособным по сравнению с другими. Попросите студентов выяснить, что заставляет их выбирать именно это учебное заведение. К вашему сведению, те колледжи или университеты, которые доминировали на рынке, иногда могли не иметь такого высокого мирового рейтинга или репутации, как ваш, но, возможно, они знали, что нужно для привлечения студентов. Следовательно, именно здесь следует использовать сравнение или бенчмаркинг в качестве оценки для выявления ваших сильных и слабых сторон, что, в конечном счете, приведет к основному различию между вами и учреждениями, которые конкурируют с вами. Иногда брендом учебного заведения могут быть его академические программы или сама продолжительность программ. Например, небольшая продолжительность обучения или быстрое завершение программы могут быть основным отличием, поскольку в настоящее время студентам нравится видеть, как они быстро заканчивают учебу и устраиваются на работу. Некоторые университеты или колледжи предлагают 3-летнюю программу бакалавриата вместо 4-х лет и магистерскую программу продолжительностью 1 или 9 месяцев вместо полутора или двух лет. В таком случае студенты могут поступать в эти учебные заведения. Кроме того, традиционное или очное обучение может быть утомительным или тяжелым для некоторых работающих студентов или для студентов, которые живут далеко от кампуса. Предпочтительно, они могут выбрать учреждение, предоставляющее дистанционное обучение или онлайн-курсы. Прекрасным примером является появление МООС, которое недавно вышло на рынок и прокладывает путь к глобальной доступности обучения, гибкости, возможностям и инновациям и используется ведущими университетами мира, такими как Гарвард, Массачусетский технологический институт (MIT) и Стэнфорд [29].

3. Ценностное предложение превыше всего.

Покажите, чего вы стоите и каким хотите быть, и определите, что составляет уникальность вашего бренда, как осязаемую, так и неосязаемую. В настоящее время, и особенно во время посещения

студентами своих будущих учебных заведений, внутренний и внешний вид университета или колледжа важен для принятия студентами решения о выборе этого учебного заведения.

4. Честность бренда.

Постарайтесь признать, кто вы есть, и убедитесь, что все преимущества вашего бренда действительно реализованы. Помните, что бренд заключается не в красоте или красочности вашего логотипа, и что бренд предназначен не только для ваших маркетинговых материалов или ваших высокотехнологичных веб-сайтов, но, скорее, это совместные усилия, честь и авторитет в университетском сообществе в целом.

Рекомендуется придерживаться этих основных принципов, прежде чем приступать к реализации миссии по брендингу в высшем учебном заведении. Хотя ожидается, что эти принципы не ответят на все ваши вопросы или не решат всех ваших проблем, они, по крайней мере, обеспечат общие и базовые принципы, с которыми согласны большинство авторов и которые другие авторы могли бы развить.

Шаги к брендингу

Поскольку брендинг считается важным инструментом во всем мире в любой организации для улучшения своего продукта или услуги и, главным образом, для привлечения клиентов, абсолютно важно, особенно в образовательных учреждениях, знать шаги и техники перед созданием бренда. Кроме того, также необходимо отдавать себе отчет в том, что какой бы тактикой или планами по брендированию вы ни руководствовались, они должны соответствовать миссии и ценности учреждения. Харша и Шах [25] определили пять универсальных планов, или того, что можно рассматривать как тактику:

1. Понимать, чего хотят люди.

В случае с вузами следует проводить эмпирические исследования, чтобы определить вкусы участников и определить, чего они хотят от учебного заведения.

2. Определение сегментов рынка или, как я предпочитаю это называть, «исследование слабых сторон рынка», которые учреждение должно использовать.

Это требует определения особенностей каждого сегмента путем изучения мотивационных факторов и проблем, которые могут стоять на пути учреждения к достижению своих целей.

3. Определите атрибуты бренда, которые препятствуют усвоению уроков.

Это помогает проникнуть на рынок и определить, чего хотят студенты или какой тип учебного заведения ищут будущие студенты. Именно здесь репутация учебного заведения, его опыт, программы и стоимость обучения имеют решающее значение.

4. Используйте атрибуты бренда для позиционирования.

Именно здесь учреждение должно дифференцировать себя от своих конкурентов, исследуя свои сильные стороны, чтобы использовать слабые стороны своих конкурентов на рынке. Кроме того, речь идет об использовании нишевой области и использовании возможности с надежной защитой от любых конкурентов на рынке.

5. Отличайте свое заведение с помощью уникальных кампаний, промоакций и коммуникаций. Отсюда вытекает идея корпоративного брендинга для целей маркетинга, заключающаяся в том, что все коммуникации и голоса должны быть объединены в передаче одного сообщения и ценности, которые отличают ваше учреждение от других.

В некоторой степени брендинг высших учебных заведений может выходить за рамки маркетинга и рекламы, поскольку понимание брендинга в университетах должно быть достигнуто персоналом всех подразделений и должно в целом приветствоваться и получать положительное признание.

Роль маркетинга

Сегодняшним и завтрашним университетам и колледжам рекомендуется занять определенную позицию, создавая свои бренды и дифференцируя рынок. Когда создаются эти бренды, они должны быть тесно интегрированы с бизнес-стратегиями университета или колледжа, поскольку это поможет в создании операционной модели [12].

По мере усиления борьбы и соперничества между организациями за привлечение клиентов маркетинг становится платформой для передачи информации об уникальности и дифференциации бренда. Кроме того, маркетинг можно использовать как инструмент

для демонстрации или объяснения того, что у вас есть в наличии для ваших клиентов, где вы можете продвигать свой бренд и как вы можете убедить своих клиентов в факторах, которые делают ваш бренд лучше, чем у ваших конкурентов. Без сомнения, маркетинг помогает объяснить, что организация предлагает для удовлетворения потребностей рынка, используя коммуникацию и распространение для привлечения клиентов [3].

Как хорошо известно, особенно в контексте образования, основной целью и функцией маркетинга в высшем образовании является содействие продвижению бренда учебного заведения [3]. Маркетинг в высшем образовании относится к анализу, планированию, реализации и контролю программ ради обмена рыночными целями для достижения институциональных целей [3; 17]. В соответствии с требованиями рынка или сегмента студенты считаются основными потребителями [14], что усугубляет борьбу университетов и колледжей за студентов, исследовательские фонды преподавателей и доноров, использующих сильные маркетинговые стратегии.

Согласно стандарту бренда Мичиганского государственного университета, выдающиеся или постоянные бренды создают прочные отношения со своей аудиторией или клиентами. Несмотря на это, эти бренды всегда узнаваемы их покупателями, которые знают, что они представляют, в тот момент, когда они представлены на рынке. Эффективный бренд передает одну и ту же ценность несмотря на то, что он общается с разными типами аудитории в разных случаях. Кроме того, поскольку маркетинг воспринимается как способ достучаться до клиентов и удовлетворить их потребности, тот же маркетинг часто использовался во всем мире некоторыми ведущими университетами, такими как Северо-Западный университет и Кембриджский университет, в качестве рекламных инструментов для продвижения самих себя, используя рекламу в качестве рекламной тактики [3; 32]. Более того, роль маркетинга в образовании не только связывает бренд с потребителями, но и прокладывает путь для продвижения высшего образования на рынок и обеспечивает средства для обмена, а также доступность. Кроме того, это обеспечивает доход и средства для облегчения преподавания, познавательной деятельности и научных исследований [4; 26].

Преимущество бренда и фирменного стиля

Создание бренда может оказаться непростой задачей; кроме того, создание бренда организации может потребовать длительного процесса и стратегического планирования. Однако, в свою очередь, это хорошо оплачивается, поскольку открывает множество возможностей и преимуществ. Когда качество бренда, имиджа и идентичности постоянны и устойчивы, это повышает доверие к организации и приносит пользу как организации, так и потребителям, особенно в сфере образования. Например, когда университет или колледж не в состоянии поддерживать качество преподавания, исследований, обслуживания и способность оставаться на вершине мирового рейтинга университетов, это приносит пользу не только учебному заведению, но и сотрудникам, студентам, заинтересованным сторонам, обществу и нации. Согласно Келлеру [15], бренд приносит пользу клиентам различными способами, такими как:

1) клиенты получают выгоду, поскольку бренд определяет источник продукта;

2) бренд выигрывает, поскольку снижает риски и помогает снизить затраты;

3) преимущества бренда, поскольку бренд – это обещание производителя выполнить свое обещание в продукте и знак качества;

4) бренд выигрывает, поскольку производители берут на себя ответственность за бренд. Это выгодно производителям, поскольку бренд защищает и узаконивает уникальные особенности бренда;

5) кроме того, это выгодно этим двум составляющим, поскольку бренд обеспечивает качество, удовлетворяющее вкусы покупателей, придает продуктам уникальную ассоциацию, обеспечивает конкурентные преимущества и может использоваться как источник дохода [4].

Кроме того, бренд выходит за рамки логотипа, и именно клиенты определяют бренд, а не организация. Таким образом, именно опыт студентов обеспечивает репутацию бренда [8]. Следовательно, университет начнет извлекать выгоду из бренда, как только студенты начнут делиться своим опытом работы с брендом публично и в средствах массовой информации. Это делает бренд мощной маркетинговой стратегией и помогает университету

проникнуть на рынок, чтобы найти свою аудиторию и рыночную нишу, особенно в период набора персонала и приема [8].

Проблемы брендинга высшего образования

В эпоху конкуренции и сравнений высшие учебные заведения или университеты вынуждены отличать себя от других университетов, создавая бренды и идентичность. Однако возникает вопрос, в какой степени этот бренд соответствует вкусам потребителей и способен конкурировать с существующими брендами на рынке? На Европейской практической конференции, посвященной особенностям высшего образования, было ясно, что университеты находятся в затруднительном положении и что они должны выделяться на рынке и «выделяться» среди учреждений, предоставляющих те же услуги.

Более того, университеты должны стремиться к совершенству, которое может быть использовано для убеждения или влияния на студентов во время поступления, чтобы они сделали правильный выбор путем сравнения. Поскольку брендинг связан с отличительностью, двухлетнее исследование Оксфордского университета Брукса, финансируемое Фондом высшего образования (HEFCE), определило отличительность как «средство, которое позволяет организации достигать многих своих стратегических целей, оставаясь запоминающимся, аутентичным и четко формулируя то, что она может предложить важным для нее людям». Однако стремление к отличию помогает внутренне усилить чувство принадлежности и лояльности среди студентов и сотрудников. Ниже приведены некоторые из проблем, с которыми сталкиваются или которые ждут в будущем высшие учебные заведения по всему миру:

Приватизация, децентрализация и интернационализация

Вопросы приватизации, децентрализации и интернационализации вышли на первый план и усугубили проблемы вузов. Эти вопросы приобрели актуальность и популярность и привели к созданию частных университетов по всему миру. С тех пор как концепция брендинга была применена в вузах, это повлияло на выбор людей, особенно на то, что студенты тщательно выбирали свои университеты или колледжи, изучив курсы, предлагаемые этими учреждениями, перед зачислением [25]. Это привело к тому, что университеты и колледжи соперничают друг с другом в продвижении

своего бренда и монополизации рынка с точки зрения набора студентов.

Внутренний вызов

Внешние партнеры могут представлять серьезную проблему для университетов, например, крупные доноры и спонсоры становятся слишком требовательными или склонны злоупотреблять брендом или названием бренда. Кроме того, в самих университетах может оказаться затруднительным иметь единый бренд-менеджмент, особенно для факультетов, центров или кафедр, которые децентрализованы или автономны, поскольку они, как правило, имеют свой собственный фирменный стиль. Следовательно, когда университет практикует хорошее управление, его бренд может быть защищен как актив и инструмент продвижения для обеспечения устойчивости [16].

Конкуренция между секторами

Хотя бизнес и образовательные услуги кажутся схожими, их проблемы могут различаться, поскольку образовательные учреждения являются некоммерческими поставщиками, которым, возможно, потребуется быть умнее и более наблюдательными с точки зрения маркетинга и брендинга. Опять же, проблемы для образовательных учреждений могут принимать иную форму, поскольку образовательные бренды полагаются на долгосрочное потребление по сравнению с организациями, не занимающимися образованием [2; 7].

Спрос и предложение

Спрос и предложение между студентами и вузами перешли на более высокий уровень, поскольку текущая тенденция университетов и колледжей по всему миру заключается в применении маркетинговых теорий и принципов для привлечения своих клиентов и получения конкурентных преимуществ [2; 27]. Эти теории и принципы получили дальнейшее применение из-за спроса со стороны густонаселенных континентов, таких как Азия и Африка. Более того, эти требования набирают обороты в связи с тем, что США и другие западные страны, как поставщики, должны находить рычаги для удовлетворения этих требований [2].

Кроме того, эти теории и принципы применяются по мере того, как страны по всему миру соревнуются за снижение уровня неграмотности, а учащиеся, недавно окончившие колледж или среднюю

школу, переезжают в города и столицы, чтобы поступить в университеты своей мечты. В результате этих изменений университеты стремятся создать выигрышный или супербренд, чтобы побудить студентов выбирать свои университеты с помощью своих сильных маркетинговых стратегий и управления брендом [2].

Модернизация

Негативная реакция на плату за обучение, война против традиционного обучения, вызванная онлайн- или дистанционным обучением, и рост студенческой мобильности – вот некоторые из причин, по которым университеты и колледжи нуждаются в фирменном знаке, чтобы выделяться и общаться с будущими студентами. Кроме того, брендинг помогает не только с точки зрения оплаты обучения студентов и дифференциации, но и с точки зрения реализации университетами своего видения посредством заявления о миссии [19].

Справляться с выбором учащихся

В настоящее время студенты ведущих университетов и современных школ в некоторой степени ценят брендинг. Таким образом, Аббас [2] обнаружил, что студенты хотят, чтобы их университеты были брендированы, и чтобы руководство их университетов использовало различные источники для продвижения своих университетов. И снова студенты верят в маркетинговые принципы и стратегии, поскольку хотят, чтобы название их университетов было услышано в социальных сетях.

Кроме того, история, учреждение и репутация университета являются факторами, оказывающими существенное влияние на выбор студентов. Весьма вероятно, что перед зачислением студенты проверяют профиль университета и студентов, окончивших этот университет. Иногда принимаются во внимание даже физические аспекты университета, поскольку студенты в наши дни придают большое значение местоположению, окружающей среде и простору учебного заведения, а также красивым архитектурным проектам зданий, ухоженным садам и современным оборудованию [26].

Устойчивость

В эпоху кардинальных перемен самой большой проблемой, стоящей перед колледжами и университетами, является поддержание

своего бренда или позиций среди избирателей. И наоборот, брендинг должен оставаться неизменным для заинтересованных сторон с точки зрения защиты основных ценностей и миссии организации, а также поддержания этой ценности с помощью визуальной идентичности, которая будет противостоять всем типам современных изменений и обстоятельств на протяжении всего срока службы [22].

Фирменная модель

Модель брендинга высших учебных заведений создана на основе коллективных предложений авторов и идей, почерпнутых из литературы. Модель учитывает, что для создания бренда образовательного учреждения необходимо выполнить три шага – принципы бренда, имидж и идентичность, а также брендинг учебного заведения. Эта модель предполагает, что знание принципов бренда является первым шагом к созданию бренда и помогает определить, что можно и чего нельзя делать в процессе создания бренда. Второй шаг связан с созданием имиджа бренда и идентичности, поскольку идентичность бренда исходит от учреждения в отношении значения бренда и того, как учреждение хочет, чтобы бренд был идентифицирован. Имидж бренда относится к тому, как бренд воспринимается людьми (учащимися, заинтересованными сторонами, потребителями и обществом). Следовательно, для этих целей важно создать имидж бренда и идентичность. Третий шаг – это процесс брендинга учреждения с целью превращения его в глобальную торговую марку. В этой части представлены некоторые шаги и подчеркивается важность наличия уникальной маркетинговой стратегии, поскольку маркетинг играет большую роль в выполнении плана. Кроме того, в нем подчеркивается необходимость учета проблем в процессе брендинга.

Заключение

В этой главе предпринята попытка пролить свет на новые тенденции в ускоренном развитии высших учебных заведений с помощью брендинга. В нем обсуждался новый сдвиг парадигмы в образовании, заключающийся в том, что репутация университета или колледжа становится брендом в продвижение учебного заведения и привлечение клиентов. Он поделился концепцией брендинга в промышленном секторе и ее применением в образовании. В нем обсуждались идеи экспертов и ученых относительно того, зачем

нужен брендинг в образовании. В главе были представлены некоторые принципы бренда и обсуждалась важность создания имиджа бренда и идентичности, а также некоторые шаги в брендинге. Кроме того, в нем были выделены некоторые преимущества брендинга вузов и аргументирована роль маркетинга и предстоящие задачи. И последнее, но не менее важное: в этой главе обобщено то, что было заявлено и аргументировано в литературе, путем создания модели, которой вузы должны следовать при разработке бренда и брендинге учебного заведения.

Кроме того, в этой главе утверждалось, что в том, что касается качественного образования, репутации и опыта, брендинг высших учебных заведений неизбежно. Действительно, студенты сегодня ведут утонченный образ жизни, отличаются дорогими вкусами, уникальностью и разборчивостью, возлагают большие надежды и разбираются в технологиях. Они разумно делают правильный выбор вместе со своими родителями при выборе университета или колледжа бренда. Кроме того, они способны исследовать образовательные рынки и хорошо информированы о ведущих учебных заведениях по всему миру. В наши дни брендинг высшего образования – это не просто предоставление качественного образования, это также репутация учебного заведения на мировом рынке и его достижения с точки зрения возможности трудоустройства его выпускников, продуктивности выпускников на рабочем месте, неоспоримого авторитета учебного заведения среди своих клиентов, его опыта и прочного глобального имиджа. Следовательно, чтобы конкурировать на глобальном уровне и поддерживать международный уровень, университеты или колледжи должны стремиться создавать индивидуальность с помощью брендинга, который будет отличаться от других брендов на рынке.

Важная роль, которую маркетинг играет в брендинге высших учебных заведений, неоспорима, особенно в выявлении потребностей студентов, позиционировании и продвижении по службе. Маркетинг также может использоваться как механизм для изучения спроса на рынке, например, для изучения конкурентов и видов услуг или образовательных программ, которые они предлагают, а также для изучения того, что привлекает студентов в конкретный университет или колледж, и что делает их логотип

привлекательным, а фирменный стиль неотразимым. Этот путь исследования поможет учреждениям определить свои сильные и слабые стороны, а затем извлечь выгоду из сильных сторон и улучшить слабые стороны.

Поскольку образовательные учреждения в значительной степени зависят от платы за обучение студентов в качестве основного дохода и поддержки потребителей и заинтересованных сторон в качестве второго дохода, высшим учебным заведениям необходимо создать уникальный бренд, чтобы привлечь своих коллег или клиентов. Хотя процесс становления бренда образовательного учреждения может занять некоторое время по сравнению с бизнесом, однако, благодаря постоянству и непрерывности отличной работы, рано или поздно то, что вы посеяли, будет пожато, и результаты получат признание во всем мире. В конечном счете, получение выгод принадлежит не только учебному заведению, но и учащимся, работодателям, родителям, правительству и обществу.

Подводя итог, можно сказать, что до тех пор, пока университеты и колледжи зависят в плане доходов от обучения и регистрации студентов, до тех пор, пока у клиентов (студентов и родителей) есть выбор и на рынке представлено множество продуктов или брендов, и постоянно, пока рейтинг университетов используется для оценки результатов исследований университеты и их продуктивность университеты и колледжи должны создавать бренды для привлечения своих клиентов, которые позволят им выжить на мировом рынке и превзойти конкурентов. Действительно, чтобы быть брендированным учреждением, необходимо уметь отвечать на следующие вопросы:

1. Какой у вас бренд?
2. Какой тип бренда вы хотите создать?
3. Каков ваш фирменный стиль?
4. Кто ваша целевая аудитория, клиенты или заказчицы?
5. Что отличает тебя от других?
6. Каковы ваши маркетинговые стратегии?
7. Соответствует ли ваша маркетинговая стратегия вашему фирменному стилю, миссии и ценности вашего заведения?

Библиографический список к главе 8

1. Аакер А.Д. Создание сильных брендов / А.Д. Аакер. – Чатем: Саймон и Шустер, 1996.
2. Аббас С.А. Бренд-менеджмент высших учебных заведений / С.А. Аббас // Международный журнал инновационных и прикладных исследований. – 2014. – №2 (6). – С. 151–172.
3. Бенеке Дж.Х. Маркетинг учебного заведения для будущих студентов – обзор управления брендом (репутацией) в высшем образовании / Дж.Х. Бенеке // Международный журнал бизнеса и менеджмента. – 2011. – №6 (1). – С. 16–28.
4. Бхаян А. Маркетинг высшего образования в странах Персидского залива. Времена Халиджа / А. Бхаян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.khaleejtimes.com/DisplayArticle.asp?xfiles=data/opinion/2010/> (дата обращения: 18.12.2025).
5. Блэк Дж. Брендинг высшего образования / Дж. Блэк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.semworks.net/papers/wp_The-Branding-of-Higher-Education.php (дата обращения: 18.12.2025).
6. Влияние фирменного стиля на воспринимаемый имидж высшего учебного заведения: часть первая / Дж. Бош, Э. Вентер, Ю. Хан, С. Бошофф // Динамика управления. – 2006. – №15 (2). – С. 10–30.
7. Виджандер С. Высшее образование в Индии: коммерциализация и прямые иностранные инвестиции / С. Виджандер // Марксист. – 2007. – №23 (2). – С. 45–188.
8. Гибби Т. Президент Hobsons's говорит, что бренды действительно имеют значение / Т. Гибби [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.timeshighereducation.co.uk/world-university-rankings/2013/reputation-ranking/analysis/hobsons> (дата обращения: 18.12.2025).
9. Герп П. (1996). Ценность институционального бренда высшего образования в переходный период: проблемы измерения и управления. Форум будущего, 2001, 23–26 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://net.educause.edu/ir/library/pdf/ffp0104s.pdf> (дата обращения: 18.12.2025).
10. Гиффорд С. Уроки коммерческого мира / С. Гиффорд // Журнал по образовательному маркетингу. – 2004. – Iss. 33 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.heist.co.uk/corporate_identity/o5270605.cfm (дата обращения: 18.12.2025).
11. Годесвар Б.М. Формирование идентичности бренда на конкурентных рынках: концептуальная модель / Б.М. Годесвар // Журнал управления продуктами и брендами. – 2008. – №17 (1). – С. 4–12.
12. Дуайер М. Брендинг университета завтрашнего дня / М. Дуайер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://interbrand.com/en/views/45/branding-tomorrows-university> (дата обращения: 18.12.2025).
13. Джухдни Н.Х. Узнаваемость бренда и значение бренда в развитии бренда услуг для высшего образования Малайзии / Н.Х. Джухдни,

Х.А.М. Салле // Алия Ханум Мохд. Саллах, Ахмад Азми М. Ариффин, Джун М.Л. Пун, Айни Аман (ред.). Исследования в области управления услугами и маркетинга в Малайзии. – Банги: UKM-Высшая школа бизнеса Университета Кебангсаан, Малайзия, 2009. – С. 141–159.

14. Kantanen H. Соответствуем ли мы предложениям нашего бренда? Идентичность организации, имидж университета и точки зрения заинтересованных сторон // Брендинг в высшем образовании. Изучение нового явления / под ред. Б. Стенсакера, В. Д'Андреа. – Амстердам: EAIR, 2007. – С. 56–72.

15. Келлер К. Стратегическое управление брендом – создание, измерение и управление капиталом бренда / К. Келлер. – 3-е изд. – Река Аппер-Седл: Пирсон Прентис Холл, 2008.

16. Коппинг Д. Бренд университета имеет реальную коммерческую ценность / Д. Коппинг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.timeshighereducation.co.uk/world-universityrankings/2013/reputation-ranking/analysis/a-universitys-brand> (дата обращения: 18.12.2025).

17. Котлер П. Стратегический маркетинг для образовательных учреждений / П. Котлер, К. Фокс. – 2-е изд. – Энглвуд-Клиффс: Прентис-Холл, 1995.

18. Макки С. 50 лучших идей брендинга / С. Макки, Б. О'Мэлли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.universitybusiness.com/article/50-best-branding-ideas> (дата обращения: 18.12.2025).

19. Мерсино Д. Не зло: почему брендинг важен в образовании / Д. Мерсино [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ingeniosus.net/archives/not-evil-why-branding-matters-in-education> (дата обращения: 18.12.2025).

20. Нха Н. Имидж и репутация высших учебных заведений в «решениях об удержании студентов» / Н. Нха, Г. Леблан // Международный журнал управления образованием. – 2001. – №15 (6). – С. 303–311.

21. Ридер П. На пути к глобализации бренда / П. Ридер // Образовательный маркетинг. – 2003. – №28. – С. 26–27.

22. Розен Д. Брендинг в высшем образовании: что это такое и почему это важно / Д. Розен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eduniverse.org/branding-higher-education-what-it-and-why-it-matters> (дата обращения: 18.12.2025).

23. Салливан А.П. Как сделать колледж неотразимым брендом / А.П. Салливан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.forbes.com/sites/forbesleadershipforum/2012/08/23/how-to-make-a-college-anirresistible-brand/> (дата обращения: 18.12.2025).

24. Scarborough E. (2007). The branding of higher education: The great awakening in the hallowed halls of academia. Simpson Scarborough. Intelligent marketing for higher education [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazine.austincollege.edu/fall09/webxtras/Branding_HallowedHalls_Scarborough.pdf, accessed 17 June 2017 (дата обращения: 18.12.2025).

25. Харша П.П. Создание ценности бренда высшего учебного заведения / П.П. Харша, С. Шах // ИДЖМТ. – 2011. – №19,2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ijmtpublication.com/files/IJMT_volume%2019_2_13r.pdf (дата обращения: 18.12.2025).

26. Хини Дж.-Дж. Брендинг частных высших учебных заведений Австралии для иностранных студентов / Дж.-Дж. Хини, П. Райан, М.Ф. Хини // Конференция Академии мирового бизнеса по маркетингу и развитию менеджмента (Оулу, 12–15 июля 2010 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consulted.biz/Papers.htm> (дата обращения: 18.12.2025).

27. Хемсли-Браун Дж.В., Оплата И. (2007). Рыночная ориентация образовательных учреждений высшего образования: разработка пилотного инструмента. Доклад в Академии маркетинга (SIG) по маркетингу высшего образования, Университет Этвеша Лоранда в Венгрии, Будапешт, 4–6 апреля 2007 г.

28. Чаплео С. Барьеры на пути создания бренда в университетах Великобритании? / С. Чаплео // Международный журнал по маркетингу некоммерческого и добровольного сектора. – 2006. – №12 (1). – С. 23–32.

29. Чен Х. Мода или будущее: преимущества и проблемы массовых открытых онлайн-курсов (МООС) / Х. Чен, Д.Р. Барнетт, С. Стивенс. – Сент-Чарльз: Линденвудский университет, 2013.

30. Поведение потребителей / Л. Шиффман, Д. Беднолл, А. О'Касс [и др.]. – 3-е изд. – Сидней: Pearson Education, 2005.

31. Шварц Дж.Д. Школа как бренд: Северо-Западный маркетинг. Brandweek. – 1993. – №34 (45). – С. 28–29.

32. Шарма С.А. Оценка эффективности бренда, ориентированного на потребителя, для индийских бизнес-школ / С.А. Шарма, В.Р. Рао, С. Попли // Маркетинг для высшего образования. – 2013. – №23 (2). – С. 175–203.

ГЛАВА 9

DOI 10.31483/r-152940

Федорова Ирина Анатольевна

Краевская Анна Геннадьевна

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОНТРАКТА НА ОКАЗАНИЕ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК: ПУБЛИЧНО- ПРАВОВЫЕ И ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

***Аннотация:** глава посвящена комплексному исследованию правовой природы государственного контракта на оказание медицинских услуг в системе государственных закупок, представляющего собой уникальный правовой феномен с двойственной природой. В работе обосновывается, что государственный контракт на оказание медицинских услуг занимает пограничное положение на стыке нескольких отраслей права: административного, регулирующего процедуру заключения контракта, гражданского, определяющего содержание договорных обязательств, медицинского, устанавливающего специальные требования к субъектам и стандарты качества медицинской помощи, и бюджетного, регламентирующего финансовую основу исполнения контракта. Детально рассматриваются публично-правовые элементы контракта, проявляющиеся на стадии его заключения через императивные нормы Федерального закона №44-ФЗ.*

Анализируется особая роль медицинского права через установление императивных требований к лицензированию, материально-технической базе, квалификации персонала, соблюдению порядков и стандартов оказания медицинской помощи, а также влияние бюджетного законодательства на правовую природу контракта через принципы расходования бюджетных средств и процедуры санкционирования расходов. Обосновываются перспективы развития правового регулирования, включающие необходимость дифференцированного подхода к регулированию различных видов медицинских услуг.

Ключевые слова: государственный контракт, медицинские услуги, государственные закупки, смешанный договор, контрактная система, гражданское право, медицинское право, бюджетное право, принципы контрактной системы, обеспечение конкуренции, единая информационная система, публичный интерес, частный интерес, договорная природа, возмездное оказание услуг, предмет контракта, права и обязанности сторон, гражданско-правовая ответственность, стандарты медицинской помощи, порядки оказания медицинской помощи, лицензирование медицинской деятельности, качество медицинской помощи, бюджетные средства, казначейское сопровождение, государственный контроль.

Abstract: the chapter is devoted to a comprehensive study of the legal nature of a state contract for the provision of medical services in the public procurement system, which is a unique legal phenomenon with a dual nature. The article argues that a state contract for the provision of medical services occupies a borderline position at the intersection of several branches of law: administrative law, which regulates the procedure for concluding a contract, civil law, which defines the content of contractual obligations, medical law, which establishes special requirements for subjects and standards of medical care quality, and budgetary law, which regulates the financial basis for the execution of a contract. The article examines in detail the public law elements of the contract, which manifest themselves at the stage of its conclusion through the mandatory provisions of Federal Law No. 44-FZ.

The article analyzes the special role of medical law through the establishment of mandatory requirements for licensing, material and technical base, and personnel qualifications.

Keywords: state contract, medical services, public procurement, mixed contract, contract system, civil law, medical law, budgetary law, principles of the contract system, ensuring competition, unified information system, public interest, private interest, contractual nature, paid provision of services, subject of the contract, rights and obligations of the parties, civil liability, standards of medical care, procedures for providing medical care, licensing of medical activities, quality of medical care, budget funds, treasury support, and state control.

Государственный контракт на оказание медицинских услуг представляет собой уникальный правовой феномен, отражающий сложное взаимодействие публичного и частного права в современной правовой системе Российской Федерации, при этом двойственная природа данного контракта проявляется в том, что он одновременно выступает как инструмент публичных закупок, регулируемый административным законодательством, и как договор на оказание медицинских услуг, подчиняющийся нормам гражданского права, что обуславливает необходимость теоретического анализа правовой природы государственного контракта в сфере медицины и соотношения норм различных отраслей права в регулировании этих специфических отношений.

Государственный контракт на оказание медицинских услуг следует квалифицировать как смешанный договор в понимании статьи 421 Гражданского кодекса РФ, который содержит элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами, однако специфика государственного контракта заключается не только в смешении различных гражданско-правовых договоров, но и в сочетании публично-правовых и частноправовых элементов, что выводит его за рамки классической цивилистической конструкции. Такая двойственность обусловлена особым субъектным составом, поскольку одной из сторон выступает публично-правовое образование (Российская Федерация, субъект РФ или муниципальное образование) в лице уполномоченного государственного или муниципального заказчика, действующего в публичных интересах и в рамках жестко регламентированных процедур [1; 2].

С точки зрения теории права государственный контракт на оказание медицинских услуг занимает пограничное положение на стыке нескольких отраслей права, где административное право регулирует процедуру заключения контракта (закупочные процедуры, требования к участникам, порядок определения поставщика), гражданское право определяет содержание договорных обязательств, права и обязанности сторон, порядок исполнения и ответственность за нарушение условий контракта, медицинское право как комплексная отрасль устанавливает специальные требования к субъектам, оказывающим медицинские услуги, стандарты

качества медицинской помощи и права пациентов, а бюджетное право регламентирует финансовую основу исполнения контракта и порядок расходования бюджетных средств, при этом такое многоотраслевое регулирование создает сложную правовую конструкцию, требующую системного подхода к толкованию и применению норм.

Публично-правовой характер государственного контракта наиболее ярко проявляется на стадии его заключения, поскольку весь процесс закупок медицинских услуг регулируется Федеральным законом №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», который устанавливает императивные правила, не допускающие отступлений по соглашению сторон. Ключевыми публично-правовыми аспектами регулирования выступают обязательность планирования закупок, в рамках которой заказчик обязан формировать планы закупок и планы-графики, размещать их в единой информационной системе, что обеспечивает прозрачность и предсказуемость государственных расходов в сфере здравоохранения, строго регламентированные способы определения поставщика, когда закон устанавливает закрытый перечень способов определения поставщика (конкурс, аукцион, запрос котировок, запрос предложений, закупка у единственного поставщика), каждый из которых имеет детальную процедурную регламентацию, обязательность размещения информации в единой информационной системе, при которой все сведения о закупке, начиная от извещения и документации и заканчивая протоколами и заключенным контрактом, подлежат обязательному размещению в информационной системе, что обеспечивает публичный контроль, а также специальные требования к содержанию документации, которые законодательство детально регламентирует, включая описание объекта закупки, требования к участникам и критерии оценки заявок [4].

Закон №44-ФЗ устанавливает систему принципов контрактной системы, которые имеют публично-правовую природу и обязательны для всех участников закупочных отношений, при этом принцип открытости и прозрачности предполагает свободный и безвозмездный доступ к информации о закупках, что отличает государственные закупки от частных сделок, где стороны не обязаны

раскрывать информацию третьим лицам, принцип обеспечения конкуренции требует от заказчика создавать условия для участия максимального числа поставщиков, что может вступать в противоречие с частноправовым принципом свободы договора, принцип профессионализма заказчика возлагает на государственного заказчика обязанность обладать специальными знаниями и компетенциями, что не характерно для частноправовых отношений, принцип стимулирования инноваций направлен на достижение публичных целей развития медицины и здравоохранения, что выходит за рамки интересов конкретных сторон договора, а принцип единства контрактной системы обеспечивает единообразие закупочных процедур на всей территории Российской Федерации, что является проявлением публично-правового регулирования [4].

Принципиальное отличие государственного контракта от частного договора заключается в том, что государство выступает заказчиком не в собственных интересах, а в интересах общества, что накладывает на заказчика специфические обязанности, включающие обязанность обоснования закупки и начальной (максимальной) цены контракта, запрет на создание преимуществ отдельным участникам закупки, ответственность за эффективность расходования бюджетных средств, обязанность осуществления закупок у субъектов малого и среднего предпринимательства в установленном объеме, а также обязанность учитывать требования к закупаемым товарам, работам, услугам с точки зрения их воздействия на окружающую среду, при этом в сфере медицинских услуг публичный характер закупок проявляется в том, что конечными выгодоприобретателями являются не стороны контракта, а пациенты, получающие медицинскую помощь, что требует особого внимания к качественным характеристикам закупаемых услуг.

Публично-правовая природа государственного контракта предопределяет наличие развитой системы государственного контроля за соблюдением законодательства о контрактной системе, в рамках которой органы внутреннего государственного финансового контроля (Федеральное казначейство, контрольно-счетные органы) осуществляют контроль за соблюдением законодательства на всех стадиях закупочного процесса, Федеральная антимонопольная служба контролирует соблюдение конкуренции при

осуществлении закупок и рассматривает жалобы участников закупок, а прокуратура осуществляет надзор за законностью в сфере закупок, при этом такая многоуровневая система контроля не характерна для частноправовых отношений и является ярким проявлением публично-правовой природы государственного контракта.

Несмотря на значительное публично-правовое регулирование процедуры заключения, государственный контракт по своей правовой природе остается договором, то есть соглашением двух или более лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей (статья 420 ГК РФ), при этом договорный характер контракта проявляется в добровольности участия, когда несмотря на публичный характер закупки участие в ней является добровольным и никто не может быть принужден к заключению контракта (за исключением случаев заключения контракта с единственным поставщиком по инициативе заказчика), в согласовании условий, когда в рамках процедур определения поставщика стороны согласовывают существенные условия будущего контракта, хотя и в специфической форме (через подачу заявки и выбор победителя), а также в равенстве сторон при исполнении, когда после заключения контракта стороны находятся в равном положении как субъекты гражданского оборота, хотя публично-правовые элементы сохраняются (например, в части одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта) [1; 2].

Содержание контракта составляют конкретные медицинские услуги, определение которых носит гражданско-правовой характер и включает вид медицинских услуг (например, амбулаторно-поликлиническая помощь, стационарная медицинская помощь, высокотехнологичная медицинская помощь, профилактические медицинские осмотры), объем услуг как количественное выражение закупаемых услуг (например, количество посещений, пролеченных больных, койко-дней), качественные характеристики как требования к порядку и условиям оказания медицинских услуг, которые должны соответствовать порядкам оказания медицинской помощи и стандартам медицинской помощи.

Содержание контракта составляют взаимные права и обязанности сторон, регулируемые нормами гражданского права, где обязанности исполнителя (медицинской организации) включают

оказание медицинских услуг в соответствии с условиями контракта, порядками и стандартами оказания медицинской помощи, обеспечение наличия необходимой материально-технической базы и квалифицированного медицинского персонала, ведение медицинской документации и предоставление отчетности заказчику, соблюдение прав пациентов в соответствии с Федеральным законом от №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», а также обеспечение конфиденциальности сведений о пациентах, при этом права исполнителя включают требование своевременной и полной оплаты оказанных услуг, получение необходимой информации от заказчика и возможность в случаях, предусмотренных законом, отказаться от исполнения обязательств, тогда как обязанности заказчика включают своевременную и полную оплату оказанных услуг, принятие оказанных услуг и подписание соответствующих актов, содействие исполнителю в исполнении контракта и осуществление контроля за исполнением контракта, а права заказчика включают требование надлежащего исполнения обязательств, осуществление контроля за качеством оказываемых услуг, возможность в случаях, предусмотренных законом и контрактом, отказаться от исполнения контракта в одностороннем порядке, а также применение мер ответственности к исполнителю за ненадлежащее исполнение обязательств, что в совокупности свидетельствует о том, что содержание прав и обязанностей сторон носит гражданско-правовой характер и регулируется нормами Гражданского кодекса РФ о договорах возмездного оказания услуг (глава 39 ГК РФ) с учетом специфики медицинских услуг [1–3].

Оплата медицинских услуг по государственному контракту осуществляется на основании гражданско-правовых принципов эквивалентности и возмездности, когда оплата производится после фактического оказания услуг на основании актов выполненных работ (оказанных услуг), акты подписываются обеими сторонами, что подтверждает факт оказания услуг и их приемку заказчиком, порядок и сроки оплаты определяются контрактом в соответствии с требованиями Закона №44-ФЗ, а авансирование может предусматриваться контрактом в случаях и порядке, установленных Правительством РФ, при этом приемка медицинских услуг осуществляется путем создания заказчиком приемочной комиссии, проверки

соответствия оказанных услуг условиям контракта, оценки качества оказанных услуг и подписания акта приемки или мотивированного отказа от приемки, что свидетельствует о том, что механизм оплаты и приемки услуг основан на гражданско-правовых конструкциях и отражает возмездный и эквивалентный характер договорных отношений сторон [4].

Ответственность сторон за нарушение условий контракта носит гражданско-правовой характер и регулируется положениями Гражданского кодекса РФ, при этом ответственность исполнителя включает уплату неустойки (штрафа, пени) за просрочку исполнения обязательств, возмещение убытков, причиненных заказчику ненадлежащим исполнением, а также возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью пациентов при оказании медицинских услуг (деликтная ответственность), причем специфика ответственности за ненадлежащее оказание медицинских услуг заключается в том, что она может наступать не только перед заказчиком по контракту, но и перед пациентами как потребителями медицинских услуг в соответствии с Законом РФ №2300-1 «О защите прав потребителей» и Федеральным законом №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», тогда как ответственность заказчика включает уплату неустойки за просрочку оплаты и возмещение убытков, причиненных исполнителю [1; 2; 5; 7].

Соотношение административно-правового и гражданско-правового регулирования государственного контракта можно охарактеризовать как последовательное применение, когда на стадии заключения контракта действуют административно-правовые нормы, устанавливающие процедуру определения поставщика, а на стадии исполнения контракта применяются преимущественно гражданско-правовые нормы, однако это разграничение не является абсолютным, поскольку публично-правовые элементы сохраняются на стадии исполнения в виде обязательного казначейского сопровождения контракта, контроля органов Федерального казначейства за соответствием информации в единой информационной системе фактическим обстоятельствам, права заказчика на односторонний отказ от исполнения контракта в случаях, установленных Законом №44-ФЗ, и обязательного включения в контракт положений об ответственности в размерах, установленных

Правительством РФ, тогда как частноправовые элементы присутствуют на стадии заключения в виде возможности подачи участником закупки запроса на разъяснение положений документации, согласования сторонами проекта контракта и возможности заключения контракта на иных условиях в случае снижения цены, что в совокупности свидетельствует о том, что взаимодействие административного и гражданского права в регулировании государственного контракта носит комплексный характер, и эти отрасли не исключают, а дополняют друг друга [4].

Медицинское право, понимаемое как комплексная отрасль, объединяющая нормы различных отраслей права, регулирующие отношения в сфере охраны здоровья, играет особую роль в регулировании государственных контрактов на оказание медицинских услуг через установление императивных требований медицинского законодательства, включающих лицензирование медицинской деятельности (Федеральный закон №99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»), соответствие медицинской организации требованиям к ее материально-технической базе, наличие у медицинских работников соответствующего образования и сертификатов специалиста (свидетельств об аккредитации), соблюдение порядков оказания медицинской помощи и стандартов медицинской помощи, а также соблюдение прав пациентов (информированное добровольное согласие, врачебная тайна), при этом эти требования не могут быть изменены соглашением сторон контракта и подлежат обязательному включению в условия контракта либо применяются в силу прямого указания закона. Специфика регулирования качества медицинских услуг заключается в том, что в отличие от большинства других видов услуг качество медицинских услуг регулируется не только условиями контракта и общими нормами гражданского законодательства, но и специальными актами, включающими порядки оказания медицинской помощи по профилям и заболеваниям, стандарты медицинской помощи и клинические рекомендации (протоколы лечения), что в совокупности свидетельствует о том, что медицинское законодательство устанавливает публично-правовые рамки, в которых осуществляется гражданско-правовое регулирование отношений по государственному контракту [6].

Бюджетное законодательство оказывает существенное влияние на правовую природу государственного контракта, устанавливая принципы расходования бюджетных средств (эффективность, экономность, результативность), определяя полномочия главных распорядителей, распорядителей и получателей бюджетных средств, регламентируя процедуры санкционирования расходов и проведения платежей, а также устанавливая ответственность за нецелевое использование бюджетных средств, при этом влияние бюджетного законодательства проявляется в том, что цена контракта не может превышать лимиты бюджетных обязательств, доведенных до заказчика, заключение и оплата контрактов осуществляется в пределах утвержденных бюджетных ассигнований, контракт подлежит казначейскому сопровождению, а заказчик несет ответственность за эффективность расходования средств [3].

Одной из центральных проблем правового регулирования государственных контрактов на оказание медицинских услуг является конфликт между публичным интересом в эффективном расходовании бюджетных средств и частным интересом в свободе договора, который проявляется в ограничении свободы формирования условий контракта, когда заказчик не может свободно определять условия контракта, а должен соблюдать требования законодательства о закупках, что может входить в противоречие с необходимостью учета специфики конкретной медицинской организации или особенностей оказания медицинских услуг, в императивности размеров ответственности, когда стороны не могут по своему усмотрению определить размеры неустойки, что ограничивает принцип свободы договора, а также в ограничениях на изменение условий контракта, когда Закон №44-ФЗ устанавливает закрытый перечень оснований для изменения существенных условий контракта, что не позволяет сторонам гибко реагировать на изменение обстоятельств [4].

Особая проблема возникает в связи с соотношением стандартов оказания медицинской помощи, устанавливаемых Министерством здравоохранения РФ, и условий конкретного контракта, поскольку, с одной стороны, стандарты носят императивный характер и обязательны для всех медицинских организаций, а с другой стороны, контракт может предусматривать дополнительные требования или,

напротив, не в полной мере обеспечивать финансирование всех медицинских услуг, предусмотренных стандартами, что создает правовую неопределенность относительно того, должна ли медицинская организация оказывать медицинские услуги в полном соответствии со стандартами, даже если это не обеспечено финансированием по контракту, или она вправе ограничиться теми услугами, которые предусмотрены контрактом, при этом судебная практика исходит из приоритета требований медицинского законодательства, однако это создает риски для медицинских организаций, вынужденных оказывать услуги без соответствующего финансового обеспечения.

Еще одна проблема связана с тем, что конечными получателями медицинских услуг являются пациенты, которые не являются стороной контракта, при этом пациенты имеют самостоятельные права, предусмотренные Федеральным законом №323-ФЗ и Законом о защите прав потребителей, что порождает вопрос о том, может ли пациент требовать предоставления медицинских услуг, которые не предусмотрены контрактом между заказчиком и медицинской организацией, но входят в стандарты медицинской помощи, при этом законодательство не дает однозначного ответа на этот вопрос, что создает правовую неопределенность и риск конфликта интересов пациента, медицинской организации и заказчика [5].

Анализ правовой природы государственного контракта на оказание медицинских услуг показывает необходимость дифференцированного подхода к правовому регулированию различных видов медицинских услуг, при этом представляется целесообразным выделить стандартизированные медицинские услуги (профилактические осмотры, диспансеризация, стационарная помощь по стандартам), для которых возможно применение более жестких публично-правовых процедур закупки (электронные аукционы), высокотехнологичную медицинскую помощь, требующую применения конкурсов с оценкой по нескольким критериям, где цена не является единственным критерием оценки, а также специализированные медицинские услуги (редкие заболевания, уникальное оборудование), которые могут закупаться у единственного поставщика при обосновании невозможности конкурентных процедур.

Необходимо законодательное закрепление механизмов защиты прав пациентов как конечных выгодоприобретателей по государственным контрактам на оказание медицинских услуг, включающих закрепление права пациентов на ознакомление с условиями контракта в части, касающейся объема и качества медицинских услуг, установление механизма общественного контроля за исполнением контрактов на оказание медицинских услуг, а также создание процедур досудебного урегулирования споров между пациентами и медицинскими организациями по вопросам качества и объема оказанных услуг, при этом ключевой задачей является обеспечение соответствия между требованиями стандартов медицинской помощи и финансовым обеспечением их выполнения через государственные контракты, что требует установления правила об обязательности финансирования всех услуг, предусмотренных стандартами медицинской помощи, создания механизмов корректировки цены контракта при изменении стандартов медицинской помощи в период его действия, а также предусмотрения ответственности заказчиков за заключение контрактов с недостаточным финансовым обеспечением стандартов.

Таким образом, государственный контракт на оказание медицинских услуг представляет собой сложную правовую конструкцию, сочетающую публично-правовые и частноправовые элементы, при этом его двойственная природа обусловлена одновременным действием норм административного права, регулирующих процедуру заключения контракта, норм гражданского права, определяющих содержание договорных обязательств, норм медицинского права, устанавливающих специальные требования к качеству медицинской помощи, и норм бюджетного права, регламентирующих финансовую основу исполнения контракта, что требует комплексного подхода к правовому регулированию и дальнейшего совершенствования законодательства в направлении гармонизации публичных и частных интересов, дифференциации правового регулирования различных видов медицинских услуг и усиления защиты прав пациентов как конечных получателей медицинской помощи.

Государственный контракт на оказание медицинских услуг представляет собой сложную правовую конструкцию,

сочетающую публично-правовые и частноправовые элементы. Его двойственная природа обусловлена, с одной стороны, необходимостью обеспечения публичных интересов в эффективном расходовании бюджетных средств, прозрачности и конкуренции при осуществлении закупок, а с другой стороны – частноправовым характером договорных отношений по оказанию медицинских услуг.

Публично-правовые элементы контракта проявляются в императивном регулировании процедуры его заключения (Федеральный закон №44-ФЗ), обязательности соблюдения принципов контрактной системы (открытость, прозрачность, конкуренция) и развитой системе государственного контроля. Частноправовые элементы выражаются в договорной природе контракта, гражданско-правовом регулировании его содержания (предмет, права и обязанности сторон, порядок оплаты) и применении норм гражданского законодательства об ответственности [4].

Специфика государственных контрактов на оказание медицинских услуг заключается в необходимости учета императивных требований медицинского законодательства (лицензирование, стандарты оказания медицинской помощи, права пациентов), что требует согласованного применения норм административного, гражданского, медицинского и бюджетного права.

Правоприменительная практика выявляет проблемы: конфликт публичного и частного интереса, несоответствие стандартов медицинской помощи и их финансового обеспечения, неопределенность правового положения пациентов. Требуется дальнейшее совершенствование законодательства в направлении дифференциации регулирования различных видов медицинских услуг, усиления защиты прав пациентов и гармонизации стандартов с финансовым обеспечением.

Понимание двойственной правовой природы государственного контракта важно для правильного применения законодательства и совершенствования правового регулирования в этой сфере.

Библиографический список к главе 9

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – №32. – Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 №14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. – 29.01.1996. – №5. Ст. 410.
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 №145-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 03.08.1998. – №31. – Ст. 3823.
4. Федеральный закон от 05.04.2013 №44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 08.04.2013. – №14. – Ст. 1652.
5. Федеральный закон от 21.11.2011 №323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Российская газета. – 23.11.2011. – №263.
6. Федеральный закон от 04.05.2011 №99-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Парламентская газета. – 13–19.05.2011. – №23.
7. Закон РФ от 07.02.1992 №2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. – 15.01.1996. – №3. – Ст. 140.

ГЛАВА 10

DOI 10.31483/r-152683

Круглов Владимир Николаевич

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ IT-СФЕРЫ

Аннотация: исходя из имеющихся наработок национального проекта «Цифровая экономика», можно сказать, что, несмотря на возникающие в начале работы с новым программным обеспечением проблемы, зачастую сложную адаптацию персонала, отсутствие достаточного количества профессиональных кадров на начальном этапе внедрения программного обеспечения, а также других проблемных вопросов, глобальный процесс импортозамещения в Российской Федерации уже не остановить. Именно исследование данного процесса и лежит в основе главы. На базе отбора критериальных значений управленческих алгоритмов группы компаний «Калуга Астрал», работающих в сфере информационных технологий, ведётся поиск новых инновационных путей развития, предлагаются нестандартные решения по совершенствованию имеющейся системы менеджмента.

Ключевые слова: IT-отрасль, регион, программное обеспечение, проектный менеджмент, инновационная экономика, цифровизация, альтернативный подход, коммуникационные каналы, кластеризация, критериальный подход.

Abstract: based on the existing developments of the Digital Economy national project, it can be said that, despite the problems that arise at the beginning of working with new software, the often difficult adaptation of personnel, the lack of sufficient professional personnel at the initial stage of software implementation, as well as other problematic issues, the global process of import substitution in the Russian Federation cannot be stopped. It is the study of this process that forms the basis of the proposed material. Based on the selection of criteria for the management algorithms of the Kaluga Astral group of companies working in the field of information technology, new innovative ways of

development are being sought, and non-standard solutions are being proposed to improve the existing management system.

Keywords: *IT industry, region, software, project management, innovative economy, digitalization, alternative approach, communication channels, clustering, and criteria approach.*

Командная работа является ключевым элементом в эффективном управлении ИТ-проектами. Поведение коллектива определяет особенности методов. Стоит отметить, что в настоящее время руководство предприятий всё больше направляют свой фокус внимания преимущественно на конкретных индивидов, но не берёт в расчёт всю группу, работающую над проектом. Тем не менее, при выявлении проблем с качеством и эффективностью работы управленец начинает искать надежных и квалифицированных специалистов.

С возрастанием количества людей в команде, возрастает количество коммуникационных каналов, появляются сложности с тем, чем должен быть занят конкретный человек. В командной работе всегда требуется целеустремленность. Необходимо постоянно искать нестандартные подходы, стремиться к непрерывному самосовершенствованию для достижения общей цели. В командной работе всегда требуется автономность. Гибкие методы подразумевают свободу в выборе способов ведения работ. Руководство ставит цель, команда определяет способ достижения цели. Задания не распределяются директивно, отсутствует предоставление подробных отчетов руководству. Ключевой фактор работы – результат, который будет представлен по завершении всего проекта.

При формировании команд необходимо учитывать особенности характера, темперамента, индивидуальных предпочтения каждого сотрудника. Данный подход к организации коллективной работы осуществляют все мировые топ-компании в области информатизации [1, с. 98].

Только при наличии в составе команды сотрудников 4-х типов личности (пионера, драйвера, интегратора и стража) возможна результативная командная работа. Такой подход уменьшает количество разногласий, выявляет слабые и сильные стороны команды, помогает в понимании себя и окружающих людей.

Ключевая задача руководителя – точное определение цели и всяческая помощь подчинённым. Правильное управление командой строится не на указаниях, а на добровольных обязательствах. В работе 1954 г. «The Practice of Management» Питер Друкер выявил 5 критериев «SMART» для определения целей, при соблюдении которых цель будет обязательно достигнута [2, с. 116].

1. Time-bound (ограниченная во времени).
2. Measurable (измеримая).
3. Specific (конкретная).
4. Relevant (релевантная, актуальная).
5. Achievable (достижимая).

При возникновении проблем необходимо проанализировать систему, в которой возникли неполадки, и исправить ошибки, нельзя искать виноватых. Ключевое значение в проекте имеют только решения, принятые на определённый момент.

Для эффективного функционирования методов разработки проектов необходимо уделять большое внимание мотивации сотрудников. Методы Scrum и Kanban предполагают, что команду составляют вдохновленные, прилежные, независимые и целеустремленные участники [3, с. 206].

Согласно принятым стандартам, сотрудник не должен ассоциировать себя со своей профессией, сотрудник должен ассоциировать себя с проектом, в котором он участвует. Значимость профессий в команде уходит на второй план. В проектной группе могут быть только «члены команды», но не дизайнеры, тестировщики и т. д.

Необходимо поддерживать правильную атмосферу, сформировавшуюся внутри коллектива. Мероприятия по обучению корпоративной культуре и повышению сплочённости коллектива (team-building) оказывают положительное влияние [4, с. 54].

Если соблюдать все вышеперечисленные правила, то индекс счастья, который количественно оценивает роль каждого члена команды, связь с компанией и самоудовлетворенность работой, повышается до максимальной отметки, что говорит о росте результативности команды.

У метода Scrum существует достаточное количество ограничений, которые возникают во время возникновения срочных задач,

для которых необходимо немедленное решение (например, баги) [5, с. 29].

Обычно, экспериментальным путем команда приходит к удобным для себя условиям работы, а постоянное экспериментирование с целью улучшения позволяет модернизировать метод Kanban. Поскольку в методологии Kanban отсутствуют фиксированные временные рамки, как у спринтов в Scrum, заказчик может добавить задачу в любое время. С точки зрения гибкости Kanban является лучшим выбором, нежели Scrum [6, с. 12]. Рассмотрим предпочтения при выборе алгоритмов управления на примере субъекта хозяйственной деятельности.

Группа компаний «Калуга Астрал» основана 4 октября 1993 года. Уже к 2001 году компания смогла создать более 180 технико-экономических обоснований на постройку собственных мини-теплоэлектростанций. Начинает формироваться потребность в точных вычислениях, поскольку приборостроение требует знаний информатики.

В апреле 2019 года в акционерном обществе открывается «IT-школа», которая вскоре переросла в другой проект – «Астрал. Академия». Главной стала бесплатная основа получения знаний, но к обучению, помимо школьников, со временем стали допускаться и взрослые. Преподавателями выступают сами сотрудники АО «Калуга Астрал». Обучающий фактор позволил диверсифицировать продуктовую линейку организации.

Помимо общеобразовательных предметов в академическом пространстве, ученики углубленно осваивают информатику на базе компании «Калуга Астрал» и предприятий ИКТ-кластера Калужской области. В рамках дополнительного образования они проходят программирование, компьютерный дизайн, администрирование серверов, IT-безопасность [7, с. 232].

Для проведения дополнительного профильного образования организованы учебные лаборатории и лектории. Для углубленного изучения IT-технологий приглашаются преподаватели из ведущих российских и зарубежных компаний по разработке ПО. Основным ориентир – дети, проживающие в Калужской области и соседних регионах [8, с. 221].

Проведем анализ сильных и слабых сторон предприятия при помощи SWOT-анализа. Для наглядности результаты сравнения приведем к табличному виду. Результат представлен в таблице 1.

Таблица 1

Матрица SWOT-анализа АО «Калуга Астрал»

<i>Внешняя среда</i>	<i>Внутренняя среда</i>
Возможности (Opportunities)	Сильные стороны (Strengths)
<p>Себестоимость разрабатываемой продукции снизилась</p> <p>Выход на IT-рынок продуктов, связанных с медициной</p> <p>Возможно получение новых линий дистрибуции в связи с уходом с рынка мелких IT фирм</p> <p>Рост спроса на предоставляемые услуги</p> <p>Развитие филиалов по поддержке продуктов</p> <p>Децентрализованная разработка продуктов</p> <p>Возможно увеличение федеральных расходов, дотируемых из госбюджета для оснащения структур электронным документооборотом</p> <p>Отсутствие естественных монополий в IT кластере гарантирует сохранность свободы рынка</p> <p>Отсутствие аналогов на отечественном рынке и недостаток импортозамещающей продукции</p> <p>Поддержка продуктов компании решениями на законодательном уровне</p>	<p>Наличие большого штата сотрудников, имеющих различную специализацию в IT-</p> <p>Хорошее управление финансовыми потоками</p> <p>Достаточная капитализация и кредитная история, чтобы восстанавливать и продолжать деятельность после кризиса</p> <p>Известная торговая марка и имидж компании</p> <p>Диверсификация на несколько смежных сегментов рынка</p> <p>Устойчивость продуктов, как основы финансирования компании</p>
Угрозы (Great)	Слабые стороны (Weakness)
<p>Низкий уровень и попуток при остром кризисе. Результат – издержки на поддержание инфраструктуры в этих условиях</p> <p>Нестабильность национальной валюты затрудняет импорт</p> <p>Возрастание рисков, связанных с законодательством, курсом экспорта – импорта.</p>	<p>Наличие низко прибыльных продуктов в компании</p> <p>Избыточная инфраструктура для актуализации старых версий продуктов</p> <p>Отсутствие четкой задач и показателей для развития в будущем</p>

Окончание таблицы 1

Угрозы (Great)	Слабые стороны (Weakness)
Сокращение числа дилеров, а значит каналов продаж Усиление конкуренции в борьбе за выживание. Падение прибыли в IT бизнесе	Слабая взаимная работа с партнерскими сетями Большое количество офисов в разных частях России, повышает расходы. Повышение финансовых рисков.
Трудности в создании дистрибьюционных схем в регионы Изменение курса страны в вопросах рыночной экономики Возможность политического коллапса Возможность потери страной экономической самостоятельности	Сложности в управлении существующей инфраструктурой, несовершенство информационной системы Проблемы взаимодействия в различных точках разработки или технической поддержки продуктов Неоптимальный продуктовый ряд – рынок требует новых продуктов

По данным исследования слабых и сильных сторон в компании необходимо провести работу по расшивке узких мест в следующих направлениях:

- усиление партнерской сети для дистрибуции продуктов;
- диверсификация IT-продуктов, разработка новых решений в новых отраслях;
- развитие информационных систем управления различными подразделениями компании;
- повышение квалификации персонала;
- ускорение перехода пользователей на новые версии программ для снижения затрат на поддержку старых версий.

Одна из наиболее значимых категорий программных продуктов – «Электронный документооборот». Организация электронного документооборота с контролирующими органами и с контрагентами. Описание электронного документооборота сводится к разъяснению взаимодействия трёх участников: отправитель – оператор – адресат. Отправитель создаёт документ, подписывает (заверяет) его электронной подписью, отправляет через оператора ЭДО к адресату. Получив электронный документ, адресат может

скорректировать его (внести правки), отправить обратно, либо согласиться с полученными данными, утвердив их.

Роль оператора ЭДО – обеспечить технически процесс удалённого обмена данными и получения допуска к нужному файлу при помощи программ. Кроме этого, оператор обеспечивает безопасность не только передачи данных, но и серверных и облачных приложений для хранения.

Еще одним направлением деятельности ЗАО «Калуга Астрал» являются комплексные решения по маркировке. Если говорить простым языком, то маркировка – это нанесение на объект графических знаков или символов для его дальнейшей идентификации. В рамках государственного проекта это значит, что каждая единица товара должна иметь свой уникальный идентификационный знак. По нему можно отследить путь продукта от производственной линии до потребительской корзины. В цепочку движения продукции от производственной линии до потребителя вовлечены все организации и предприятия, через которые она проходит.

Также направлением продуктов ЗАО «Калуга Астрал» является «Передача фискальных данных». Операторы фискальных данных (ОФД) – это организации, которые обрабатывают, хранят и передают фискальные данные в налоговую службу. Кроме налогового контроля, ОФД следят за отчётами продаж, брендированием кассовых чеков и другими аспектами работы касс. По сути, оператор ОФД – это посредник между пользователем кассы и Федеральной налоговой службой (ФНС). Подключение к оператору фискальных данных обязательно для всех владельцев онлайн-касс. Кроме связи с ФНС оператор фискальных данных предоставляет дополнительные услуги.

Для любого бизнеса важно реально видеть те рычаги, которыми он может управлять – внутренние ресурсы компании, а также понимать факторы, находящиеся вне зоны воздействия – внешние угрозы. Для роста компании в долгосрочной перспективе необходимо развивать сильные стороны и перекрывать ими недостатки развития [9, с. 17].

Как стало понятно из анализа, а АО «Калуга Астрал» одновременно разрабатывается, модернизируется и обслуживается большое количество программных продуктов. Для этого необходимо

взаимодействие большого количества команд разработчиков и координация их усилий.

Из имеющихся сегодня альтернатив для дальнейшего поступательного развития необходимо выбрать наилучшую. Для этого следует построить многокритериальную модель принятия решения и сделать выбор на основе результатов моделирования.

Можно сказать, что как Scrum, так и Kanban используются для построения правильных процессов разработки в компании АО «Калуга Астрал». Но необходимо внести ряд изменений, касающихся как самой методологии разработки, так и программной системы мониторинга за процессом разработки [10].

Рассмотрим применение новой схемы управления проектом разработки ИТ приложения с использованием предлагаемых инструментов.

ИТ проект, разрабатываемый силами АО «Калуга Астрал» под определенные требования заказчика будет реализован в 12 этапов. Для удобства и наглядности используется диаграмма Ганта.

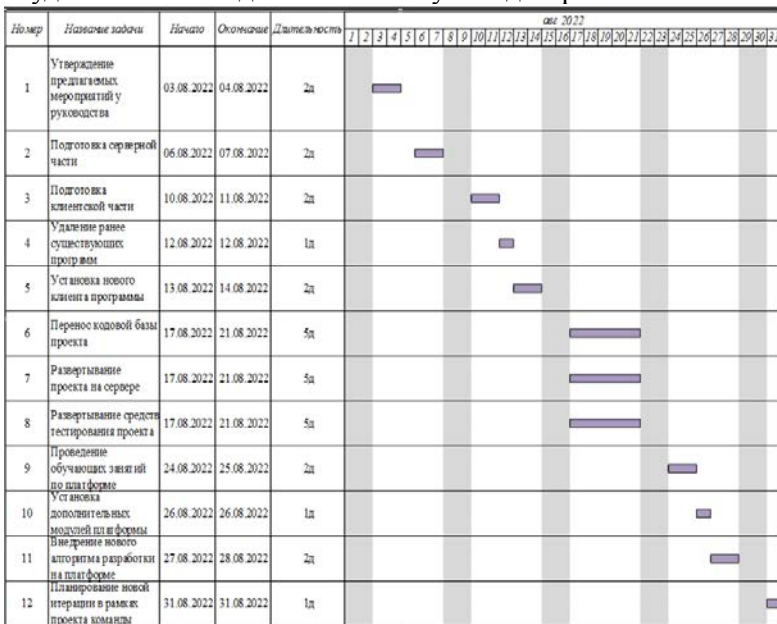

Рис. 1. Диаграмма Ганта для реализации календарного плана проекта

Данный календарный план согласован с руководством и рассчитан на один рабочий месяц.

Для построения финансового плана проекта разработки ИТ-приложения необходимо проанализировать исходные финансовые условия, в которых происходит разработка нового программного продукта, что отражено в таблице 2.

Таблица 2

Исходные данные финансового плана проекта

Наименование статьи		Ед. изм.
1. объем продаж	450,00	ед. в мес.
2. цена одной единицы	4500,00	руб.
3. стоимость приобретаемого оборудования	0,00	руб.
4. ежемесячные постоянные издержки:		
- на производство	40000,00	руб.
- управление	0,00	руб.
- маркетинг	5000,00	руб.
5. повременная заработная плата:		
- производство	700000,00	руб.
- управление	80000,00	руб.
- маркетинг	40000,00	руб.
6. налог с оборота	20,00%	%
7. начисления на заработную плату	44,02%	%
8. собственные средства	3,00	млн. руб.
9. ставка дисконтирования	8,00%	%
10. продолжительность инвестиционного периода	1	мес.

Ежемесячный средний объем предварительных заказов копий программы составляет около 450 единиц в месяц. Стоимость 1 копии программы 4500 рублей. Оборудование для разработки будет использоваться текущее, поэтому затраты на оборудование обнуляются.

Постоянные издержки на рекламу составляют 5000 рублей в месяц. Постоянные издержки на производство составляют около 40000 рублей в месяц. Постоянные издержки на производство включают в себя ежемесячную плату за свет на 10 компьютеров

около 4000 рублей в месяц и использование трех программ для разработки на сумму 36000 рублей.

Данный комплекс программ поставляется отдельно и включает в себя 3 программы для отдельных членов команды:

- для программистов и менеджеров – комплекс «Redmine» – стоимость 19000 рублей в месяц;

- для дизайнеров – комплекс «Figma» – стоимость 4000 рублей в месяц;

- для тестирования и развертывания – комплекс «Heroku» – стоимость 13000 рублей в месяц.

В будущем предполагается заменить комплекс указанных программ на одну централизованную программу управлением разработкой программного обеспечения – AzureDevOps, которая была выбрана при помощи математической модели в рамках предложений по совершенствованию алгоритма управления проектами.

Повременная заработная плата составляет в сумме 820000 рублей. Повременная заработная плата по категориям составляет:

- 700000 рублей разработчики;

- 80000 рублей менеджеры;

- 40000 рублей маркетолог.

Команда состоит из 13 человек: 1 дизайнер, 2 тестировщика, 7 разработчиков, 2 менеджера, 1 маркетолог.

Собственные средства – 3000000 рублей.

Налог с оборота (НДС) – составляет 20%

Начисления на заработную плату – 44,02%. Структура данных выплат приведена в таблице 3.

Таблица 3

Структура налоговых выплат

Налог или взнос	Ставка
НДФЛ (Подоходный налог)	13%
на пенсионное страхование	22%
на соцстрахование (больничные, декреты, уходы за пожилыми)	3,9%
на ОМС	5,1%
на соцстрахование на случай банкротства работодателя	0,02%
на травматизм	от 0% до 8,5%
Всего	от 44,02% до 52,52%

Ставка дисконтирования была принята за 18%. А 10% – ставка банковских кредитов для IT-сферы в современных условиях и 8% премия за риск.

Продолжительность инвестиционного периода – 1 месяц предварительная подготовка платформы для проекта.

Рассчитаем финансовый план на первые 3 месяцев проекта (табл. 4).

В первый месяц было израсходовано порядка 1,7 млн. рублей. Остаток от акционерного капитала составил 1,3 млн рублей. В последующие месяцы продукт ежемесячно приносит прибыль в размере 394 тысяч рублей. К концу 3-го месяца баланс наличности возвращается к исходным уровням капитала и составляет 2,1 млн. рублей.

На основании 3-месячного финансового плана построим финансовый план на 5 лет с шагом планирования 1 год (табл. 4).

Таблица 4

**Финансовый план реализации проекта разработки
IT-приложения на 3 месяца до использования предлагаемого
алгоритма управления проектами**

	Период	1 месяц	2 месяц	3 месяц
1.	Поступления от сбыта продукции	-	2 025 000,00	2 025 000,00
2.	Постоянные издержки	865 000,00	865 000,00	865 000,00
3.	Налоги	765 964,00	765 964,00	765 964,00
4	Денежный поток от оперативной деятельности	-1 630 964,00	394 036,00	394 036,00
5.	Собственный (акционерный) капитал	3 000 000,00	-	-
6.	Денежный поток от финансовой деятельности	3 000 000,00	-	-
7.	Баланс наличности на начало периода	-	1 369 036,00	1 763 072,00
8.	Баланс наличности на конец периода	369 036,00	1 763 072,00	2 157 108,00

Данный расчет финансового плана проводился до изменения алгоритма управления проектами и использования единого программного продукта для все участников проекта. После замены программного обеспечения по управлению проектами уменьшатся постоянные издержки на производстве, а именно: плата за использование стороннего программного обеспечения. Теперь все программы для: дизайнеров, тестировщиков, разработчиков, менеджеров, маркетологов, – заменяются одним программным комплексом – AzureDevOps.

Таблица 5

Финансовый план проекта на 5 месяца до использования предлагаемого алгоритма управления проектами

	Период	1 год	2 год	3 год	4 год	5 год
1.	Поступления от сбыта продукции	22 275 000	22 275 000	22 275 000	22 275 000	22 275 000
2.	Постоянные издержки	10 380 000	10 500 000	10 500 000	10 500 000	10 500 000
3.	Налоги	9 191 568	9 191 568	9 191 568	9 191 568	9 191 568
4.	Денежный поток от оперативной деятельности	2 703 432	2 583 432	2 583 432	2 583 432	2 583 432
5.	Собственный (акционерный) капитал	3 000 000,	-	-	-	-
6.	Денежный поток от финансовой деятельности	3 000 000	-	-	-	-
7.	Баланс наличности на начало периода	-	5 703 432	8 286 864	10 870 296	13 453 728
8.	Баланс наличности на конец периода	5 703 432	8 286 864	10 870 290	13 453 728	16 037 160

Месячная стоимость программного комплекса для всех участников проекта оценивается в 25000 рублей.

На месячном плане заметен прирост наличности на сумму около 40000 рублей на конец периода, что говорит о положительном

экономическом эффекте предлагаемого алгоритма управления проектами.

Теперь необходимо сравнить баланс наличности на конец периода за 5 лет до и после внедрения предлагаемого алгоритма проектного управления. До внедрения инновации баланс наличности на конец периода составлял: 16 037 160 рублей. После внедрения инновации баланс наличности на конец периода составлял: 16 697 160 рублей. Разница составила 660 000 рублей в качестве экономической выгоды проекта. Но необходимо также учесть такие показатели, как: NPV, PI, BVP, IRR.

После проведённых расчётов разница между суммой входных и выходных потоков NPV составил 11,8 млн рублей. Индекс прибыльности PI находится на уровне 1,14. Период окупаемости проекта составляет менее года. Внутренняя норма доходности составляет 25%.

Таким образом, можно сделать выводы, что эффективность внедренных инноваций, следующая:

Разница в NPV составила 571 490,92 рублей, что говорит о более высокой доходности проекта по сравнению с проектом без внесения изменений в алгоритм управления и использования программного комплекса по управлению разработкой программного обеспечения.

Разница в PI составила 0,007654577, что говорит о более высокой доходности получаемый на один рубль инвестиций, проекта по сравнению с проектом без внесения изменений в алгоритм управления и использования программного комплекса по управлению разработкой программного обеспечения.

Разница в IRR составила 1%, что говорит о том, что при такой ставке процента инвестор сможет возместить свою первоначальную инвестицию быстрее.

Разница в BVP не замечено при интервале отсчета 1 год. Проект также окупается за срок менее 1 года.

Таким образом, предлагаемые мероприятия могут быть применимы для АО «Калуга Астрал» и позволят предприятию получить устойчивую конкурентную позицию. А лучшими методами, основанными на философиях Agile/Lean и используемыми для разработки программного обеспечения, в том числе ведущими IT-компаниями США, являются методологии Scrum и Kanban.

178 Развитие российской социально-экономической системы: вызовы и перспективы

Таким образом, нами проанализирована деятельность предприятия АО «Калуга Астрал». Это предприятие уже давно зарекомендовало себя на рынке программного обеспечения как конкурентоспособной субъект, идущий в ногу со временем и имеющий конкурентное преимущество на рынке IT-бизнеса. Алгоритм деятельности дает понимание, каким образом разные внутренние и внешние условия могут влиять на выбор новых методов информационного обеспечения процесса.

В ходе исследования предложены варианты совершенствования методов реализации IT-проектов, а также предложены мероприятия по улучшению внутренних коммуникаций в процесс планирования. Из нескольких комплексов по управлению разработкой программных продуктов выбран наиболее эффективный. Это подтверждают результаты экономических расчетов, согласно которым ожидается экономия около 700 000 рублей. В ходе работы определена оптимальная модель программного обеспечения для управления разработкой IT-проектов, отвечающая требованиям компании. Все расчеты проведены по методу TOPSIS. Согласно им, наиболее подходящей моделью является программный продукт – AzureDevOps-предназначенный для налаживания коммуникаций в работе команды проекта. На базе этого разработан календарный план, в котором приведены основные этапы проектирования и внедрения изменений в разработку программного обеспечения и их длительность.

Произведен расчет, показывающий разницу при разработке программного продукта без использования предлагаемого алгоритма и его использованием. Расчеты оказывают, что применение алгоритма значительно сократило расходы и повысило эффект. Разница в NPV составила 571 490,92 рублей, что говорит о более высокой доходности проекта по сравнению с проектом без внесения изменений в алгоритм управления и использования программного комплекса по управлению разработкой программного обеспечения. Разница в PI составила 0,007654577, что говорит о более высокой доходности получаемый на один рубль инвестиций. Разница в IRR составила 1%, что говорит о том, что при такой ставке процента инвестор сможет возместить свою первоначальную инвестицию быстрее.

Следует также отметить, что предложенные изменения совпадают с целями инновационной деятельности, а также с направлением развития предприятия АО «Калуга Астрал», а также и всей сферы данной индустрии.

Библиографический список к главе 10

1. Азарян Е.М. Маркетинговые модели сервиса / Е.М. Азарян // Секрет фирмы. – 2019. – №4. – С. 97–100 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sf-online.ru> (дата обращения: 11.12.2025).
2. Афонин В.В. Моделирование систем: учебное пособие / В.В. Афонин, С.А. Федосин – М.: Интернет-университет информационных технологий (ИНТУИТ), 2019. – 269 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/52179.html> (дата обращения: 10.11.2025).
3. Белашов Л.А. Эффективность производства. Высшая школа / Л.А. Белашов. – 257 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_cid=25&pl1_id=37005 (дата обращения: 10.11.2025).
4. Воронов Д.С. Конкурентоспособность предприятия: оценка, анализ, пути повышения / Д.С. Воронов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vds1234.narod.ru/?22.html> (дата обращения: 10.11.2025).
5. Захир М.Б. Конкурентоспособность и производственное превосходство в малом предпринимательстве: монография / М.Б. Захир; отв. ред. Л. П. Наговицына. – Новосибирск: Наука, 2019. – 132 с.
6. Ильенков С.Д. Книжки / Менеджмент / Инновационный менеджмент / С.Д. Ильенков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://exsolver.narod.ru/Books/Management/Innov_man/ (дата обращения: 10.11.2025).
7. Казиев В.М. Введение в анализ, синтез и моделирование систем: учебное пособие / В.М. Казиев. – М.: Интернет-университет информационных технологий (ИНТУИТ), 2018. – 270 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/52188.html> (дата обращения: 05.11.2025).
8. Круглов В.Н. Инструментальные подходы к оценке информационных систем управление в рамках стратегического и внутрифирменного планирования деятельности на основе «PYTHON» / В.Н. Круглов, А.И. Саматова // Финансовый менеджмент. – 2025. – №1. – С. 215–228. – ISSN 1607-968X. EDN QNTQRP
9. Круглов В.Н. Автоматизация процесса оценки эффективности информационных систем управления с помощью Python в PyCharm: Community Edition / В.Н. Круглов, А.И. Саматова // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. – 2025. – Т. 16. №2. – С. 7–20. – doi: <http://doi.org/10.18287/2542-0461-2024-15-3-164-179>. EDN UFFGAN
10. Официальный сайт АО «Калуга Астрал» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://astral.ru/> (дата обращения: 15.11.2025).

ГЛАВА 11

DOI 10.31483/r-153169

Казимиров Максим Сергеевич

К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ, ФАКТОРАХ И ДИНАМИКЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПРАВОСЛАВИЯ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.

Аннотация: глава посвящена комплексному анализу процесса возрождения православия в России на рубеже XX–XXI веков. В работе освещены ключевые предпосылки, обусловившие возможность начала этого процесса после десятилетий проведения государством непримиримой антирелигиозной политики, включая глубокую историческую укорененность православия и системный кризис советской идеологии. Выявлены и охарактеризованы ключевые факторы, сыгравшие решающую роль в запуске и поддержании динамики религиозного ренессанса, в том числе политические изменения, провозглашение свободы совести, социальные запросы общества и активная внутренняя деятельность Русской Православной Церкви. Особое внимание уделено динамике процесса возрождения православия и роста религиозности жителей России в целом – от периода бурного количественного роста до этапов качественного развития, институционализации и появления новых вызовов. В заключительной части изыскания автор формулирует вывод об актуальном на момент проведения исследования состоянии развития институтов Русской Православной Церкви в Российской Федерации.

Ключевые слова: возрождение православия, ревитализация православия, Русская Православная Церковь, РПЦ, церковно-государственные отношения, религиозный ренессанс, духовное возрождение.

Abstract: this chapter provides a comprehensive analysis of the revival of Orthodoxy in Russia at the turn of the 20th and 21st centuries. It highlights the key preconditions that enabled this process to begin after decades of uncompromising state antireligious policies, including the deep historical roots of Orthodoxy and the systemic crisis of Soviet

ideology. It identifies and characterizes the key factors that played a decisive role in initiating and sustaining the dynamics of the religious renaissance, including political changes, the proclamation of freedom of conscience, the social demands of society, and the active internal activities of the Russian Orthodox Church. Particular attention is paid to the dynamics of the revival of Orthodoxy and the growth of religiosity among Russians as a whole—from a period of rapid quantitative growth to stages of qualitative development, institutionalization, and the emergence of new challenges. In the final section of the study, the author formulates a conclusion on the current state of development of the institutions of the Russian Orthodox Church in the Russian Federation at the time of the study.

Keywords: *revival of Orthodoxy, revitalization of Orthodoxy, Russian Orthodox Church, ROC, church-state relations, religious renaissance, spiritual revival.*

Понятие «возрождение религии» прошло длительный путь эволюции в религиоведении и истории. Так, вплоть до начала эпохи Ренессанса эта концепция в современном смысле практически отсутствовала. Столетиями религия оставалась всеобъемлющей нормой, а не чем-то подверженным упадку в масштабе общества [9, с. 27].

Наиболее близки для этого хронологического периода по смыслу и содержанию понятия «реформирование» и «обновление». В частности, одним из ярких примеров реформирования служит Ключийская реформа в католицизме, призванная осуществить возвращение к «чистоте» изначального учения. В свою очередь, примерами обновления, логически связанного с всплеском интереса к духовным вопросам под влиянием религиозных идей, богата эпоха Возрождения. Основной отличительной особенностью этого периода являлось отсутствие противопоставления «возрождения» и «упадка», поскольку тезис о системном упадке религии еще не был сформирован.

С наступлением Просвещения и распространением идей рационализма в Европе и Северной Америке появилась и идея о том, что религия может терять свое влияние в обществе, а религиозность населения может снижаться. Приведем в пример «Великие

Пробуждения» в США и Великобритании – в XVIII–XIX вв. концепция «религиозного пробуждения» тогда оформилась как массовое, эмоционально наполненное движение за моральное реформирование общества и усиление евангелизации. Оно воспринималось как реакция Церкви и сообщества верующих в наиболее широком смысле на рационализм, секуляризацию и духовную «спячку» [19, с. 22].

В середине XX в. в социологии религии доминирующей стала теория секуляризации, заметный вклад в развитие которой, среди прочих, внес П. Бергер. Согласно этой теории, модернизация, индустриализация, урбанизация и рационализация неизбежно ведут к снижению роли религии в общественной и личной жизни [14, с. 60]. В этом контексте «религиозное возрождение» и связанные с ним коннотации часто рассматривались как своеобразная «аномалия» или временное явление, не способное изменить общий вектор секуляризации, заключающийся в неуклонном снижении роли религии в жизни всего человечества. Считалось, что религия сохраняет сильные позиции лишь в неразвитых странах, тогда как развитые движутся к полной секуляризации.

Для следующего хронологического периода, ограниченного рамками конца XX – начала XXI в., свойственна, напротив, всесторонняя переоценка вышеизложенных нарративов и «десекуляризация». Возрождение религии и рост религиозности стало восприниматься в качестве глобального тренда. Так, к концу XX в. стало очевидно, что теория секуляризации не в полной мере отражает глобальные процессы. Напротив, наблюдался всплеск религиозности в различных регионах мира – отдельно отметим исламский рывок, рост протестантизма в Латинской Америке и Африке, возрождение православия в ряде стран постсоветского пространства. В частности, сам П. Бергер выступил с опровержением своего аналитического прогноза, признав, что мир «так же, если не более, религиозен, чем был раньше» [16, с. 707]. При этом важно отметить, что используемое нами понятие «возрождение» является сложным и включает в себя как минимум пять сторон – институциональную, культурную, социальную, личностную и идеологическую. Так, институциональное возрождение предполагает прежде всего восстановление разрушенных храмов, монастырей, церквей и часовен, а

также строительство новых, и рост числа священнослужителей и приходов. Культурное, среди прочего, предусматривает возрастание общественного интереса к религиозной культуре, искусству и традициям. Социальное – предполагает активизацию благотворительности, социального служения, участия религиозных организаций в общественной жизни. Личностное – предусматривает увеличение числа людей, идентифицирующих себя как верующих, и их воцерковление. Наконец, идеологическое связано прежде всего с возвращением религиозных ценностей в публичный дискурс, рост их влияния на политику, право и мораль.

Одними из наиболее дискуссионных объектов научных споров остаются вопросы влияния религии на общество. В зависимости от общественно-политической конъюнктуры и иных многочисленных факторов, она может как препятствовать общественному прогрессу в части, например, повышения общего уровня жизни людей и индекса развития человека, так и служить катализатором глубинных прогрессивных изменений. Автор предполагает, что духовные устремления людей, объединенные при «должном» использовании ее инструментария, могут быть использованы при формировании целостного, основанного на принципах гуманизма мира, а также способствовать экономическому развитию. Но где же проходит та, достаточно тонкая, грань, разделяющая конструктивное и деструктивное влияние религиозных институтов на общество, и по какому из этих векторов ныне развивается Русская Православная Церковь?

Словарь «Религии народов современной России» 2002 г. определяет сложное понятие «возрождение религии в России» как политико-правовой и социально-культурный процесс, связанный с восстановлением в своих правах религиозной культуры, свободы совести, легализацией и ростом социальной активности религиозных организаций и верующих [12, с. 64]. В качестве события, ставшего одновременно отправной точкой начала кардинального изменения официальной государственной и партийной политики СССР и нижней хронологической границей этого изыскания, обозначим избрание М.С. Горбачева на пост генерального секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза 11 марта 1985 г.

Обратим, однако, внимание читателей на то, процесс этого «разворота» не был молниеносным. Известно, что принятая решением двадцать седьмого съезда партийная программа, как и предшествовавшие ей программные документы, содержала тезис о продолжении борьбы с религией, а сам вновь избранный генсек в своих устных выступлениях не единожды отмечал недопустимость примирения с ней [5, с. 44]. Тем не менее, начавшиеся глубинные изменения всех сфер жизни общества Советского Союза к тому времени уже фигурировали в ряде отчетных и аналитических документов, многие из которых ныне опубликованы, находятся в открытом доступе и доступны для изучения научным сообществом. Один из них – доклад председателя Совета по делам религий при Совете министров СССР К.М. Харчева, из которого следует, что на момент сбора сведений, в 1988 г., не менее трети родившихся в стране младенцев были крещены, а не менее трети покойников отпеты [6, с. 112]. Годом ранее эта же структура выступила с предложением наделить религиозные организации правами юридических лиц и разрешить им вести пропагандистскую деятельность. Несмотря на то, что тогда это предложение было отклонено, сам факт его официального рассмотрения служит свидетельством начала описываемых нами фундаментальных изменений. В списках реабилитированных репрессированных числилось все больше имен священнослужителей, впервые с первых послевоенных лет был отмечен значительный рост численности православных приходов.

В числе одного из ключевых катализаторов изменения официальной государственной и партийной политики в отношении Церкви отметим празднование 1000-летнего юбилея со дня Крещения Руси. В ознаменование этой памятной даты РПЦ были возвращены десятки святынь, движимых и недвижимых объектов имущества. Кроме того, важным политическим событием того же 1988 г. стала встреча М.С. Горбачева с членами Священного Синода. Ее ключевым результатом стало приглашение, адресованное генеральным секретарем к Русской Православной Церкви, наладить сотрудничество с партийно-государственными органами в области морали и нравственности [13, с. 385]. Закономерным следствием череды этих событий стало прежде всего изменение позиционирования религиозных институтов средствами массовой

информации, взаимообусловленное изменением их восприятия обществом в целом. Так, описание деятельности Церкви отныне практически не сопровождалось резкой критикой, а звучавший в ее отношении тон стал сдержанно нейтральным или вовсе одобрительным. Год спустя патриарх Пимен (в миру Сергей Михайлович Извеков) был избран народным депутатом Верховного Совета СССР, а еще через год сразу пять «служителей культа» – четыре православных и один буддистский – стали народными депутатами аналогичного органа на уровне РСФСР и вошли в состав Комитета по свободе совести [3, с. 152].

Известно, что Верховный Совет РСФСР являлся ее высшим органом одновременно государственной и законодательной власти. Результатом работы ранее нами упомянутого Комитета по свободе совести в начале последнего десятилетия XX в. стал закон РСФСР «О свободе вероисповеданий», в соответствии с положениями которого религиозным объединениям была предоставлена беспрецедентная свобода [4]. В частности, были отменены практически все ограничения, ранее действовавшие в их отношении – например, обязательная регистрация, впоследствии обернувшаяся «наплывом» сотен новых духовных организаций. В декабре того же 1990-го года Рождество Христово – главный праздник христиан всех конфессий, вплоть до настоящего времени традиционно отмечаемый православными практически на всем постсоветском пространстве 7 января – решением Верховного Совета РСФСР был объявлен выходным днем.

Как нами уже было отмечено, прямым последствием проведения новой религиозной политики в последние месяцы существования СССР стал беспрецедентный рост численности новых религиозных организаций. Так, если, по данным органов юстиции сначала РСФСР, а впоследствии и Российской Федерации, в 1990 г. было зарегистрировано 3450 православных, 870 мусульманских, 31 иудейских, 23 католических, 12 буддистских и 9 кришнаитских, то уже в 1996 г. действовало 7195 православных, 2494 мусульманских, 80 иудейских, 183 католических, 124 буддистских и 112 кришнаитских религиозных организаций. Таким образом, рост численности православных объединений в процентном соотношении составил 52,05%, мусульманских – 65,12%, иудейских – 61,25%,

католических – 87,43%, буддистских – 90,32%, кришнаитских – 91,96%. В абсолютных значениях рост численности этих, наиболее многочисленных конфессий, за шесть лет составил 43,14%, то есть с 4395 до 10188. Кроме того, был констатирован рост количества языческих религиозных организаций, в том числе 7 древнерусских и 2 шаманских, приходов «раскольнической» Российской православной автономной церкви, а также бахаизма, даосизма, тантризма и индуизма [12, с. 607].

При этом сделать выводы более частного характера о численности каждого отдельно взятого прихода по каждой из упомянутых нами конфессий не представляется возможным: если в мусульманских, протестантских, иудейских и других организациях как правило ведется учет постоянных прихожан, в Русской Православной Церкви – наиболее многочисленной в России религиозной организации – такая практика отсутствует.

Обращает на себя внимание ценный массив статистических данных, отраженный в словаре «Религии народов современной России». В процентном соотношении к общей численности населения РСФСР и Российской Федерации в 1989–1995 гг. авторы приводят сведения о динамике его религиозной ориентации. Так, в 1989 г. атеистами себя назвали 71% респондентов, православными христианами – 20, последователями других религий – 9. Заметно ситуация изменилась в 1991 г. в связи с распадом Советского Союза и крахом коммунистической идеологии: так, атеистами себя считали уже 56% опрошенных, православными христианами – 34%, последователями других религий – 10%. Незначительный «откат» фиксируется в 1993 г., когда 59% процентов респондентов обозначили себя как атеистов, 33% как православных христиан и 8% как последователей других религий. Последующий, однако, опрос констатировал повышение общего уровня религиозности при значении в 50% опрошенных как неверующих, 37% как православных христиан и 13% как последователей других религий [12, с. 608]. Для наглядности сведем отраженные в исследовании статистические данные в графическую форму (рис. 1).

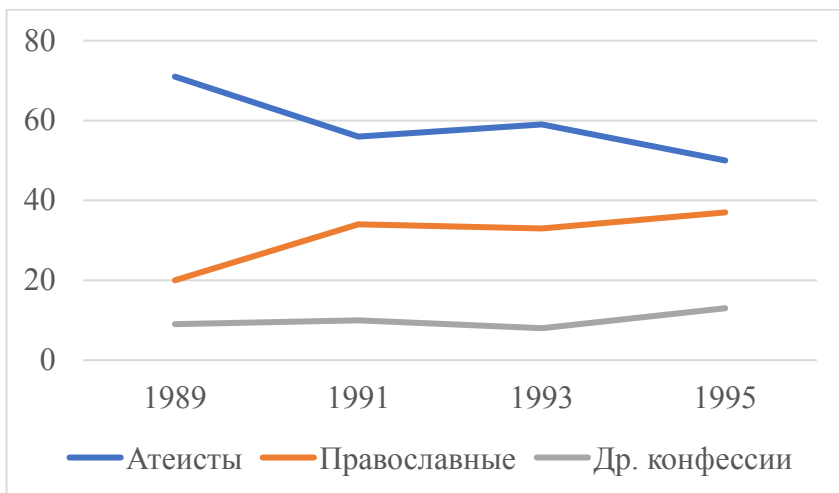

Рис. 1. Динамика изменения религиозной ориентации жителей РСФСР и Российской Федерации в 1989–1995 гг.

В Словаре также приведены данные о динамике конфессионального состава в масштабах Российской Империи, Советского Союза и Российской Федерации. Автор исследования выделяет католиков, протестантов, мусульман, буддистов, иудеев, атеистов и православных христиан (без учета старообрядцев). Так, согласно данным, относящимся к имперскому периоду и основанным на материалах Переписи населения 1897 г., общая численность населения составляла около 125 млн. подданных, из них – 71,3% православные, 9,2% католики, 3% протестанты, 11,2% мусульмане, 0,4% буддисты, 4,2% иудеи. Общая численность населения Советского Союза к моменту распада составляла приблизительно 270 млн. граждан, из них – 22,8% православные, 5,5% католики, 3% протестанты, 18,5% мусульмане, 0,4% буддисты, 0,2% иудеи, 50% атеисты. В середине последнего десятилетия XX в. население Российской Федерации составляло около 149 млн. граждан, из них: 33–40% православных, 0,2% католиков, 0,7% протестантов, 10–13% мусульман, 0,7% буддистов, 0,7% иудеев, 0,2–0,3% последователей «новых религиозных движений» и приблизительно 50% атеистов [12, с. 609]. Эти сведения также сведем в графическую форму (рис. 2).

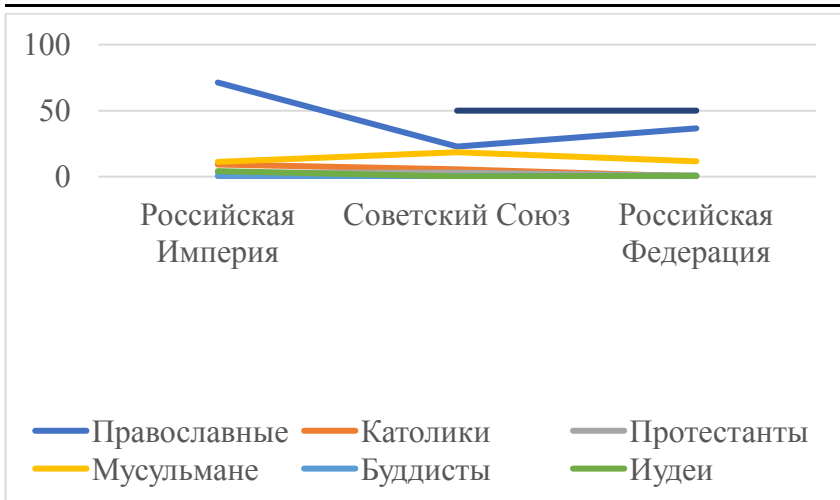

Рис. 2. Динамика изменения конфессионального состава Российской Империи (1897 г.), Советского Союза (1991 г.) и Российской Федерации (1995 г.).

Не меньший интерес вызывают и данные о динамике зарегистрированных в 1990–1998 гг. органами юстиции РСФСР и Российской Федерации религиозных объединений. Так, их рост в пределах этого хронологического периода составил 58,48%, увеличившись с 6650 организаций в 1990 г. сначала до 13580 в 1995 г., а затем и до 16017 в 1998 г. Традиционно большую часть из них составляли христианские православные церкви, количество которых с 1990 по 1998 гг. возросло с 3772 до 9124, то есть на 58,66%. Этот показатель включает и различные старообрядческие общины, численность которых, однако, наоборот сократилась на 23,4% — с 265 до 203. Количество организаций, относящихся к двум оставшимся мировым религиям — исламу и буддизму — возросло [12, с. 609]. В графическом выражении описанная нами динамика может быть представлена следующим образом (рис. 3).

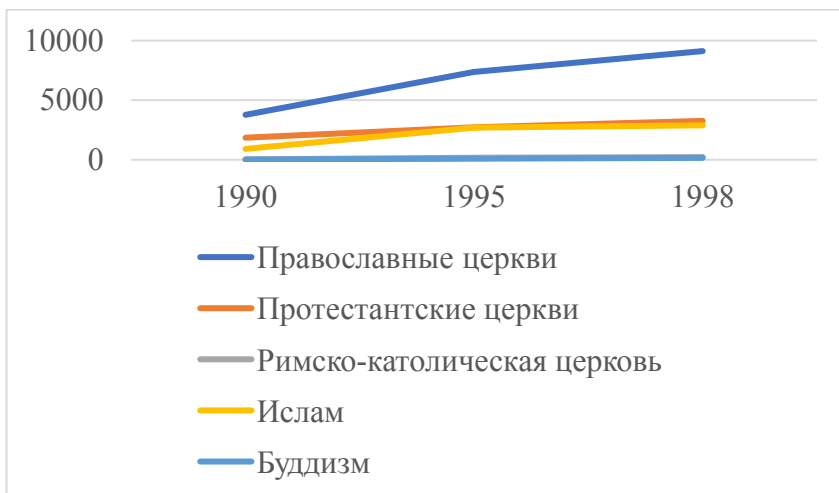

Рис. 3. Динамика изменения численности духовных организаций России, относящихся к мировым религиям

Устойчивый количественный рост демонстрировали римско-католическая и различные протестантские церкви, в том числе баптистские, евангелистские, пятидесятнические, методистские и пресвитерианские, а также Свидетели Иеговы, Адвентисты седьмого дня. Практически, однако, не претерпела изменений численность лютеранских общин, а меннонитские и вовсе практически исчезли. Достаточно видное место в пестром религиозном соцветии России последнего десятилетия XX в. занимали условно «новые» религиозные движения, в частности вайшнавы, Вера Бахай и различные харизматические церкви. Впоследствии, однако, им не удалось занять прочные позиции на конфессиональной «карте» страны [12, с. 609]. Сведения о них также включены в предложенный ниже график (рис. 4).

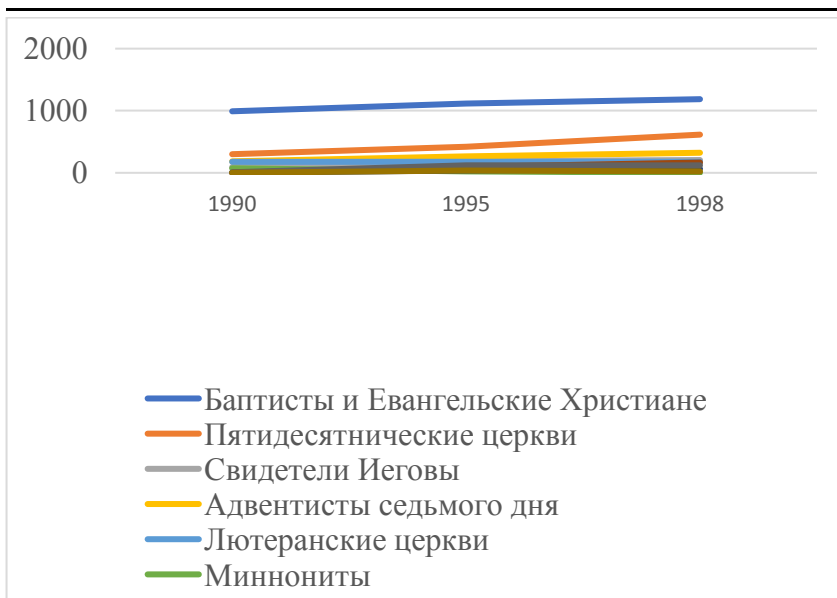

Рис. 4. Динамика количественных изменений духовных организаций в России, относящихся к протестантской конфессии и «новым» религиозным движениям

Невиданного ранее размаха взаимодействие государства с религиозными организациями, в том числе Русской Православной Церковью, достигло при первом президенте постсоветской России Б.Н. Ельцине. Показательно, что политик пригласил глав основных представленных в стране конфессий на церемонию своего официального вступления в должность [18, с. 26]. Б.Н. Ельцин также стал первым главой российского государства со времен Временного правительства, получившим от имени церкви формальную поддержку, благословение. С этого момента высшие должностные лица России как правило регулярно участвуют в богослужениях, посвященных религиозным праздникам. В последнем десятилетии XX в. сформировалась еще одна форма взаимодействия церкви и государства, связанная с проведением священнослужителями обрядов освещения движимых и недвижимых объектов государственного имущества – например, правительственных зданий и

резиденций, космических ракет, боевых кораблей [11, с. 17]. Она актуальна и в наши дни.

Тем не менее, ряд исследователей во многом небезосновательно подвергает сомнению глубинность изменений, затронувших религиозную жизнь страны в рассматриваемые нами хронологические рамки, и апеллирует к тому, что ее ревитализация затронула лишь внешнюю сторону жизни общества, в то время как из жителей России, считающих себя православными христианами, лишь малая часть верит в жизнь после смерти и Христово Воскресение, а также строго соблюдает все церковные предписания [10, с. 12]. С этой точки зрения, аналогичная ситуация сложилась и с исламом, однако течение двух чеченских войн иллюстрирует, что пассивная вера может быть достаточно быстро трансформирована в радикальную благодаря, с одной стороны, простоте учения и высокой степени его адаптируемости к конкретной конъюнктуре, а с другой – детализированной регламентации всех сторон жизни, предлагающей видимую стабильность в непредсказуемых обстоятельствах.

Один из основных вызовов, ныне стоящих перед Русской Православной Церковью, связан с адаптацией древнеславянско-византийской традиции к современным социокультурным реалиям, характеризующимся общим кризисом религиозного сознания и теологической мысли. Столкнувшись с аналогичной проблемой, по достаточно нестандартному пути пошли протестантские церкви, богослужения в которых, как известно, ведутся практически на разговорном языке, а проповедь больше напоминает выступление оратора.

Еще одной проблемой ныне остается высокая степень политизированности духовных институтов России, в том числе Русской Православной Церкви. В последнем десятилетии прошлого столетия в нашей стране действовали даже религиозные политические партии, принявшие участие в выборах в Государственную Думу 1995 г. Однако, в отличие от ряда зарубежных государств, например, Германии с ее Христианско-демократическим союзом и Христианско-социальным союзом, им не удалось получить необходимое количество голосов избирателей, пройти в парламент и «завоевать» прочное место в политикуме России. Наибольший, но все равно недостаточный успех, тогда получили две религиозные

партии – общероссийское мусульманское общественное движение «Нур» (0,5%) и российское христианское демократическое движение «Христианско-демократический союз» (0,28%) [2, с. 21]. Несмотря, однако, на провал попыток религиозных движений добиться политической и законодательной субъектности напрямую, отметим, что им удалось добиться ее опосредованно – как нами было отмечено ранее, взаимодействие действующей власти с духовными организациями, не только православными, имеет тенденцию к укреплению и углублению. Вопрос об этической «правильности» или «неправильности» такого социополитического факта мы оставим вне рамок этой статьи.

На процесс возрождения православия в современной России повлиял и продолжает оказывать влияние широкий и разнородный спектр факторов. Выделим и охарактеризуем три основные группы: политическую, социокультурную и экономическую.

В группе политических факторов особое место занимает распад Советского Союза и последующий запрет в Российской Федерации государственной идеологии. В этой связи, создавшийся «идеологический вакуум» был частично заполнен возвращением к ряду традиционных ценностей, особое место среди которых занимает религиозная аксиология. Констатацией и своеобразной мерой закрепления сложившейся в обществе новой реальности стала легализация и государственная поддержка религии. В частности, законодательное закрепление свободы совести, передача Русской Православной Церкви тысяч объектов имущества, а также участие высших должностных лиц государства в церковных праздниках и обрядах послужило одним из ключевых факторов возрождения православия в современной России. Наряду с этим, благоприятный фон для развития православия ныне создан благодаря использованию его отдельных элементов в качестве составных частей столпов российской государственности, что закреплено в Указе Президента России от 09 ноября 2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В частности, пункт 6 этого документа напрямую провозглашает христианство, наряду с исламом, буддизмом, иудаизмом и другими религиями, неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия [17]. Там же

подчеркивается, что оно оказало значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для всех групп граждан – как верующих, так и атеистов. Утвержденные Указом ценности, такие как жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимопочтение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России, лежат в основе православного вероучения и обуславливают высокую степень поддержки его институтов со стороны государства. Важно упомянуть и о широком и многоаспектном взаимодействии Русской Православной Церкви с государственными институтами в образовательной, военной и культурной сферах, а также в сфере социальной политики. Например, оно находит проявление в проведении священнослужителями различных курсов и внеклассных занятий в учреждениях среднего и высшего образования [8, с. 142], деятельности специализированных духовных учебных заведений, присуждении соискателям ученых степеней в области богословия, деятельности военных священников в рядах воинских частей и соединений Вооруженных сил Российской Федерации.

Заметное и существенное влияние на процесс возрождения православия в рассматриваемый хронологический промежуток оказал и ряд социокультурных факторов. Так, после распада Советского Союза и краха десятилетиями выстраиваемого идеологического конструкта сотни тысяч граждан России и бывших союзных республик находились в поиске новых смысловых опор. Многие из них нашли новую основу в православии, тесно связанном с историей и культурой России и предшествовавших ей политий. В свою очередь, на фоне многочисленных общественных потрясений, связанных с событиями последнего десятилетия XX в., беспрецедентного роста преступности, коррупции и этнической нетерпимости, обострилась потребность общества в четких и устойчивых моральных ориентирах, которые и были предложены Церковью. Нельзя обойти стороной и одну из важнейших функций любой религии – компенсаторную. Так, в условиях экономической нестабильности,

социальной незащищенности и психологического дискомфорта, религия становилась источником утешения, надежды, чувства общности и поддержки. К этому же времени относится опубликование многочисленных источниковых данных, раскрывших для общества масштабы гонений на Церковь в советский период, что способствовало росту сочувствия к ней и уважения к ее стойкости, а также стремлению восстановить историческую справедливость. Отметим и общий рост интереса общества к изучению истоков русской культуры, которое немыслимо без обращения к православию, его искусству, архитектуре, литературе и философии. Наконец, для многих россиян православие стало восприниматься в качестве неотторжимой части их этнической идентичности, «русскости».

В числе экономических факторов выделим прежде всего рост частного капитала как следствие процесса приватизации, и последующий рост объемов благотворительной помощи. Это привело к расширению возможностей финансирования церковных проектов – прежде всего восстановления пострадавших в минувшие десятилетия святынь и строительство новых сооружений. Стабилизация же экономики в первом десятилетии XXI в. позволила как государству, так и частным лицам, направлять значительные объемы материальных ресурсов на возрождение религиозных объектов.

Таким образом, следует констатировать, что на рубеже XX–XXI веков Россия «пережила» беспрецедентный социокультурный и духовный сдвиг, ознаменовавшийся ревитализацией православия после семи десятилетий государственного атеизма и непримиримых гонений. Анализ предпосылок, факторов и динамики этого процесса позволяет сделать ряд принципиальных выводов. Прежде всего, следует отметить, что предпосылки возрождения носили многоаспектный характер. С одной стороны, свое выражение нашла глубинная историческая народная память о тысячелетней православной традиции, которая, несмотря на все попытки искоренения, сохранялась в семейных преданиях, народной культуре и элементах бытового мировоззрения. С другой стороны, системный кризис советской идеологии и крах коммунистического проекта оставили неизмеримый духовный вакуум, который было необходимо заполнить новыми смыслами и ценностями. К факторам же, запустившим и поддерживавшим динамику возрождения

православной религиозности, можно отнести: усилившуюся в условиях перехода к рыночной экономике потребность в психологическом утешении, в предсказаниях будущего; потребность в возвращении в русло культурно-исторической преемственности развития и национальной самоидентификации; свободу религиозной пропаганды и открытость источников религиозных знаний; потребность новых политических властей в поддержке широкими кругами населения; разрушение сферы социальной помощи, обострившее потребность в духовной и материальной поддержке, в утешении. Динамика возрождения характеризовалась не меньшей неравномерностью и сложностью. Начальный этап, который может быть условно ограничен хронологическими рамками второй половины 1980-х-середины 1990-х, ознаменовался бурным ростом численности различных религиозных организаций. Более поздние этапы, напротив, отмечены углублением институционализации, качественным развитием социального и миссионерского служения, а также появлением новых вызовов: например, проблем воцерковления «номинальных верующих», поиска подходов к взаимодействию с государством, формирования баланса между традициями и современностью. В настоящее время православие в России не просто возрождено – оно стало значимым актором общественной жизни, системообразующим элементом культурного ландшафта и важным фактором формирования национальной идентичности.

Библиографический список к главе II

1. Бергер П. Религиозный опыт и традиция / П. Бергер // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 363 с.
2. Будилова Е.В. Электораты ведущих партий и движений на выборах 1995 г. (Многомерно-статистический анализ) / Е.В. Будилова, Л.А. Гордон, А.Т. Терехин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1996. – №2. – С. 18–24. EDN HUCUZZ
3. Евдокимова Л.С. Процесс возвращения религиозным организациям имущества культового назначения в России (конец 80-х – начало 90-х годов XX века) / Л.С. Евдокимова // *Magistra Vitae*. – 2009. – №37. – С. 151–154.
4. Закон РСФСР от 25.10.1990 №267-1 «О свободе вероисповеданий // СПС КонсультантПлюс: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3953/ (дата обращения: 26.12.2025).

5. Казимиров М.С. Возрождение православия в Алатырском районе Чувашии в конце XX – начале XXI в. / М.С. Казимиров // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: сборник материалов IV Всеросс. науч. конф. (Чебоксары, 21 нояб. 2025 г.). – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 43–48. DOI 10.31483/r-151810. EDN WRNIRC
6. Кашеваров А.Н. Государственно-церковные отношения в период «Перестройки» 1985–1991 гг. / А.Н. Кашеваров // Terra Linguistica. №1. 2015. С. 109–115. DOI 10.5862/JHSS.215.14. EDN TNIKSL
7. Котельников Г.А. Концептуальные модели взаимодействия светской и религиозной культур / Г.А. Котельников, С.Д. Лебедев // Социологические исследования. – 2004. – №5. – С. 121–129. EDN OWVXQD
8. Лебедев С.Д. Две культуры: религия в российском светском образовании на рубеже XX–XXI веков: монография / С.Д. Лебедев. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – 250 с. EDN QVMURN
9. Лебедев С.Д. Религиозный ренессанс: к демифологизации понятия / С.Д. Лебедев // Социологический журнал. – 2007. – №2. – С. 24–35. EDN PCVZON
10. Лопаткин Р. Конфессиональное пространство России: глазами социолога / Р. Лопаткин // Религия и право. – 2001. – №4. – С. 10–14.
11. Осипов Г.В. Православная церковь современной России в системе гражданского общества / Г.В. Осипов, Д.В. Аверьянова // Социум и власть. – 2019. – №3. – С. 15–29. DOI 10.22394/1996-0522-2019-3-15-29. EDN VUGDNJ
12. Религии народов современной России: словарь / редкол.: М.П. Мчедлов (отв. ред.), Ю.И. Аверьянов, В.Н. Басилов [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Республика, 2002. – 624 с.
13. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. – Кн. 2. – М.: Пропилеи, 1995. – 464 с.
14. Степанова Е.А. Теории секуляризации в «Проекте модерна»: возможности и границы / Е.А. Степанова // Антиномии. – 2009. – №9. – С. 54–73. EDN MTWDUN
15. Таймасов Л. А. Некоторые особенности возрождения православия в Чувашии на рубеже XX–XXI вв. // Феномен глобализации и проблемы социокультурного многообразия в современном мире: сборник материалов Международной заочной научно-практической конференции (2 марта 2017 г.) / под общ. ред. Е. М. Михайловой, Н. А. Подкиной. – Чебоксары: ЧКИ РУК, 2017. – С. 82–89. EDN ZNZVZP
16. Тимошук Е.А. Социокультурная феноменология Питера Бергера / Е.А. Тимошук // NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. – 2020. – №4. – С. 704–710. DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-4-704-710. EDN FUJAPJ
17. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. №809 // Информационно-правовой портал Гарант: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=mjsqpkocz350732422> (дата обращения: 21.12.2025).
18. Фурман Д.Е. Религиозная стабилизация: отношение к религии в современной России / Д.Е. Фурман, К. Каарияйнен // Свободная мысль – XXI. – 2003. – №7. – С. 19–31.
19. Хрулева И.Ю. Религиозная полемика эпохи первого «Великого пробуждения» в британской Америке и создание колледжа Нью-Джерси (1746) / И.Ю. Хрулева, О.А. Мохова // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2019. – №4. – С. 18–35. EDN RUKZOK

Научное электронное издание

**РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЫ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Монография

Коллектив авторов

Главный редактор *Э. В. Фомин*
Компьютерная верстка *Е. В. Кузнецова*

Подписано к использованию 30.12.2025 г.
Объем 2,15 Мб. Тираж 20 экз.
Уч. изд. л. 10.00.

Издательский дом «Среда»
428023, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
<https://phsreda.com>